

Ван Тиен Зунг

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА ВЕСНОЙ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТОГО

Ван Тиен Зунг. Великая победа весной семьдесят пятого. — М.: Воениздат, 1980.

Văn Tiến Dũng. Đại Thắng Mùa Xuân. — Nhà Xuất Bản Quân Đội Nhân Dân Hà Nội. — 1976.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие

1. Революционное насилие
2. Благоприятный момент
3. Важное направление боевых действий
4. Дорога на фронт
5. Расстановка сил
6. Точно рассчитанный удар
7. Отражение контратаки противника
8. Перелом в войне
9. Приумножая победы
10. Изменения в обстановке и новые стратегические замыслы
11. Стремительность
12. Подготовка к операции «Хо Ши Мин»
13. Сражение надвигается
14. Дерзость, внезапность, верный расчет
15. Смертный час врага
16. Битва за Сайгон
17. Полная победа

Примечания

Список иллюстраций

Книга принадлежит перу члена Политбюро ЦК КПВ, министра национальной обороны СРВ. На основе документальных данных автор рассказывает о заключительном этапе многолетней героической борьбы вьетнамского народа против сил империализма и внутренней реакции, завершившейся под руководством Коммунистической партии Вьетнама славной победой весной 1975 года.

Дорогие советские читатели!

Военное издательство Министерства обороны СССР попросило меня, автора этой книги, написать для вас несколько строк.

Прежде всего я боец, а потом уже писатель. Всем своим сердцем я вьетнамский боец, и, пользуясь случаем, позвольте мне передать пламенный привет советским читателям — нашим самым близким друзьям, горячие и задорные сердца которых постоянно бьются в одном ритме с сердцами народов стран, борющихся за мир, национальную независимость, демократию и социализм.

Я очень взволнован, думая о том, что среди моих дорогих читателей очень много военнослужащих: генералов, офицеров и бойцов братских Вооруженных Сил СССР — боевых соратников вьетнамской Народной армии. Воины вооруженных сил наших двух стран издавна и прочно спаяны между собой, так как имеют общую коммунистическую идеологию и общее чувство глубокой ответственности за сохранение свободы, независимости, мира, за прекрасное будущее Весны человечества.

И если эта книга внесет хотя бы небольшой вклад в укрепление взаимопонимания, постоянной боевой солидарности и крепнущего социалистического сотрудничества между народами и вооруженными силами наших двух стран, то это и явится самым высоким стимулом для писателя.

Это — рассказ бойца об однополчанах и о своем народе в незабываемые дни весны, которая обрушилась стремительной лавиной и принесла нам победу, обрушилась со всей решимостью так, как учил всех нас великий Ленин с времен Октябрьской революции.

«Вперед, и победа будет непременно за нами» — это слова Хо Ши Мина, нашего дорогого Дядюшки Хо, который все предвидел еще до этой весны.

Великая весенняя победа по своей ожесточенности и стремительности была подобна урагану. За 55 суток непрерывных боев генеральное наступление нашей армии и всеобщее восстание народа завершились полной победой. Закончилась длительная война Сопrotивления против иностранных захватчиков.

Являясь по своей должности одним из тех, кто нес ответственность за организацию и осуществление двух крупных операций, завершившихся полной победой, я прежде всего хотел показать гибкое, правильное и полное революционного наступательного порыва руководство со стороны нашего Политбюро ЦК, извлекающего хороший опыт из прошлой войны, и рассказать о больших изменениях в военном деле.

Весьма впечатляющим моментом в великой весенней победе были замысел и чрезвычайная решимость высших руководящих органов при принятии стратегических решений, порой почти интуитивная. Все эти решения доходили до каждого офицера, до каждого солдата, до каждой революционной массовой организации как в городе, так и в деревне. На борьбу поднялась вся страна и одержала замечательную победу. Каждый внес в эту победу свой непосредственный вклад. В сердце каждого из нас, объединившихся в едином порыве, была заложена сила традиций нашего народа, тесно связанного на протяжении вот уже полувека с руководством нашей Коммунистической партии.

Генеральный секретарь ЦК нашей партии товарищ Ле Зуан неоднократно подчеркивал: «Именно благодаря выдвинутому независимому курсу и творческим революционным методам революция во Вьетнаме одержала такую огромную победу».

Обстановка в Азии была и остается сложной. Великая победа весной 1975 года имела большое значение для установления прочного мира в Юго-Восточной Азии и во всем мире. Можно констатировать, что великая весенняя победа вьетнамского народа была одержана вопреки замыслам империалистов и экспансионистских сил великодержавного шовинизма, вопреки их гегемонистским стратегическим расчетам.

Социалистический и единый Вьетнам активно придерживается независимого суверенного курса, интернационализма, становится реальной силой на пути всех экспансионистских и гегемонистских сил, желающих снова вторгнуться в Юго-Восточную Азию. Именно поэтому Вьетнамский народ вновь подвергается грубому давлению, угрозам, вновь стоит перед вызовом.

Никогда еще за всю историю наша вьетнамская нация не была так сильна, как сейчас. Мы стали могущественнее благодаря международной солидарности со всем прогрессивным человечеством, благодаря бескорыстной помощи и поддержке всей социалистической системы, благодаря искреннему братскому сотрудничеству с советской страной — надежным оплотом мира, верной опорой всех действительно революционных сил во всем мире.

Мы бесконечно тронуты словами Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, сказанными им в речи 29 июня 1978 года:

«Сегодня, когда вьетнамскому народу приходится испытывать грубое и несправедливое давление извне, мы вновь заверяем братский Вьетнам в решительной поддержке его усилий, направленных на строительство нового общества, на улучшение условий жизни народа, на защиту неотъемлемых суверенных прав и упрочение международных позиций Социалистической Республики Вьетнам — надежного форпоста социализма в Юго-Восточной Азии.

Мы были, есть и будем вместе с Вьетнамом»^{1}. Это могучий вдохновляющий источник для всего вьетнамского народа и его вооруженных сил в новой обстановке.

Как все-таки интересно распорядилась история: великая победа весной 1975 года во Вьетнаме была, одержана ровно через 30 лет после того, как Советская Армия в 1945 году форсировала реку Одер и взяла Берлин. Вьетнамский народ и его вооруженные силы не могут не гордиться тем, что своей великой победой 1975 года они достойно отметили эту годовщину и продолжили легендарные подвиги героических Советских Вооруженных Сил.

И пусть советские люди, читающие эту книгу, разделят с нами радость боев и побед. И если на страницах этой книги вы встретите что-либо полезное для себя, то все это неотделимо от творческого развития (с учетом конкретных условий и традиций Вьетнама) военной науки и военного искусства класса пролетариата, которому указал путь марксизм-ленинизм и прочный фундамент для которых ценою своей крови создали советский народ и его Вооруженные Силы.

Позвольте еще раз горячо поблагодарить Военное издательство Министерства обороны СССР за издание этой книги на русском языке. Мы считаем это проявлением солидарности наших советских братьев,

солидарности, основанной на высоких принципах пролетарского интернационализма по отношению к вьетнамскому народу и нашим вооруженным силам.

Ван Тиен Зунг

Ханой, 10 октября 1978 года

1. РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАСИЛИЕ

Весной 1974 года, вскоре после Тэта Зиапзан{2}, в Ханое в доме номер 33 по улице Фам Нгу Лао состоялось совещание высшего командного состава вьетнамской Народной армии. В нем приняли участие представители всех фронтов, армейских корпусов и дивизий всех видов вооруженных сил и родов войск, а также работники органов, непосредственно подчиненных Ставке Главного командования. На совещании обсуждались решения XXI пленума ЦК партии, состоявшегося в октябре 1973 года, постановление Военного комитета при ЦК, принятое в марте 1974 года и одобренное на заседании Политбюро.

Товарищи Ле Зуан и Ле Дык Тхо, участвовавшие в работе совещания, ознакомили собравшихся с решениями пленума. В те же дни Национальное собрание вынесло постановление, по которому группа высших офицеров вьетнамской Народной армии получила повышение в звании. Его объявил президент Тон Дык Тханг, обратившийся к участникам совещания с речью. В ней он указал на задачи, стоявшие перед вооруженными силами страны на новом этапе, и воодушевил нас на их выполнение.

Решения ЦК вызвали в рядах всей армии большой подъем, так как они дали возможность каждому солдату и офицеру увидеть дальнейшие пути развития революции и светлые перспективы. Советы и указания Первого секретаря ЦК товарища Ле Зуана и президента Тон Дык Тханга были восприняты всей нашей армией как приказ партии и страны неуклонно идти вперед, к новым победам.

Шел второй год со дня подписания Парижского соглашения по Вьетнаму.

В соответствии с этим соглашением американские империалисты должны были прекратить агрессивную войну во Вьетнаме и вывести все свои войска и войска стран-сателлитов из Южного Вьетнама. США приняли на себя обязательство уважать основные национальные права нашего народа — право на независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность, уважать право населения Южного Вьетнама на самоопределение, положить конец военному присутствию и вмешательству во внутренние дела Южного Вьетнама, признавать реально существующими две власти, две армии, две контролируемые зоны и три политические силы на Юге.

Парижское соглашение по Вьетнаму явилось большой победой нашего народа и серьезным поражением американских империалистов и их приспешников. Оно закрепило результаты восемнадцатилетней стойкой и упорной борьбы, которую вели наша армия и весь наш народ под мудрым руководством партии. Соглашение ознаменовало собой поворотный пункт в революционной борьбе нашего народа, открыло новый этап в истории южновьетнамской революции — этап завершения национальной народно-демократической революции и воссоединения родины. Национальная народно-демократическая революция во всем Вьетнаме в целом и революционная война в Южном Вьетнаме в частности вступили в завершающую фазу.

Все это объясняет, почему американские империалисты и их пособники планомерно и систематически нарушали Парижское соглашение.

Вынужденные подписать его, США тем не менее не отказались от своей раз и навсегда установленной политики в отношении Вьетнама: проводить в жизнь доктрину Никсона, насаждать в Южном Вьетнаме неокOLONиализм американского образца, увековечить раскол страны. Для осуществления этих коварных замыслов Вашингтон, подписывая соглашение, с самого начала стремился помочь сайгонскому марионеточному режиму продолжать войну, злостно срывать выполнение достигнутых договоренностей. Действуя по принципам Макиавелли{3}, империалисты США вели на юге нашей страны агрессивную колониальную войну нового типа. Они продолжали оказывать марионеточному режиму военную и экономическую помощь. Перед выводом своих войск США ввезли в Южный Вьетнам

около 700 самолетов различных типов, 500 артиллерийских орудий, 400 танков и бронетранспортеров и доставили множество военных кораблей. Предполагалось дополнительно передать марионеточному правительству большое количество военной техники, а также значительно увеличить резервы военных средств марионеточной республики, доведя их в весовом выражении почти до 2 млн. тонн.

Еще не успели высохнуть чернила на тексте Парижского соглашения, как Нгуен Ван Тхиеу развернул шумную кампанию по «наплыву» на освобожденные территории, сосредоточивая усилия на осуществлении таких планов, как «трехлетний план умиротворения на 1973–1975 годы», «полугодовой план умиротворения на март — август 1973 года», «военный план имени Ли Тхыонг Киета», «план военного строительства на 1974–1979 годы». Все эти планы были нацелены на то, чтобы уничтожить вооруженные силы и революционные организации в Южном Вьетнаме.

Враг лихорадочно наращивал мощь марионеточной армии, в первую очередь тех видов вооруженных сил и родов войск, которые были призваны при любых обстоятельствах противостоять нашим регулярным войскам. В 1973 году марионеточная армия пополнила свои ряды примерно 240 тыс. новобранцев. Были вновь призваны на службу более 130 тыс. солдат, ранее дезертировавших или получивших инвалидность. Численность марионеточной армии, таким образом, возросла до 710 тыс. человек, что почти равно общему числу военнослужащих в декабре 1972 года (717 тыс.) и значительно превышало уровень, зафиксированный на 27 января 1973 года^{4} (650 тыс. человек). Была увеличена численность личного состава батальонов регулярных войск и территориальных формирований. Усиленно развивалась авиация, особенно тактическая, в том числе вертолетная. Увеличивалось количество танков и бронетранспортеров, танки М-41 заменялись более совершенными танками М-48. К этому времени противник в основном завершил формирование подразделений и частей «охраны безопасности», превратив их в мобильные силы, действующие в пределах военных зон и округов. Одновременно численность сил «гражданской обороны» была увеличена с 1100 тыс. человек (из них 230 тыс. вооруженных) до 1 500 тыс. человек (в том числе 400 тыс. вооруженных). Таким образом, к концу 1973 года марионеточная армия была значительно укреплена как в организационном, так и в

техническом отношении. Пользуясь этим, противник всемерно стремился привести в исполнение свои планы по «умиротворению» и захвату территорий, надеясь уничтожить местные революционные силы, ликвидировать базы сопротивления, расположенные внутри оккупированной зоны, подвергнуть блокаде экономику «пограничных» районов и вновь захватить районы, освобожденные нами до подписания Парижского соглашения. В конечном итоге все планы и расчеты были нацелены на то, чтобы положить конец существованию в Южном Вьетнаме двух зон, двух армий, двух администраций, превратить весь Юг в зону, целиком контролируемую США и их ставленниками. За 11 месяцев 1973 года сайгонское командование ввело в действие 60 процентов состава регулярной армии и все местные формирования, осуществило более 360 тыс. акций по захвату территорий, ликвидации очагов сопротивления и другие военные действия, имевшие целью сделать те или иные районы Юга «безопасными» для сайгонского режима. Крупные силы были сосредоточены для наступления на такие освобожденные районы, как Шахюинь, северная часть провинции Контум, Тинге, Киендык, Куангдык, часть провинции Митхо, расположенную вдоль шоссе № 4, Тионгхиен, Нуйзай и Читон. Враг стремился выбить наши силы из всех районов, перешедших под их контроль в результате боев в январе 1973 года, а также ликвидировать освобожденные районы, находящиеся на контролируемой марионеточным правительством территории. США продолжали сохранять в Юго-Восточной Азии так называемые «силы устрашения», в состав которых входила авианосная авиация 7-го американского флота и авиация, расположенная на военных базах в Таиланде. Все эти действия сопровождались активизацией дипломатической деятельности и имели целью до минимума ограничить возможность массированного наступления с нашей стороны.

Вьетнамский народ не мог сидеть сложа руки, видя, как США и их марионетки нагло нарушают соглашения и при этом, как отпетые мошенники, пытаются свалить вину с больной головы на здоровую. Перед лицом серьезной опасности, вызванной действиями врага, XXI пленум ЦК партии, состоявшийся в октябре 1973 года, выдвинул курс на сочетание политической и военной борьбы с борьбой дипломатической и ясно указал, что «путь революции в Южном Вьетнаме является путем революционного насилия. В любой

обстановке мы должны сохранять бдительность, строго придерживаться стратегической наступательной линии и осуществлять гибкое руководство, чтобы южновьетнамская революция могла продвигаться вперед. Освободить население и привлекать его на нашу сторону, бороться за то, чтобы быть хозяином положения, развивать силы революции — таково неперемutable и основное требование нового этапа...».

Суть решений XXI пленума ЦК партии состояла в следующем: враг не выполняет соглашения, продолжает политику вьетнамизации войны, которая, в сущности, является колониальной войной нового типа, направленной на то, чтобы захватить весь Юг. В этих условиях нам ничего другого не остается, как вести революционную войну. Она даст нам возможность уничтожить врага и освободить Южный Вьетнам.

В марте 1974 года собрался Военный комитет при ЦК партии, чтобы изучить решения XXI пленума ЦК и обсудить план конкретных военных мероприятий по их претворению в жизнь. Военный комитет констатировал: «Вьетнамская революция, возможно, должна будет пройти через целый ряд переходных ступеней, но она может добиться победы только путем революционного насилия. Речь идет о том, чтобы, опираясь на политические и вооруженные силы, поднимать восстания, а в случае возобновления военных действий в широком масштабе развернуть революционную войну для завоевания полной победы». Было отмечено также, что «южновьетнамская революция должна неуклонно руководствоваться наступательной стратегией... Мы должны наносить противнику контрудары, переходить в наступление, всесторонне укреплять и развивать нашу инициативу».

На своем совещании Военный комитет при ЦК партии не только выдвинул общую установку — «наносить контрудары и переходить в наступление», но и указал пути ее осуществления в каждом отдельном районе, а также методы действий на различных фронтах. Перед всей армией была поставлена задача активизировать политическую работу с целью непрерывного и всестороннего повышения идейного уровня личного состава вооруженных сил, добиться нового мощного сдвига в сознании, в развитии организованности и практических способностей, в стиле работы каждого подразделения и части, каждого офицера и бойца; в особенности необходимо закалять боевую волю, укреплять воинскую

дисциплину, обеспечивать успешное выполнение всеми тремя категориями вооруженных сил{5} задач, стоящих на новом этапе.

Постановление Военного комитета при ЦК было одобрено на заседании Политбюро.

После утверждения постановления Генштаб вместе с Главным политическим управлением, Главным управлением тыла и другими органами приступили к немедленному изучению и разработке стратегического плана, а также планов операций для каждого фронта. Началось срочное формирование регулярных боевых соединений, частей обеспечения и обслуживания, а также подготовка их личного состава. Разрабатывались меры по подготовке и материально-техническому обеспечению операций. Командованию фронтов предписывалось активизировать наступательные действия войск, поддерживать и развивать повстанческое движение среди населения, удерживать и развивать стратегическую инициативу, добиваться неуклонного изменения обстановки в свою пользу и готовить условия для широкого повсеместного наступления, намечаемого на 1975 год.

Во всех районах Юга и в каждой отдельной местности, от района Чи-Тхиен до Западного Намбо, включая территорию, прилегающую к Сайгону-Задиню, с апреля по октябрь 1974 года военные действия приобретали все более ожесточенный характер. Наши вооруженные силы непрерывно наносили контрудары по врагу и развертывали наступление, добиваясь все более значительных побед. С фронтов с каждым днем поступало все больше хороших вестей. Всюду, где последовательно руководствовались решениями XXI пленума ЦК партии и Военного комитета при ЦК — претворять в жизнь наступательную стратегию, — вражеские планы «умиротворения» срывались, освобожденные районы и базы, расположенные на территории противника, не только прочно удерживались, но и расширялись. Противник терял инициативу и был вынужден все чаще переходить к пассивной обороне.

Особенно внимательно мы следили за ходом боев за уездный центр Тхыонгдык в 5-м военном округе. Здесь наши войска впервые померились силами с так называемыми отборными частями противника. Чтобы отбить город и одноименный военный подокруг, занятые патриотами, противник перебросил сюда воздушно-десантную дивизию, которая в течение многих дней контратаковала

гарнизон Тхыонгдыка. Однако наши части все-таки отстояли город, нанесли врагу тяжелые потери и вынудили его уйти ни с чем.

С учетом опыта, приобретенного под Тхыонгдыком и в боях по уничтожению основных сил противника, находившихся в Тинге и Дакпете (Тайнгуен), Генеральный штаб пришел к следующим выводам, о которых было доложено Военному комитету при ЦК: боеспособность наших мобильных войск регулярной армии значительно выше боеспособности врага; война вступила в заключительную стадию; соотношение сил на фронте изменилось: мы стали сильнее, враг — слабее. Поэтому мы можем и должны перейти от боевых действий, имеющих основной целью уничтожение живой силы противника, к боям, в ходе которых решалась бы задача не только разгрома противника, но и освобождения территорий и прочного их удержания; мы должны перейти от планов по разгрому войсками нашей регулярной армии регулярных сил противника главным образом в горной местности к планам разгрома этих сил, освобождения городов и «пограничных» территорий на равнине. Для того чтобы нанести решительное поражение противнику и удержать новые освобожденные районы, уже недостаточно было использования отдельных, даже взаимодействующих друг с другом, дивизий. Нужны были более крупные мобильные соединения, которые, действуя на главных направлениях, смогли бы в решающий момент нанести противнику сокрушительные удары, успешно решая основные задачи по уничтожению его регулярных сил.

Политбюро и Военный комитет при ЦК единодушно одобрили сделанные выводы и указали на необходимость немедленной организации мобильных соединений, которые бы находились в непосредственном подчинении Главного командования. С октября 1973 года начали формироваться армейские корпуса, стали проводиться маневры, имевшие целью выработать наиболее эффективные методы взаимодействия частей и соединений корпуса, их развертывания на стратегических направлениях военных действий. Создание армейских корпусов, имеющих в своем составе части усиления и обслуживания, явилось значительным шагом вперед на пути развития нашей армии. Это дало нам возможность проводить крупные операции с участием различных родов войск силами нескольких армейских корпусов, обладающих большой ударной силой, высокой маневренностью, находящихся в постоянной боевой

готовности, способных разгромить противника в операциях стратегического значения. Наряду с реорганизацией вооруженных сил неотложной задачей явилось укомплектование новых соединений личным составом и оснащение их новым, более совершенным оружием и боевой техникой. Огромное количество боевой техники, включая танки, бронетранспортеры, ракеты, дальнобойную артиллерию, зенитные орудия, которую американские империалисты намеревались, но так и не смогли уничтожить в период двенадцатидневной бомбардировки стратегическими самолетами В-52 Северного Вьетнама, было отправлено на Юг. Впервые наша самоходная артиллерия и танки вступили на каучуковые плантации Намбо. Это свидетельствовало о значительном росте технической оснащенности армии; одновременно это был важный шаг в деле активной подготовки к будущему генеральному наступлению.

Но одного обладания мощными вооруженными силами, оснащенными современными видами оружия, было недостаточно. Чтобы они могли в полной мере проявить себя на фронте, необходим был целый ряд других условий. Закономерность революционной войны состояла в том, чтобы создавать поначалу небольшие воинские подразделения и постепенно превращать их в крупные боевые соединения, состоящие из различных родов войск, способные нанести поражение крупным силам противника, а при вступлении в город — ударить по его штабам и узлам сопротивления. Только таким образом можно было свергнуть марионеточную власть, поставить врага на колени и освободить Родину. Для осуществления данной задачи необходимо было иметь соответствующую систему коммуникаций, современные транспортные средства, обеспечивающие бесперебойную доставку продовольствия, оружия и боеприпасов на фронт. С наибольшей остротой стоял вопрос о строительстве системы дорог, имеющих большую пропускную способность. Начиная с 1973 года на востоке горного хребта Чыонгшон быстрыми темпами прокладывалась стратегическая дорога, соединявшая шоссе № 9 (Куангчи) с Восточным Намбо. Строительство этой линии снабжения, завершенное весной 1975 года, явилось трудовым подвигом свыше 30 тыс. наших солдат и добровольцев. (Общая же протяженность всех военных дорог стратегического и оперативного назначения, проложенных на Юге за годы войны, составляет более 20 тыс. км.) Страна, народ вложили в это дело огромные силы и средства. Тысячи машин различных видов,

десятки тысяч солдат, рабочих, инженеров, молодых добровольцев, народных носильщиков, преодолевая невероятные лишения и трудности, вызванные суровым климатом и капризами погоды, а также вражескими бомбардировками, день и ночь трудились в горах, прокладывали дороги на перевалах, перетаскивали камни, засыпали ямы, рыли водосточные каналы, строили мосты, возводя на западе страны грандиозное сооружение, которым мы вправе гордиться. По широким горным дорогам в течение всего года, день и ночь, на большой скорости двигались тяжелые грузовики, боевая техника, перевозя сотни тысяч тонн различных грузов для обеспечения победы в предстоящих крупных операциях.

Вдоль линии снабжения от Куангчи через Тайнгуен к Локниню на 5 тыс. км протянулся нефтепровод. Он был проложен через широкие реки, глубокие ручьи, высокие горы. Этот нефтепровод позволял безотказно снабжать горючим десятки тысяч автомашин.

Можно представить себе эту систему стратегических и прифронтовых дорог, раскинувшихся на десятки тысяч километров вдоль и поперек возвышающегося на западе страны горного хребта, как крепкие петли, ежедневно и ежечасно стягивающиеся вокруг шеи гигантского чудовища, выжидая момент, чтобы окончательно задушить его. Телефонные линии дотянулись до Локниня. Теперь можно было из Ханоя связаться со штабами войсковых соединений.

В то время как народ Южного Вьетнама почти повсюду теснил врага, завоевывая право быть хозяином своей родной земли, на Севере в ответ на призыв партии и Родины десятки тысяч юношей и девушек из деревень, городов, из учреждений, школ и предприятий с воодушевлением вступали в армию.

Решения XXI пленума ЦК партии и постановление Военного комитета при ЦК, мудрое и своевременное руководство Политбюро сыграли громадную роль в изменении обстановки на фронте в нашу пользу, мобилизовали силы всей страны на оказание помощи сражающемуся Югу.

2. БЛАГОПРИЯТНЫЙ МОМЕНТ

С июля по октябрь 1974 года все отделы Генштаба работали с большим напряжением. Ежедневно члены Политбюро и Военного

комитета при ЦК партии внимательно изучали обстановку на фронте и осуществляли общее руководство разработкой стратегических планов военных действий.

В этот период вся наша партия, весь народ жили радостными вестями, приходившими с Юга, где после известных решений XXI пленума ЦК партии и мартовского (1974 г.) постановления Военного комитета при ЦК революционное движение переживало новый подъем. Обстановка на фронте неуклонно менялась в нашу пользу. Наши вооруженные силы и народ активно и уверенно направляли ход революции и революционные силы по пути прогресса, отражали удары врага и наносили ему контрудары, изо дня в день наращивали темпы побед.

Отстаивая позиции, занятые в ходе стратегического наступления, бойцы 9-го военного округа отразили вылазки противника, уничтожив при этом более 2 тыс. постов и укреплений, освободив 400 деревень с 800 тыс. крестьян. В 8-м военном округе было ликвидировано более 800 вражеских постов и укреплений, освобождено 200 деревень с 130 тыс. жителей. Прочно удерживая инициативу, наши силы в 7-м военном округе сорвали попытки противника контратаковать севернее Сайгона. В прилегающей к этому городу зоне усилилась борьба по удержанию освобожденных территорий, противнику наносились большие потери в живой силе. В 5-м военном округе патриоты, изо дня в день наращивая мощь ударов, значительно расширили свои плацдармы в «пограничных» районах (Нонгшои, Тхыонгдык, Туйфыок, Миньлонг, Завут и др.), активизировали действия на равнине. Здесь было уничтожено около 800 постов и укреплений, освобождено 250 деревень с 200 тыс. крестьян. В Тайнгуене наши части выбили врага с занимаемых им позиций в Дакпете, Тинге, Мангбуте, Мангдэне и Йасупе, в результате чего удалось расширить освобожденную территорию и стратегический коридор. В провинциях Куангчи и Тхыатхиен наши войска продолжали блокировать дивизию морской пехоты — стратегическое мобильное соединение марионеточной армии, действовавшее в прифронтовой полосе. Население равнинных районов усиливало борьбу против операций по «умиротворению».

Враг терял инициативу, положение его становилось все более трудным во всех отношениях. Во многих равнинных районах, особенно

в дельте Меконга, планы «умиротворения» и захватов территорий потерпели провал. Моральный дух и боеспособность марионеточных войск заметно упали: с начала года 170 тыс. солдат дезертировали. Общая численность войск противника сократилась на 20 тыс. человек по сравнению с 1973 годом. Особенно велики потери в людях были в действующей армии. Стратегические мобильные силы противника оказались скованными: дивизия морской пехоты — в Каунгчи, Тхыатхиен, воздушно-десантная дивизия — в Тхыонгдыке. Из-за сокращения американской помощи планы боевых действий и реорганизации марионеточной армии не были осуществлены так, как этого хотелось противнику. В 1972/73 финансовом году на военные цели Вашингтон ассигновал сайгонскому правительству 1 млрд. 614 млн. долларов. Но уже в следующем году марионеточные власти получили лишь 1026 млн. долларов, а в 1974/75 финансовом году военная помощь США сократилась до 700 млн. долларов. В связи с этим Нгуен Ван Тхьеу призвал своих солдат во время боев помнить об экономии боеприпасов. По данным сайгонской администрации, в этот период огневая мощь армии из-за нехватки бомб и снарядов сократилась почти на 60 процентов; на 50 процентов снизилась мобильность войск в связи с нехваткой самолетов, танков и горючего. Все это вынудило командование марионеточной армии перейти от крупных операций — высадки десантов с вертолетов, танковых ударов — к позиционной обороне, прочесыванию местности и мелким облавам.

Короче говоря, основная особенность положения в Южном Вьетнаме после почти двух лет борьбы за выполнение Парижского соглашения состояла в том, что, несмотря на вынужденный уход американских войск и войск стран-сателлитов, нам по-прежнему приходилось вести революционную войну против неокOLONиалистской войны врага, сочетая вооруженную борьбу с политической. Отличительная черта этой принимавшей с каждым днем все более широкий размах борьбы состояла в том, что мы становились все активнее и сильнее, в то время как враг, наоборот, — пассивнее и слабее, что, безусловно, изменяло соотношение сил в пользу революции.

Наряду с улучшением обстановки и ростом боеспособности наших войск на фронтах Южного Вьетнама происходило всестороннее и

всемерное укрепление социалистического Севера, постепенно преодолевались тяжелые последствия двух разрушительных войн. Промышленное производство почти достигло уровня 1965 года. Жизнь страны стабилизировалась. В течение двух лет (1973–1974 годов) в армию были мобилизованы сотни тысяч людей. С большой энергией проводились мероприятия по обеспечению боевой готовности, особенно в бывшей 4-й зоне и к югу от нее, а также в войсках ПВО и военно-воздушных силах.

Наступил октябрь 1974 года. Осенние похолодания напоминали нашему командованию о приближении намеченного срока начала операций. Политбюро и Военный комитет при ЦК на совместном заседании заслушали разработанный Генеральным штабом стратегический план военных действий. Оперативное управление Генштаба подготовило довольно полный доклад о противнике и об изменениях, происшедших на Юге после подписания Парижского соглашения. Приводившиеся сведения иллюстрировались картами, схемами, сравнительными таблицами, которые были развешаны на стенах зала заседаний. Заслушав и обсудив доклад, участники заседания единодушно согласились, что положение в Южном Вьетнаме можно охарактеризовать следующим образом.

1. С каждым днем марионеточная армия слабеет в военном, политическом и материальном отношении. Наши военные силы на Юге значительно мощнее сил врага.
2. США день от дня сталкиваются со все большими трудностями как внутри страны, так и на мировой арене. Поэтому возможности оказания марионеточному режиму политической и экономической помощи с каждым часом уменьшаются. Вашингтон не только вынужден сокращать размеры помощи своим сайгонским ставленникам, но и не может вновь ввести свои войска и Южный Вьетнам. Как бы империалисты ни вмешивались в дела Вьетнама, им не удастся спасти антинародный режим от полного краха.
3. От севера до юга мы сумели упрочить свои стратегические позиции, укрепить вооруженные силы, увеличить материальные резервы, усовершенствовать систему стратегических и прифронтовых коммуникаций.

4. В городах Южного Вьетнама уже развернулась борьба за мир, улучшение жизненных условий, демократию, национальную независимость, за свержение власти Тхиеу.

5. Народы всего мира выражают свою симпатию и оказывают горячую поддержку справедливой борьбе нашего народа.

Жаркие споры на этом заседании разгорелись вокруг вопроса о том, введут ли США снова свои войска в Южный Вьетнам, если наше наступление поставит под угрозу существование марионеточного режима. Всем участникам заседания было ясно, что после подписания Парижского соглашения и вывода войск из Южного Вьетнама США более чем когда-либо оказались в трудном, конфузном положении. Резко обострились противоречия внутри правительства и между политическими партиями. Уотергейтский скандал, потрясший всю Америку, привел к отставке одного из самых реакционных президентов США — Никсона. Экономика первой капиталистической державы мира переживала спад, усиливалась инфляция, безработица принимала угрожающие размеры, продолжался энергетический кризис. Союзники США вступили с ними в конкурентную борьбу; даже страны, находящиеся в зависимости от американского капитала, искали различные способы, чтобы вырваться из-под контроля Вашингтона. Помощь США сайгонским властям с каждым днем уменьшалась.

Товарищ Ле Зуан сделал вывод, который вошел в текст резолюции заседания: «Отозвав свои войска, США вряд ли могут вновь ввести их в Южный Вьетнам, и как бы они ни вмешивались во внутренние дела Юга, им не удастся спасти сайгонскую администрацию от полного краха».

При обсуждении стратегического плана военных действий на 1975 год встал еще один чрезвычайно важный вопрос: какой район выбрать главным направлением боевых действий? По всему Южному Вьетнаму противник разместил свои силы по принципу — «наибольшая сила на флангах». Так, в 1-м корпусном районе, в непосредственном соседстве с социалистическим Севером, враг имел пять дивизий регулярной армии. В 3-м корпусном районе, где проходило кольцо обороны вокруг Сайгона, было сосредоточено три

дивизии, причем при первой необходимости противник мог быстро перебросить сюда одну-две дивизии из трех, дислоцировавшихся в 4-м корпусном районе. Во 2-м корпусном районе размещались всего две дивизии регулярной армии, которые должны были оборонять провинции района Тайнгуен и приморские провинции в южной части Чунгбо (от провинции Биньдинь до провинции Биньтхуан включительно). При этом район Тайнгуен наиболее приспособлен для ведения маневренных операций; отсюда можно развивать наступление в южном направлении по дороге № 14 или в восточном направлении по дорогам № 19, 7 и 21. Здесь рельеф местности плоскогорный, причем разница в высоте между плоскогорьями незначительна, что удобно для строительства дорог, перевозки военной техники, максимального ее использования. Можно сказать, что район Тайнгуен был чрезвычайно важным в стратегическом отношении.

Участники заседания единодушно одобрили предложение Генерального штаба считать Тайнгуен главным направлением наступательных операций, которые намечалось повсеместно развернуть в широком масштабе в 1975 году.

Однако Политбюро считало необходимым до принятия стратегического решения более тщательно изучить обстановку и, если потребуется, внести дополнения в план операции. Поэтому оно приняло постановление, предусматривавшее проведение ряда мероприятий, направленных на скорейшее осуществление принятого решения. Политбюро пригласило в Ханой командующих всеми фронтами, чтобы заслушать и обсудить их доклады об обстановке и выработать единое мнение относительно разрабатываемых стратегических планов.

В начале декабря 1974 года в Ханой прибыли член Политбюро ЦК, секретарь Южновьетнамского бюро Фам Хунт, генерал-полковник Чан Ван Ча, член ЦК, представитель Намбо Фан Ван Данг, член ЦК и секретарь парткома 5-го военного округа Во Ти Конг, генерал-полковник Тю Хюи Ман, также представлявший 5-й военный округ.

Политбюро поочередно заслушало доклады всех командующих фронтами и получило широкую информацию о положении на местах.

С 3 по 5 декабря Постоянное бюро Военного комитета при ЦК заслушало доклады представителей Намбо и 5-го военного округа о планах боевых действий.

Эти встречи явились подготовкой к чрезвычайно важному совещанию в Политбюро, проходившему с 18 декабря 1974 года по 8 января 1975 года.

Кроме членов Политбюро на совещании присутствовали командующие и комиссары всех фронтов, члены Военного комитета при ЦК, заместители начальника Генерального штаба по оперативным вопросам.

На заседаниях выступили все члены Политбюро. Они приняли самое деятельное участие в обсуждении вопросов, стоящих на повестке дня. Следует отметить, что за 20 дней работы совещания в оценке положения на фронте, а также в других мнениях членов Политбюро каждую неделю происходила корректировка. День ото дня все более четко вырисовывались контуры грандиозного стратегического замысла, сильнее проявлялась наша железная решимость разбить врага.

В дни работы совещания пришла радостная весть: регулярные войска Восточного Намбо во взаимодействии с местными формированиями одержали крупную победу в районе дорога № 14, Фьюклонг. За 20 с лишним дней было убито и взято в плен свыше 3 тыс. вражеских солдат, захвачено 3 тыс. единиц оружия разного калибра, освобождена вся провинция Фьюклонг с провинциальным центром того же названия. Это была первая полностью освобожденная провинция в Южном Вьетнаме.

Победа в районе дорога № 14, Фьюклонг имела очень важное значение. Она явилась новым шагом на пути к полному разгрому марионеточной армии. Регулярные войска продажного режима были уже не в состоянии проводить крупные операции по захвату территорий, военных баз, важных провинциальных центров, освобожденных нами в горных и «пограничных» районах.

Эта победа позволила нам еще точнее оценить замыслы и возможности вмешательства империалистов США в дела Южного Вьетнама. И, что всего важнее, крупный успех в районе дороги № 14, Фьюклонг продемонстрировал новые огромные возможности нашей армии и всего народа. Она еще более утвердила нас в правоте стратегических замыслов, одобренных на совещании в Политбюро, позволила уточнить планы проведения крупных наступательных операций в благоприятные для этого моменты.

В первые дни после поражения марионеточных войск раздраженное американское командование направило из Филиппин к берегам Вьетнама авианосец «Энтерпрайз» с приданными ему частями специального назначения, входящими в состав 7-го флота США. Оно также отдало приказ о приведении в боевую готовность американской 3-й дивизии морской пехоты, дислоцировавшейся на Окинаве. Пентагонские вояки угрожали Северному Вьетнаму возобновлением бомбардировок. Но в конце концов министр обороны США Шлессинджер вынужден был как бы закрыть глаза на «событие в Фьюклонге» и заявить: «Это еще не массированное наступление Северного Вьетнама». Американский посол Мартин говорил сайгонскому президенту: «Американское вмешательство пока нецелесообразно». Положение США в Южном Вьетнаме было настолько непрочным, что они уже не могли себе позволить делать то, что хотят.

Политбюро отметило, что противник ослаб и наступает благоприятный момент для нанесения решительного удара. Однако для того чтобы этот момент наступил, необходимо в ходе предстоящих операций нанести противнику максимальный урон в живой силе, деморализовать и разложить его ряды.

Обстановка на Юге в этот период чрезвычайно благоприятствовала нам. Существовала реальная возможность возникновения в стане врага кризиса, который создал бы наиболее благоприятные условия для нашего наступления. Если мы будем бить врага самым яростным, решительным и быстрым образом, то, несомненно, крах сайгонского режима произойдет раньше, чем могло предположить наше командование.

8 января 1975 года, два дня спустя после победоносной операции под Фьюклонгом, на совещании с заключительным словом выступил товарищ Ле Зуан. Он сказал: «Наше совещание проходит в обстановке большого подъема и полного единства. На этот раз присутствуют представители Намбо и 5-го военного округа. Обстановка на Юге сейчас всем ясна. Мы разработали план на два года и полны решимости претворить его в жизнь. Два года — срок короткий и в то же время длинный. Борьба в Южном Вьетнаме, поддержанная Севером, показывает великую силу народа всей страны. Сейчас американские войска выведены из Южного Вьетнама, наши же войска продолжают сражаться там, опираясь на патриотический энтузиазм народа. Это и можно назвать «благоприятным моментом». Мы должны продолжать и усиливать борьбу на трех фронтах: военном, политическом и дипломатическом. В этом — особенность вьетнамской революции...

На Юге обстановка изменилась в нашу пользу: мы сумели перехватить инициативу на всех направлениях боевых действий, слить воедино освобожденные районы от Куангчи, Тхыатхиен до дельты Меконга. Нами собрано достаточно сил для нанесения мощных ударов. В 8-м и 9-м военных округах такие удары подготавливаются. Мы создали вокруг городов плацдармы для наступления. В городах развернулось освободительное движение, народы мира поддерживают нас...»

Дав анализ ухудшения обстановки в лагере противника, товарищ Ле Зуан продолжал: «Мы должны нанести стратегический удар в 1975 году. В Намбо мы должны еще ближе подойти к Сайгону, разгромить еще больше подразделений и частей регулярных войск противника, помочь местным силам подняться на борьбу, когда наступит благоприятный момент. Что касается дельты Меконга, то мы должны подойти вплотную к провинции Митхо. Мы решили в этом году начать боевые действия наступлением в Тайнгуене».

Показывая на карту, товарищ Ле Зуан добавил: «Следует начать кампанию с боев в Буонметхуоте и Туйхоа. В 5-м военном округе мы должны освободить территорию, лежащую к северу от провинции Биньдинь. В районе Куангчи, Тхыатхиен необходимо контролировать территорию от Хюэ до Дананга.

Крупные победы приведут к значительному изменению в соотношении сил. Нужно бить врага непрерывно, вплоть до сезона дождей, одерживая одну победу за другой. Если будем бить врага изо всех сил, его ряды будут разлагаться быстрее. Мы должны наголову разгромить регулярные войска противника на подступах к городам. При вступлении в города необходимо ликвидировать главные опорные пункты и узлы сопротивления противника. Север должен обеспечить армию всеми необходимыми материальными средствами и техникой. Это главный фактор завоевания победы.

При любых обстоятельствах мы одержим победу. Однако нужно изыскать методы наиболее быстрого разгрома врага. Генштабу следует тщательно продумать этот вопрос».

Совещание в Политбюро, проходившее с 18 декабря 1974 года по 8 января 1975 года, имело историческое значение. Исходя из закономерностей революционной войны, оно дало верную оценку обстановки, своевременно выявило ряд новых факторов, которые способствовали уточнению стратегических замыслов. Следует отметить, что, чем ближе к концу подходило совещание, тем настойчивее члены Политбюро подчеркивали необходимость сокращения сроков подготовки наступления. Это убеждение было научно обоснованно, так как предполагало выявление и умелое использование благоприятного момента. Упустить момент в данном случае значило совершить преступление против нации.

Выводы, сделанные товарищем Ле Зуаном, были единодушно поддержаны всеми участниками совещания и вошли в текст резолюции, в которой говорилось: «Еще никогда мы не имели таких хороших военных и политических условий, как сегодня; никогда у нас не было такого благоприятного стратегического момента для завершения национальной народно-демократической революции на Юге, перехода к мирному объединению Родины. В настоящее время в трех странах Индокитайского полуострова растет и ширится народное движение, с каждым днем одерживая все более крупные победы».

Далее в постановлении указывалось: «Мобилизовать все силы партии, всего народа в обеих частях страны на усиление в 1975–1976 годах военной и политической борьбы, которая в сочетании с борьбой

дипломатической позволит быстро и коренным образом изменить соотношение сил на фронтах Южного Вьетнама в нашу пользу; провести в неотложном порядке и завершить все подготовительные работы, создать условия для проведения генерального наступления и всеобщего восстания, уничтожить и рассеять силы марионеточной армии, свергнуть марионеточную власть в центре и на местах, передать власть в руки народа, освободить Южный Вьетнам».

Далее в постановлении Политбюро говорилось: «Мы должны предусмотреть возможность американской интервенции с воздуха и с моря. Это может произойти в том случае, если марионеточная армия окажется на грани крупных поражений, но будет еще способна на длительное сопротивление. Но, как бы США ни вмешивались в наши дела, мы полны решимости и располагаем всеми необходимыми условиями для нанесения такого сокрушительного удара, который не оставит американским империалистам шанса на спасение сайгонских властей от краха».

Боевая решимость Политбюро проявилась и при составлении стратегического плана на 1975–1976 годы. Согласно этому плану в 1975 году, используя фактор внезапности, мы должны были развернуть мощное повсеместное наступление, одновременно подготовить условия для организации в 1976 году генерального наступления и всеобщего восстания с целью полного освобождения Южного Вьетнама.

Кроме этого основного двухлетнего плана Политбюро ЦК разработало на 1975 год еще один запасной план, в котором намечалось новое, чрезвычайно важное для нас направление действий. Суть этого плана состояла в следующем: если благоприятный момент наступит в начале или в конце 1975 года, то в этом же году необходимо без промедления освободить весь Южный Вьетнам.

3. Важное направление боевых действий

9 января 1975 года, на другой день после окончания совещания в Политбюро, Постоянное бюро Военного комитета при ЦК партии собралось на заседание. Для того чтобы детально ознакомиться с решениями Политбюро и обсудить пути претворения их в жизнь, на

заседание были также приглашены товарищи Во Ти Конг, Тю Хюи Ман, Хоанг Минь Тхао и Ле Чонг Тан.

Мы заслушали доклад представителя Генштаба о целях и задачах операций, планируемых в районе Тайнгуен. Во время заседания поступило сообщение о том, что противник продолжает переброску воздушно-десантной дивизии для обороны района Дананга. Отсюда можно было сделать вывод: враг еще не обнаружил нашей группировки и приготовлений в Тайнгуене.

На заседании Постоянного бюро Военного комитета окончательно созрел план наступления на Буонметхуот. Все собравшиеся хорошо понимали важное значение боев за этот провинциальный город, но, чтобы определить способ нанесения удара, который бы обеспечил нам быструю победу, следовало изучить обстановку на месте.

Заседание только что началось, как вдруг неожиданно открылась дверь и вошел товарищ Ле Дык Тхо. Позже стало известно, что Политбюро, продолжая проявлять беспокойство по поводу разработки плана овладения Буонметхуотом (он был сформулирован недостаточно конкретно), направило к нам товарища Ле Дык Тхо, чтобы еще раз подчеркнуть твердую решимость овладеть этим городом. В своем темпераментном выступлении товарищ Ле Дык Тхо сказал: «Надо твердо и окончательно решить вопрос об освобождении Буонметхуота. В Тайнгуене у нас сосредоточено почти пять дивизий, так что мы не имеем права не выиграть сражения».

Подводя итоги работы заседания, секретарь Военного комитета при ЦК партии товарищ Во Нгуен Зиап определил район и цели наступления, задачи и направления развития операции, указал способы ведения боевых действий, подчеркнув важность выдвинутого девиза «смелость, скрытность, внезапность», для реализации которого необходимо отвлечь силы врага, приковать его внимание к северной части района Тайнгуен.

Операция по освобождению Тайнгуена получила кодовое название «Операция 275».

Командующий Тайнгуенским фронтом генерал-майор Ву Ланг вместе с группой офицеров штаба отправились в район Буонметхуот для изучения обстановки.

Для непосредственного руководства операцией на месте по предложению товарищей Ле Зуана и Ле Дык Тхо Политбюро, Военный комитет при ЦК и Главное командование ВНА направили меня в район Тайнгуен. Историческое совещание завершило свою работу. Члены Политбюро поочередно обняли меня, пожали руку и пожелали счастливого пути и больших побед. Для солдата революции идти в бой — большая радость. Сражаться с врагом Родины за претворение в жизнь глубоко осознанных тобой решений партии — большое счастье. Личное же присутствие на фронте всегда приносило мне удовлетворение. Так было и во время операции в районе дороги № 9 весной 1971 года, и в весенне-летнюю кампанию в провинции Куангчи. После совещания членов Политбюро с представителями фронтов я сказал товарищу Чан Ван Ча: «В этом году мы должны овладеть Тайнгуеном до наступления сезона дождей. Закончив операцию, я приеду в Намбо, чтобы вместе с вами на месте изучить обстановку и подготовиться к крупным сражениям, которые партия наметила на сухой сезон 1975/76 года».

В атмосфере большого подъема вся армия начала подготовку к предстоящим операциям. 26 января 1975 года вместе с заместителем начальника Генерального штаба генерал-майором Фунг Тхе Таем я посетил 1-й армейский корпус, дислоцировавшийся в Нипьбине, чтобы дать его командованию конкретные указания на 1975 год.

Сформированный из соединений и частей, прославившихся боевыми традициями и героическими подвигами в двух, антифранцузской и антиамериканской, войнах Сопrotивления, корпус теперь стал грозной ударной силой, обладающей высокой боеспособностью и большой маневренностью.

В беседе с офицерами и бойцами этого корпуса я сказал: «Вы должны согласовывать, координировать свои действия с действиями всего фронта. Пульс вашего корпуса должен совпадать с пульсом родного Юга. Ваши удары по врагу должны быть сильными, меткими и своевременными. Их необходимо согласовывать с мощными ударами других соединений, чтобы положить противника на обе лопатки.

Надеюсь, что дробная россыпь ударов боевого барабана вашего корпуса призывным кличем разнесется по всему фронту, а победные звуки ваших фанфар уверенно вольются в общее, мощное звучание единого оркестра, составленного из армии и народа. Так разрешите вас спросить: можете ли вы принять участие в общем концерте? Если да, то его дирижер — Военный комитет при ЦК партии и Главное командование — готов поднять дирижерскую палочку вовремя, в нужный момент!»

По рядам солдат прокатился гул одобрения: «Можем, можем! Победим, победим!»

В то время в Тайнгуене уже находились 320, 10 и 968-я дивизии, имевшие большой опыт ведения боев в этом районе и вообще в горной местности. В конце декабря 1974 года Главное командование решило дополнительно перебросить в Тайнгуен 316-ю дивизию. За 20 последних лет она прошла славный боевой путь, оставив позади тысячи километров военных дорог. В годы антифранцузского Сопrotивления дивизия одержала не одну крупную победу. В борьбе против американских империалистов и их приспешников она долгое время выполняла интернациональные задания. Перед отправкой в Тайнгуен дивизия дислоцировалась в западной части провинции Нгеан. Я поехал туда вместе с командующим 4-м военным округом генерал-майором Дам Куанг Чунгом. Обрисовав обстановку и рассказав о решениях Политбюро и Военного комитета, я сказал командирам и бойцам: «...Есть такое двустишие (не помню, кто его написал), которое волнует сердца всех нас, вьетнамцев, и призывает воздать врагу сполна за горькую судьбу отечества: «Тридцать лет мы не выпускаем винтовки из рук, а страна осталась расколотой, как луна на ущербе». Именно теперь настало время всем нам подняться на решительный бой за воссоединение Родины. Враг, с которым мы сейчас имеем дело, во многом отличается от прежнего врага: у него больше твердолобости, коварства, изворотливости и опыта, больше оружия и военной техники, больше изощренных тактических приемов и методов. Но ведет он такую же несправедливую войну, как прежний враг, а потому терпит одно поражение за другим, сталкивается с многочисленными трудностями, истощается как духовно, так и материально. Его положение становится шатким, силы слабеют. И нет

никаких причин, чтобы 316-я дивизия не выиграла боя. В то время как марионеточный режим катится по наклонной плоскости, революция на Юге идет по восходящей линии».

Высоко взметнув руки, бойцы и офицеры во весь голос скандировали: «Победим, победим!» И пообещали: «Будем идти столько, сколько нужно, придем туда, куда надо, без победы не вернемся домой!»

Решением Политбюро и Военного комитета при ЦК было создано Представительство Военного комитета и Главного командования на Тайнгуенском фронте. В его состав помимо меня вошли начальник Главного управления тыла генерал-лейтенант Динь Дык Тхиен, заместитель начальника Генерального штаба генерал-майор Ле Нгок Хиен, а также ряд опытных офицеров Генерального штаба и представителей различных видов вооруженных сил и родов войск.

В период антифранцузской войны Соппротивления, особенно в ходе операции под Дьенбьенфу, товарищ Динь Дык Тхиен приобрел большой опыт в организации транспортной службы. В годы антиамериканского Соппротивления под его руководством служба тыла, преодолевая бесчисленные трудности и опасности, обеспечивала снабжение войск всем необходимым для отражения налетов американской авиации на Север и разгрома войск противника на различных фронтах Юга. Следует особо отметить заслуги органов тыла и снабжения в обеспечении проведения операции в районе дороги № 9 весной 1971 года и операции по освобождению Куангчи в 1972 году. Активный революционер, деятельный и жизнерадостный, Динь Дык Тхиен не привык отступать перед трудностями, был смел и решителен, умел руководить многосложной и ответственной работой. Но ему уже перевалило за шестьдесят; вспыльчивый по натуре, он легко приходил в негодование, когда чем-нибудь бывал недоволен. Мы знали друг друга еще до революции, вместе сидели в колониальной тюрьме. Я похлопал Динь Дык Тхиена по плечу и сказал: «Вот и пробил наш час, старик! Политбюро всем нам дало задание. Выиграем это сражение, а уж потом будем считать, что свой долг выполнили!»

Товарищ До Нгок Хиен был моим соратником с начала всеобщего восстания в 1945 году. Мы воевали во 2-й зоне, в 320-й дивизии,

носившей название «Равнинная», вплоть до конца 1953 года. В годы последней войны он побывал на многих фронтах, а затем был переведен на работу в Генеральный штаб.

Получив задание и соответствующие инструкции, товарищ Ле Нгок Хиен первым отправился в Тайнгуен изучать обстановку на месте и готовить план боевых действий.

Офицеры Генштаба и представители командования различных родов войск, которые сопровождали меня в военных кампаниях 1971 и 1972 годов, были энергичными и находчивыми людьми, обладали большим опытом штабной работы в общевойсковых соединениях. Назначенные участвовать в предстоящей кампании, они все ощутили в себе прилив новых сил.

В войне с захватчиками наши командиры руководствуются общими принципами. Но у каждого есть свой стиль работы. До революции по решению партии я окончил пятнадцатидневные военные курсы и только после полного освобождения Севера смог получить военное образование в одной из академий за границей. Однако, воспитанный партией и выросший в трудной, суровой борьбе еще в период глубокого подполья, я часто вел революционную деятельность самостоятельно, так как бывали периоды, когда отсутствовала связь с партийной организацией. Это обстоятельство во многом помогло мне выработать в себе такие качества, как независимость суждений и смелость в принятии решений.

В начале 1952 года, будучи командиром 320-й дивизии, я вместе с офицерами штаба подготовил план овладения уездным городком Фатзием. В ходе боев наша дивизия, прорвав круговую оборону противника, внезапно нанесла по городу прямой удар. Были уничтожены важнейшие военные объекты противника. Мы удерживали Фатзием в течение двух дней, а покинув его, взорвали все укрепления на его подступах. Такой способ нападения бойцы уподобили «высадке парашютистов» или «распусканию лотоса».

Все мы много думали о месте предстоящих боев. Тайнгуен — красивейший и непокоренный край нашей Родины. Его жители, преданные делу революции, со времен антифранцузской войны

Сопротивления и первых дней борьбы против американских империалистов шли за партией и Хо Ши Мином, отдавая свои жизни во имя торжества революции. Тайнгуен прославлен в бессмертных поэмах и является родиной народных героев, таких, как Ма Чанг Лон, Нуп и Бок Выу. Перед нами стояла задача освободить район плоскогорья, и прежде всего Буонметхуот, крупнейший город Тайнгуена. Но каким образом нанести удар, чтобы овладеть городом в кратчайший срок и внезапно? Победа в Фьюклонге показала, что в 1975 году наша армия уже имела почти все необходимое для освобождения провинциальных центров и больших городов. Конечно, овладеть провинциальными центрами в Тайнгуене гораздо труднее, чем городом Фьюклонг.

В тот период район Тайнгуен делился на пять провинций: Контум, Залай, Фубон, Дарлак и Куангдык. Рельеф местности горно-лесистый. К моменту нашей подготовки к взятию Тайнгуена противник держал в этом районе одну дивизию регулярных сил, 7 боевых групп специального назначения (эквивалентно 10 пехотным полкам) и 4 полка бронетанковых. Оборонительная система врага здесь была превосходной. Но, не разгадав наших планов, противник, которому казалось, что мы можем ударить по Тайнгуену только с севера, сосредоточил основные свои силы в районе Плейку, Контум, а на юге плоскогорья, в частности в Дарлаке, противник располагал сравнительно небольшими силами. Буонметхуот, главный город провинции Дарлак, насчитывающий 150 тыс. жителей, был крупным политическим и экономическим центром сайгонских властей. Здесь размещался штаб 23-й дивизии сайгонской армии. При обороне Буонметхуота противник допустил ошибку в оценке наших сил, полагая, что в 1975 году наши войска еще не в состоянии занимать города, а заняв их, не смогут удержать. Поэтому, несмотря на стратегически важное положение Буонметхуота, силы врага, сосредоточенные в этом районе к началу боев, были не очень значительными, и чем ближе к центру города, тем слабее была оборона противника.

Взятие Буонметхуота привело бы к полному развалу оборонительной системы марионеточной армии в Тайнгуене и позволило бы нам

захватить ключевой плацдарм для быстрого изменения обстановки на фронте.

По принятии окончательного решения овладеть Буонметхуотом я послал Ле Нгок Хиену в Тайнгуен срочную телеграмму, прося его не возвращаться в Ханой для доклада, а остаться на месте для дальнейшего изучения положения в городе. Детально ознакомившись с обстановкой, он должен был прибыть в штаб командующего группой «Чыонгшон» (группа «559») Донг Ши Нгуена и там ждать меня, чтобы вместе отправиться в Тайнгуен.

Перед отъездом я приехал проститься с товарищем Чыонг Тинем. Он детально расспросил меня о положении дел в войсках, о подготовке к наступлению и пожелал возвращения с победой. Напутствия напомнили мне о необходимости при руководстве операцией придерживаться тех положений, которые он выдвигал на совещаниях в Политбюро. Помню его мудрые слова о неизбежном направлении развития революционной войны, произнесенные с твердой уверенностью. Так, товарищ Чыонг Тинь говорил: «Необходимо подготовить несколько массированных ударов стратегического значения, подобных удару по Дьенбьенфу. Достаточно двух-трех таких ударов, чтобы раздавить врага. Надо прочно удерживать инициативу, бить противника там, где он вынужден защищаться; тогда он попадет в нашу ловушку...»

Встретив меня, товарищ Ле Дык Тхо заметил: «Победа в этой крупной операции помогла бы создать новую, очень благоприятную для нас обстановку. Береги себя».

В один из последних дней января 1975 года я пришел проститься с товарищем Ле Зуаном. Он вновь подчеркнул важное значение боев за Буонметхуот и район Тайнгуен для достижения перелома в войне, а затем спросил меня:

— А сил достаточно?

Я ответил:

— В таком количестве, как сейчас, — вполне. А умелое их использование даст нам преимущество.

Первый секретарь ЦК партии переспросил:

— Нужны ли еще войска?

Как и в прежние мои поездки на фронт, товарищ Ле Зуан подробно расспросил меня о том, что нужно еще сделать для подготовки войск и какую практическую помощь может оказать ЦК.

В конце беседы он еще раз посоветовал:

— Нужно перебрать множество вариантов, прежде чем удастся найти правильный способ нанесения удара. Можно многое сделать на Тайнгуенском фронте. В случае победы мы сможем освободить Южный Вьетнам в этом году, как и намечали.

Я поочередно простился с товарищами Во Нгуен Зиапом, Шонг Хао, Хоанг Ван Тхаем, Ле Куанг Дао — членами Военного комитета при ЦК. Мысли и чувства у нас были общими. Мы не много слов сказали друг другу на прощание, но отъезжающие на фронт и остающиеся дома думали об одном: «В этих боях, в отличие от прежних, мы обязательно должны добиться резкого перелома в ходе боевых действий на всех фронтах».

4. Дорога на фронт

Мы отправились на Тайнгуенский фронт. Наша группа получила кодовое наименование «Группа А-75».

Было заранее условлено, что при взаимном обмене информацией и при обсуждении вопросов, касающихся плана предстоящей операции, товарищ Во Нгуен Зиап будет пользоваться псевдонимом Тиен, а я — псевдонимом Туан. По издавна заведенному правилу всем семьям, помогавшим мне в годы подпольной революционной деятельности, с приближением Тэта я каждый год посылал скромные подарки и поздравительные открытки. Не изменяя себе и на сей раз, я заранее приготовил все необходимое, чтобы в мое отсутствие подарки и поздравления, как всегда, вовремя разошлись по адресам.

Я заблаговременно подписал и тексты приветственных телеграмм, которые собирался направить по случаю Дня Советской Армии и

вооруженных сил ГДР, а также годовщины образования монгольской Народной армии, ежегодно отмечаемых в феврале и марте.

Утром 5 февраля (25 декабря по лунному календарю) мы прибыли на аэродром Залям, чтобы вылететь в Донгхой. Нас провожали только заместитель начальника Генерального штаба генерал-майор Фунг Тхе Тай и командующий войсками ПВО и ВВС генерал-майор Ле Ван Чи.

Ровно в 10.30 утра самолет АН-24 поднялся в воздух. Внизу Ханой весь в цветах готовился встретить весну. Ханой — сердце нашей Родины, где зародился и созрел стратегический замысел Политбюро. Сегодня героическая и любимая столица выглядела необычайно красивой. В полете мы вспоминали наказания членов Политбюро и Военного комитета при ЦК, думали о той огромной ответственности, которую возложила на нас партия, старались представить себе бои в Тайнгуене. В ушах звучали слова товарища Ле Зуана: «Нужно перебрать множество вариантов, прежде чем удастся найти правильный способ нанесения удара».

При подготовке к предстоящей военной кампании все, от командиров до рядовых солдат, были полны оптимизма и жажды подвигов. Нам не терпелось поскорее прибыть на фронт, чтобы на месте доработать задуманный план операции и установить тщательное наблюдение за всеми, действиями противника.

По данным нашей разведки, 2 сентября и 10 декабря 1974 года в Сайгоне во «Дворце независимости» «президент» Тхиеу созвал на совещание командующих корпусными районами, чтобы составить прогноз действий наших войск на 1975 год. Противник пришел к следующим выводам.

Масштабы наших военных действий в 1975 году могут быть более значительными, чем в 1974 году, но они не превысят масштабов военных действий 1968 и 1972 годов. Мы еще недостаточно сильны, чтобы занимать крупные провинциальные центры и города, а если и сможем занять их, то не сумеем удержать. Наши возможности не идут дальше захвата небольших изолированных провинциальных центров, таких, как Фьюклонг и Зангиа. Наша главная цель в 1975 году — освободить часть дельты Меконга с населением примерно два

миллиона человек и расширить освобожденную зону в горных районах. Наши действия направлены на то, чтобы, одержав ряд побед, вынудить противника выполнять Парижское соглашение по Вьетнаму. Как предполагал враг, объектом наших ударов в начале 1975 года станет 3-й корпусной район, главным образом город Тэйнинь, которым мы будем стремиться овладеть, чтобы сделать его столицей Республики Южный Вьетнам, местом пребывания временного революционного правительства. Что же касается сроков нашего наступления, то предполагалось, что мы развернем военные действия до или после Тэта и продолжим их до июня 1975 года, когда наступит сезон дождей. Исходя из этих соображений, Тхиеу отдал своим генералам приказ организовать серию превентивных ударов, чтобы сорвать наши приготовления. Сайгонский премьер Чан Тхиен Кхием провел с командующими корпусными районами совещание, имевшее целью подготовиться к операциям по «немедленному умиротворению», запланированным на первый квартал 1975 года. В ходе этих операций войска марионеточного режима должны были пресечь «зимне-весеннюю кампанию вьетконговцев». Из вышесказанного можно сделать вывод: противник не изменил свою систему стратегического сосредоточения войск на флангах (1-й и 3-й корпусные районы), существенно не укрепил силы 2-го корпусного района, куда входил Тайнгуен.

В начале 1975 года войска марионеточного режима насчитывали 1351 тыс. человек. Из них в регулярных силах находилось 495 тыс., в территориальных формированиях — 475 тыс., в частях сил «местной самообороны» — 381 тыс. человек. Всего войска имели 13 дивизий и 18 боевых групп войск специального назначения, которые дислоцировались следующим образом.

1-й корпусной район — 5 дивизий регулярной армии (в том числе две дивизии стратегического резерва), 4 боевые группы войск специального назначения, 21 дивизион и несколько артиллерийских батарей и взводов (всего 418 орудий), 5 бронетанковых полков и 6 танковых батальонов (449 боевых машин), 1 авиационная дивизия (96 боевых самолетов). В задачу большинства соединений регулярной армии входила оборона Хюэ и Дананга.

2-й корпусной район — 2 дивизии регулярной армии, 7 боевых групп войск специального назначения, 14 дивизионов и несколько артиллерийских батарей и взводов (всего 382 орудия), 5 бронетанковых полков и 13 танковых батальонов (477 боевых машин), 2 авиационные дивизии (138 боевых самолетов). Большая часть сил соединений регулярной армии размещалась в Тайнгуене, а также на равнине и в приморской полосе.

3-й корпусной район — 3 дивизии регулярной армии, 7 боевых групп войск специального назначения, 14 дивизионов и несколько артиллерийских батарей и взводов (всего 375 орудий), 7 бронетанковых полков и 15 танковых батальонов (655 боевых машин), 2 авиационные дивизии (250 боевых самолетов). Все части регулярной армии располагались по дуге (с северо-запада на северо-восток), вдоль оборонительного пояса вокруг Сайгона, радиусом примерно 50 км.

4-й корпусной район — 3 дивизии регулярной армии, 18 отрядов местной «самообороны», 15 дивизионов и 55 артиллерийских батарей (всего 380 орудий), 5 бронетанковых полков и 17 танковых батальонов (493 боевые машины), 1 авиационная дивизия (72 боевых самолета). ВМС противника в этой зоне насчитывали 580 кораблей разных классов. Части регулярной армии выполняли задачу обороны района Кантхо, Тионгхиен, шоссе № 4 и пограничной полосы.

Общее ухудшение положения противника, крупные стратегические просчеты в оценке наших сил и связанные с этим неправильная группировка войск и ошибочные тактические установки — все это предвещало серьезные поражения марионеточной армии в ближайшем будущем.

Самолет совершил посадку в Донгхое. На аэродроме нас уже ждал командующий группой «559» генерал-лейтенант Донг Ши Нгуен, специально прибывший из провинции Куангчи.

Сев в машину, мы направились в Куангчи. На участке дороги от реки Летхюи до города Хоса наш газик то и дело подпрыгивал на ухабах — этот район враг долгие годы ожесточенно бомбил, но и здесь наши бойцы совершали героические подвиги при доставке грузов на фронт.

На реке Бенхай мы сели в моторную лодку и поплыли вверх по течению. День стоял солнечный, но было необычно прохладно. Только к вечеру мы высадились на берег и направились в штаб группы «559», расположенный в западной части уезда Золинь.

Группа «559» сформировалась в мае 1959 года (отсюда и ее наименование) и находилась в непосредственном подчинении Главного управления тыла. История этого войскового соединения, как и всей службы тыла, отражала процесс становления, боевой закалки и роста нашей армии, дальновидности и прозорливости в вопросах материального обеспечения армии. Все, что было совершено бойцами группы «559» за годы войны, можно назвать одним словом — подвиг.

Наша служба тыла родилась в начале 50-х годов, когда шла антифранцузская война Соппротивления. В ее создании большая заслуга принадлежит товарищу Чан Данг Ниню, члену ЦК партии, стойкому революционеру, до революции дважды совершившему побег из французской колониальной тюрьмы. Если бы Чан Данг Нинь сейчас был жив, как бы он обрадовался, увидев возросшую мощь нашей службы тыла, о чем он так страстно мечтал!

Сейчас фронт обслуживали более 10 тыс. грузовых автомобилей. Они принадлежали разным военным зонам, районам, а также министерству путей сообщения и транспорта, выделившему часть своего автомобильного парка для укрепления армейской службы тыла. Последняя, подобно рачительной домохозяйке, обеспечивала одновременно и выполнение годовых планов снабжения войск, и экономное расходование дневных и месячных запасов провианта и боеприпасов, решала задачи удовлетворения нужд наших войск и выполняла интернациональный долг в отношении армий братских стран. И отрадно было сознавать, что в последнее время наши бойцы вступали в бой моторизованными колоннами и на передовой не испытывали недостатка в провианте. Отечественный пищевой концентрат «А-72» имел высокие вкусовые качества.

В то время как велась подготовка к операции в Тайнгуене, предприятия оборонной промышленности отправили на фронт первые партии тяжелых орудий и снарядов, изготовленных вьетнамскими

рабочими. Научно-техническая революция в нашей оборонной промышленности сделала первые свои шаги.

Чем чаще я выезжал на фронт, тем яснее видел огромную помощь тыла — социалистического Севера. Тыл — один из постоянных факторов победы в войне. Героический народ в героическом тылу, идя на любые жертвы и лишения, посылал на фронт все необходимое, включая и своих любимых сыновей.

В штабе группы «559» мы встретили Ле Нгок Хиена, только что прибывшего из Тайнгуена, как и было договорено заранее.

Над хижинкой, где мы остановились, давно уже опустилась ночь, но нам было не до сна, наши мысли были заняты предстоящей операцией. Как претворить в жизнь замысел Политбюро о полном освобождении Юга? Каким образом одержать победу в Тайнгуене, и особенно в Буонметхуоте? Какой силы должен быть удар, чтобы быстро разгромить противника? Я вспоминал традиционные боевые приемы нашего народа, перебирал в памяти оригинальные способы ведения боя нашей армией за минувшие 30 лет. В воображении также отчетливо представлялся обычно применяемый мной способ нанесения удара. Только внезапность и еще раз внезапность! Ударить подобно молнии и в самом начале боя разгромить штабы и пункты управления вражеской армии. Но позволяет ли это сделать обстановка?

Утром мы поднялись рано. Ле Нгок Хиен доложил об обстановке на Тайнгуенском фронте и ознакомил нас с предварительным планом боевых действий. Из докладов Динь Дык Тхиена и Донг Ши Нгуена о подготовке к операции мы вынесли убеждение, что фронт в достаточной мере обеспечен всем необходимым для ведения боевых действий в крупном масштабе: доставлено нужное количество риса, снарядов, бензина и автомашин для перевозки войск. Это успокоило нас. Работники службы тыла очень хорошо знают, что, чем интенсивнее бои, чем быстрее одерживаются победы, тем меньше расходуется предметов снабжения и больше трофейной военной техники и материальных средств пойдет на пополнение запасов нашей армии.

На следующий день Динь Дык Тхиен вернулся в Куангбинь, чтобы ускорить переброску склада боеприпасов в Тайнгуен, лично проследить за отгрузкой тех видов снарядов, потребность в которых может возникнуть в первую очередь. Мы же продолжили путь на Юг. Табличку с номером нашей машины перекрасили, добавив буквы «TS» и цифру «50», что дало нам возможность беспрепятственно продвигаться в горах Чыонгшон. Во избежание непредвиденных задержек и с целью ускорить наше прибытие к месту назначения, то есть на командный пункт Тайнгуенского фронта, в пути нас сопровождал заместитель командующего группой «559» полковник Фан Кхак Хи.

Стратегическую дорогу, по которой мы ехали, с большим энтузиазмом строили и восстанавливали солдаты. Здесь же, проворно работая лопатами, весело пели и смеялись девушки из ударных молодежных отрядов. При виде нас они приветственно замахали руками:

— Товарищи командиры! Скоро Тэт, а у нас от родных нет писем!

Мы вручили им маленькие подарки: несколько сот шпилек.

Доставив боеприпасы на фронт, колонны машин с грохотом возвращались на Север. Шоферы то и дело высывались из кабин:

— Товарищи командиры! Новый год уже на носу, а у нас нет ни одной сигареты!

Мы подарили им несколько пачек сигарет.

В пути нам встретилась 316-я дивизия. Впервые она направлялась на фронт на 500 грузовых автомобилях.

Командование дивизии получило приказ обеспечить максимальную скрытность переброски, а поэтому с момента отправки на фронт и до первых залпов в бою дивизия не могла пользоваться радиосвязью. Однажды наша разведка перехватила разговор двух вражеских радистов, из которого мы узнали, что противник потерял эту дивизию из поля зрения и не имеет сведений о том, куда она перебрасывается. Сидя на грузовиках, здоровые, бодрые и веселые, солдаты махали нам руками и шлемами. Сквозь грохот танков и бронетранспортеров,

тягачей с дальнебойными и зенитными орудиями и грузовых автомобилей, бесконечной вереницей направлявшихся на фронт, слышались их задорные голоса.

5. Расстановка сил

Ночь под Тэт мы провели на командном пункте 470-й инженерно-саперной дивизии в местечке Ядранг. Совсем недалеко отсюда несколькими днями раньше самолеты А-37 сайгонских ВВС сбросили бомбы и подожгли две наши машины. Несмотря на это, солдаты и офицеры дивизии в торжественной обстановке отмечали новогодний праздник. Повсюду горели электрические лампочки, прикрытые светомаскировочными колпаками. Как и полагается, в первый день Нового года все пожелали друг другу новых боевых успехов.

Прибыв в Тайнгуен, мы расположили свой командный пункт западнее Буонметхуота, вблизи от штаба фронта. Наш КП укрывался в зеленой роще, рядом с голым лесом, опавшие листья которого покрывали землю золотым ковром. Стоит в этом лесу сделать шаг, как под ногами захрустит, зашуршит разбуженная листва. Достаточно бросить тлеющий окурок, чтобы здесь разгорелся пожар. Тяжелее всего приходилось войскам связи. При пожаре всегда обрывались провода, и связисты после ремонта возвращались в расположение отряда совершенно черными, словно только что вылезли из угольной шахты. Большие неприятности доставляли слоны, бродившие в этих местах стадами (в каждом стаде их насчитывается 40–50). Они обрывали телефонные провода, подвешенные на довольно высоких деревьях.

На совещании командного состава фронта по поручению Военного комитета при ЦК партии и Главного командования я объявил об образовании командования Тайнгуенского фронта в следующем составе: командующий — генерал-лейтенант Хоанг Минь Тхао; политкомиссар — старший полковник Нгуен Хиен (Данг Ву Хиен); заместители командующего — генерал-майор Ву Ланг, старшие полковники Фан Хам, Нгуен Ланг и Нгуен Нанг; заместитель политкомиссара — старший полковник Фи Чиеу Хам.

Мы вновь рассмотрели обстановку на фронте. В это время противник продолжал держать в Тайнгуене одну дивизию регулярных войск и

семь боевых групп войск специального назначения (примерно 10 полков), четыре бронетанковых полка, восемь артиллерийских дивизионов и одну авиационную дивизию, главным образом для обороны северной части района плоскогорья. На севере Тайнгуена дислоцировалось восемь пехотных полков и четыре бронетанковых полка. На юге же находились только два пехотных полка.

Такая расстановка сил объяснялась следующими соображениями командующего 2-м корпусным районом марионеточных войск генерал-майора Фам Ван Фу: объектом удара патриотов непременно станет город Плейку, так как он является важнейшим форпостом в Тайнгуене, здесь размещается штаб армейского корпуса и отсюда необычайно выгодно развернуть наступление на провинцию Бдиньдинь. Кроме того, Плейку расположен поблизости от линий снабжения и тыловых баз НВСО. Генерал Фу находился под неотразимым действием изречения: «Кто овладеет Тайнгуеном, тот овладеет всем Южным Вьетнамом». Он считал, что НВСО нанесут решающий удар именно в районе Плейку, Контум. Потеря Плейку, Контума привела бы и к потере Буонметхуота.

Хотя в Тайнгуене противник оборонял множество объектов, мобильных сил в этом районе у него было недостаточно. Правда, для оказания сопротивления нашим войскам враг мог вызвать дополнительные силы из 1-го и 3-го корпусных районов (в том случае, если действующие на этих фронтах части НВСО не сумеют наладить тесное взаимодействие с Тайнгуенским фронтом) или же привлечь для обороны района Тайнгуен другие резервы.

Большие надежды марионеточное командование возлагало на возможность переброски подкреплений самолетами и вертолетами.

Наши силы, привлеченные к проведению операции, состояли из соединений регулярной армии, дислоцировавшихся в Тайнгуене, 5-м военном округе, и резервов Главного командования. Они были в достаточной мере укомплектованы, их личный состав был хорошо обучен, полон решимости и отваги. Многие соединения обладали большим боевым опытом и прекрасно знали местность в районе предстоящих боев. Для обеспечения маневренности в подготавливаемой операции была построена сеть дорог, налажено

материальное снабжение войск и создана система командных пунктов. По численности наша пехота, действовавшая в данном районе, не намного превосходила противника. Но поскольку мы сосредоточили большую часть сил на главном направлении, то здесь превосходство было на нашей стороне. В цифровом отношении оно выражалось следующим образом: по пехоте — 5,5 : 1, по танкам и бронемашинам — 1,2: 1, по тяжелой артиллерии — 2,1:1. Несмотря на очевидные преимущества, у наших войск имелся и ряд недостатков: неодинаковый уровень подготовленности к боевым действиям в широком масштабе, недостаточный опыт ведения уличных боев, отсутствие у некоторых соединений навыков организации взаимодействия различных родов войск.

На совещании в штабе фронта мы быстро и единодушно определили основные задачи и цели операции, но потребовалось довольно много времени для решения вопроса о способе нанесения удара. В конце концов и эта трудность была преодолена, и мы пришли к полному согласию. При всеобщем наступлении в канун Тэта Маутхан (1968 год) командование НВСО в основном использовало самые боееспособные соединения и части для нанесения ударов по всем крупным городам и провинциальным центрам Юга. Это происходило в условиях, когда в военном отношении наши силы несколько уступали силам противника, поэтому мы не смогли удержать за собой ни одного освобожденного города. В 1972 году за месяц наступательных действий мы разгромили 3-ю дивизию марионеточной армии и к Первомайскому празднику освободили всю провинцию Куангчи. После этого в связи с начавшимся сезоном дождей боевые действия по всему Южному Вьетнаму несколько стихли. Пользуясь случаем, противник бросил против нас воздушно-десантную дивизию, дивизию морских пехотинцев и ряд других соединений и частей, которые при поддержке американских ВВС и ВМС предпринимали попытки вновь захватить Куангчи. Несмотря на успешное отражение контр наступления противника (здесь следует особо отметить героическую оборону города Куангчи с древней крепостью, длившуюся 86 дней), нам в конечном счете удалось отстоять лишь район, расположенный по левому берегу реки Тхатхан. Противник вновь овладел уездом Хайланг, частью уезда Чиеуфонг, а также провинциальным центром с разрушенной старой крепостью.

При подготовке к предстоящей операции мы старались учесть накопленный войсками боевой опыт, но при этом исходили из задач и требований стратегии, особенностей обстановки на фронте. Согласно этому был выработан следующий план удара по Тайнгуену.

С одной стороны, предполагалось ввести в действие довольно крупные силы, чтобы перерезать дороги № 19, 14 и 21 и разобщить силы врага. В стратегическом отношении наша задача сводилась к тому, чтобы отрезать Тайнгуен от приморских равнин, а в оперативном — изолировать Буонметхуот от Плейку, а Плейку от Контума. Одновременно предстояло усилить отвлекающие действия, чтобы сковать активность противника, вынудить его сосредоточить все внимание и силы на северной части Тайнгуена. Для достижения внезапности мы должны были сохранять в строжайшем секрете возможность нашего удара по южной части Тайнгуена, по крайней мере, до начала артиллерийского обстрела Буонметхуота.

С другой стороны — и это было главное, — намечалось начать операцию решающим наступлением на Буонметхуот. С этой целью необходимо было создать ударные группы из общевойсковых частей (на уровне полка), которые вводились в бой из глубины и атаковали город, не задерживаясь для ликвидации опорных пунктов противника на внешнем обводе обороны. Их задача состояла в том, чтобы внезапно ворваться в центр города и во взаимодействии с отрядами специального назначения и пехоты, скрытно проникшими в город, быстро уничтожить командные пункты и важнейшие объекты врага. Прочно укрепившись внутри города, они должны нанести удар по опорным пунктам противника на внешнем обводе обороны, лишившимся управления и охваченным паникой. Одновременно нужно позаботиться о скорейшем создании достаточного резерва, способного отразить любые контратаки противника с целью выбить наши части из Буонметхуота.

Намерение начать операцию с прямого удара по Буонметхуоту осуществить не удалось, так как, когда мы приехали в Тайнгуен, местное командование уже сосредоточило значительные силы в районе Дыклап, Дакшонг, имея в виду уничтожить живую силу противника и освободить участок дороги № 14, пробив таким образом стратегический коридор в Намбо. Перегруппировка сил вызвала бы

потерю времени и принесла бы дополнительные трудности, особенно в деле обеспечения скрытности подготовленной операции. Поэтому мы решили в первую очередь занять Дыклап, а на следующий день нанести удар по Буонметхуоту, предварительно изолировав его и окружив со всех сторон.

Мы продолжали тщательно изучать обстановку в Буонметхуоте. Один из офицеров, проникший с группой разведчиков в город, по возвращении доложил: «Провинциальный центр очень большой, почти как Хайфон». Мы знали, что Буонметхуот уступает по величине Хайфону, но все-таки это довольно крупный город с обширными предместьями. Несомненно, его высокие здания и яркое ночное освещение произвели впечатление на разведчиков и повлияли на их представление о размере города. Несколько подпольщиков были вызваны в штаб фронта для доклада об обстановке в Буонметхуоте. Товарищи Буй Шан (Данг Чан Тхи), член бюро парткома 5-го военного округа, и Хюинь Ван Ман (Кан), первый секретарь парткома провинции Дарлак, также прибыли на наш командный пункт, чтобы рассказать о политической обстановке и революционном движении в провинции, а также о базах сил Освобождения в городе.

Перед поездкой на фронт в Ханое на одном из заседаний Военного комитета при ЦК партии в присутствии товарища Во Ти Конга мы попросили руководство 5-го военного округа заранее выслать в Тайнгуен людей для изучения обстановки, чтобы по прибытии туда мы могли быстро наладить совместную работу. Кроме того, мы захватили разведчика из 45-го полка противника и из его показаний получили дополнительные сведения. В течение всего периода подготовки мы внимательно следили за каждым шагом врага. Путем прослушивания радиопереговоров противника мы узнали, что командование марионеточной армии приказало разведке во что бы то ни стало установить местонахождение нашей 10-й дивизии. Поэтому наше командование отдало приказ еще тщательнее сохранять в тайне все передвижения войск, личному составу и даже разведчикам предписывалось не покидать расположения части без особого разрешения. Проводились отвлекающие действия, чтобы убедить противника в том, что 10-я дивизия продолжает оставаться на севере Тайнгуена.

В течение нескольких дней артиллерия врага обстреливала окрестности Буонметхуота, поддерживая свои разведывательные и диверсионные отряды, пытавшиеся проникнуть глубоко в освобожденную зону. Авиация противника бомбила наши позиции, расположенные севернее Контума, а разведывательные самолеты постоянно кружили над Дыкко и северо-восточной частью провинции Контум. Враг перебросил дополнительные силы в Плейку. Вечером 25 февраля 1975 года в джунглях Дарлака под грохот канонады артиллерии противника мы собрались в штабе командования Тайнгуенского фронта, чтобы рассмотреть и утвердить план боя за Буонметхуот. Этот план содержал два тактических варианта: один предусматривал возможность усиления вражеской обороны, другой — стабильность сложившейся обстановки. От имени Главного командования я утвердил план и завизировал карту, на которой были определены цели операции и силы, участвующие в ней, указаны направления наступления наших войск на Буонметхуот. Командующий фронтом Хоанг Минь Тхао и комиссар Нгуен Хиеп поставили свои подписи рядом с моей.

Мы пожали друг другу руки и пожелали победы. После этого я выступил со следующей речью:

«Нанести по противнику удар необычным способом и в тот момент, когда он меньше всего этого ожидает, — значит поставить его в крайне опасное положение. Мы должны все хорошо продумать, взвесить, полностью обеспечить скрытность подготовки операции и внезапность наших действий, чтобы выиграть бой, исходя при этом из того, что у противника нет подкреплений. Если же он получит подкрепления и усилит оборону, то мы должны действовать согласно первому варианту плана. Это, может быть, и труднее, но в любом случае мы одержим победу.

До сих пор враг не подозревает, что мы можем начать наступление крупными силами. Он не знает о сроке начала операции. Враг не располагает и не будет располагать точными сведениями о количестве наших сил в районе Буонметхуота, если мы только не обнаружим себя при выходе на исходные позиции. Поэтому в предстоящие дни необходимо продолжать вводить противника в заблуждение, заставить его поверить, что главные объекты нашего

наступления — Контум и Плейку. От этого зависит, будет ли создана благоприятная обстановка для нанесения удара. Необходимо активизировать действия наших войск в районе Контум, Плейку, чтобы еще больше ввести противника в заблуждение.

Перед нами сейчас стоит несколько вопросов.

Во-первых. Каким образом наносить удары по провинциальным центрам и крупным городам? На последнем этапе революционной войны, когда наши силы превзошли силы врага, мы непременно должны вести бои на уничтожение крупных соединений противника и освобождать города. Иного пути нет. Что же касается предстоящих боев за Буонметхуот, то здесь перевес явно на нашей стороне. В данный момент мы имеем здесь три дивизии, у противника же лишь один полк 23-й дивизии регулярной армии и три боевые группы войск местной «самообороны». Противник слаб и изолирован. Но он укрепился в крупном провинциальном центре со сложной планировкой и заблаговременно организовал оборону. А занимать большие города, используя крупные силы, — для нас дело новое. Это необходимо учитывать.

При наступлении на Буонметхуот мы введем в действие силы, намного превосходящие силы противника, создадим общевойсковые ударные группы, усиленные отрядами специального назначения и пехоты, которые заблаговременно и скрытно проникнут в город. Это даст возможность без промедления ударить по центру города, быстро овладеть двумя аэродромами и уничтожить штабы и опорные пункты врага. Только после этого приступим к разгрому противника на внешнем обводе обороны города. При этом предвидятся две трудности. Первая заключается в том, чтобы наладить взаимодействие наших атакующих частей, обеспечить одновременность их ввода в бой, форсирования водных преград и преодоления оборонительных рубежей противника, оборудованных перед городом. Вторая трудность связана с необходимостью обеспечить полнейшую внезапность нанесения удара. Успешно преодолев эти трудности, мы разгромим противника значительно быстрее, чем за семь — десять дней, как нами предполагалось ранее. Соотношение сил в данном районе таково, что мы не только сможем уничтожить противника и завладеть провинциальным центром, но у

нас еще останутся мощные резервы, способные отразить любые контратаки противника, развить успех и продолжить наступление, потому что не только Буонметхуот, но и весь Тайнгуен будет отрезан от других фронтов. Согласование действий наших войск на этих фронтах с действиями на Тайнгуенском фронте еще более ограничит возможности противника в переброске крупных сил на помощь Тайнгуенскому фронту. К этому следует добавить, что наиболее благоприятная обстановка в бою создается тогда, когда уничтожены командные пункты противника и взяты в плен офицеры штаба. Успех в этом деле быстро решает исход боя. Разумеется, захватить командные пункты врага трудно, так как они всегда находятся в тылу войск и надежно охраняются. Опираясь на научный анализ обстановки, мы детально обсудили и единодушно одобрили новый способ нанесения по противнику смелого, внезапного удара. Необходимо также отметить, что бои за Буонметхуот будут иметь решающее значение; быстро смять и уничтожить противника, освободить и удержать провинциальный центр, отразить контратаки и продолжить наступление — такой способ ведения боевых действий запланирован при проведении операции не только в Буонметхуоте, но и на всем Тайнгуене. Внезапность удара, скрытность его подготовки и состава привлекаемых сил, а также способа нанесения удара, изоляция занятого города, ввод в действие крупных, скрытно сосредоточенных резервов — все это гарантирует быстрый успех в бою и минимальные потери. Особо важно воспользоваться до конца условиями сухого сезона: в этот период года нельзя терять ни дня, ни часа, надо вести непрерывное наступление, завоевывать одну победу за другой. Подобный способ ведения боевых действий даст возможность в короткий срок уничтожить врага, освободить такой крупный город, как Буонметхуот, добиться перелома на фронте. Творческое решение этой задачи явится свидетельством высокой боевой активности и революционного наступательного духа нашей армии, результатом тщательного научного анализа обстановки, точного знания своих возможностей и решимости претворить их в реальность, искусства подготовки и проведения операций. Успех в предстоящей операции обогатит наш опыт, который необходим нам для освобождения других провинциальных центров Тайнгуена — Фубона, Зангиа, Плейку, Контума.

Во-вторых. Выработав правильный способ нанесения удара, необходимо взяться за практическую организацию боевых действий. Нужно охватить организационной работой участвующие в операции войска, вести эту работу на всех уровнях до подразделений включительно, укрепить организационно каждую группировку на всех направлениях, каждый род войск, особенно ударные подвижные части, наладить боевое взаимодействие частей различных родов войск при штурме города. При отсутствии тесного и четкого взаимодействия даже высокая боевая решимость и исключительная храбрость не могут гарантировать победу, бои затянутся и потери возрастут.

В-третьих. Необходимо постоянно помнить, что Буонметхуот является политическим, экономическим, этническим и религиозным центром Тайнгуена. Здесь в течение десятилетий под господством неокOLONиализма живут горцы, протестанты, католики, буддисты, предприниматели, плантаторы, иностранцы. Обстановка в городе чрезвычайно сложная. Войска, вступающие в город, должны уметь правильно себя вести, строго соблюдать политические установки и дисциплину, помогать местным парторганизациям в создании низовых органов революционной власти, завоевать доверие населения и быстро нормализовать жизнь города после его освобождения.

В-четвертых. После освобождения необходимо создать в городе военную администрацию. Работы будет много, причем совершенно новой для нас. Поэтому нужно подыскать соответствующие кандидатуры на административные должности. Этот вопрос мы будем специально обсуждать с товарищем Буй Шаном и Дарлакским провинциальным комитетом партии. Однако главное состоит в том, чтобы иметь соответствующие организации, ответственных работников, а также обеспечить им помощь со стороны армии. Остальное придет потом. Здесь присутствует представитель национальных меньшинств полковник И Блок. Он пользуется большим авторитетом, любовью и уважением местного населения. Вместе с командованием 5-го военного округа мы обратимся к Военному комитету при ЦК партии и Главному командованию с просьбой после освобождения города присвоить товарищу И Блоку звание старшего

полковника и назначить его начальником военно-административного комитета Буонметхуота.

В-пятых. Город Буонметхуот является тыловой базой 23-й дивизии марионеточной армии. Здесь размещены все полковые склады и целая система крупных хранилищ. Кроме того, здесь много промышленных объектов и других предприятий, принадлежащих буржуазии. Их необходимо сохранить в целостности, быстро возобновить на них работу. Это чрезвычайно сложное дело. Нужно собрать все общественное имущество, оставив в неприкосновенности имущество населения, и строго соблюдать провозглашенную политику в отношении собственности буржуазии. Заместитель командующего и руководитель службы тыла товарищ Нгуен Нанг обязан помочь местным жителям в этом деле. Все трофейное оружие, технику и транспорт необходимо собрать в одном месте. Продовольствие и все, что может пригодиться армии, надо беречь и содержать в сохранности.

В-шестых. Необходимо использовать опыт, приобретенный при освобождении Фьюклонга, и без промедления найти применение военнопленным, особенно артиллеристам, водителям автомобилей, танков, бронетранспортеров и дорожно-ремонтных машин. Сила на нашей стороне, и мы можем это сделать. Словом, нужно со вниманием и без задержки использовать трофейное имущество, а также военнопленных, разумеется, под нашим бдительным надзором.

И последнее, что я хочу сказать вам. До начала боев за Буонметхуот осталось немного времени. Если приготовления затянутся, противник может их обнаружить. Операцию нужно начать в точно назначенный срок, так как другие фронты ведут подготовку к согласованным с нами боевым действиям. Замечу, что, если мы развернем наступательные действия на всех фронтах Южного Вьетнама, противнику будет чрезвычайно трудно отбить их. Буонметхуот является важным городом Тайнгуена, но и другие населенные пункты также имеют для противника большое значение, потому что они находятся ближе к Сайгону и Данангу. Поэтому, испытывая на себе наши удары одновременно на всех фронтах, враг вынужден будет потратить время, чтобы разобраться в обстановке в целом и установить главное направление нашего стратегического наступления. Вот почему можно

с уверенностью сказать, что противник не сразу введет в бой свои основные резервы. В первый момент он организует отпор силами войск 2-го корпусного района, а они незначительны, сухопутные дороги к Тайнгуену и Буонметхуоту перерезаны, а воздушный коридор узок и легко подвергается обстрелу зенитной артиллерией.

Следовательно, подготовка к операции должна вестись ускоренными темпами и в глубокой тайне. Командованию фронта необходимо побывать в войсках, особенно во вновь прибывшей 316-й дивизии, и помочь личному составу советом и делом. Нельзя начинать операцию преждевременно, но и тянуть время также недопустимо.

По мнению Военного комитета при ЦК партии и Главного командования, операция под Буонметхуотом выбьет почву из-под ног противника. Успех в битве за Тайнгуен и победы на других фронтах приведут к перелому в войне, в результате которого противник будет стремительно сдавать одну позицию за другой. Враг ведет контрреволюционную войну, мы должны противопоставить ей войну революционную. Иного выбора нет. Продолжая военные действия, противник с каждым днем слабеет, мы же, наоборот, ведя революционную войну, с каждой победой становимся все сильнее.

Я знаю, впереди вас ждет много дел. Обсудив обстановку на фронте и наши задачи, мы пришли к единому мнению и приняли соответствующие решения. Теперь давайте сосредоточим все усилия на выполнении наших задач: уничтожить врага, очистить от него Буонметхуот и, продолжая и усиливая наступление, добиться подного освобождения Тайнгуена и всего нашего любимого Юга.

Товарищи в аппарате командования фронта должны четко распределить между собой работу: одному надо взять на себя руководство подготовкой к овладению Буонметхуотом, другому — усилить помощь войскам в занятии исходных рубежей для наступления с целью рассечь и окружить группировку противника в соответствии с утвержденным планом.

Сегодня мы собрались почти в полном составе. Здесь находятся командиры дивизий, представители различных родов войск и служб. От имени Военного комитета при ЦК партии и Главного командования

я одобряю вашу решимость и утверждаю план боевых действий, разработанный командованием Тайнгуенского фронта. При подготовке к операции мы должны мобилизовать все свои силы и смекалку, работать на пределе своих возможностей до тех пор, пока снаряды наших дальнобойных орудий не разорвутся над головой противника в Буонметхуоте и мы не нанесем ему внезапный, стремительный и сокрушительный удар. Необходимо принять все меры к тому, чтобы парткомы всех частей и подразделений, командиры и бойцы всей армии поняли важное значение этой операции, а в ходе боев проявили мужество, находчивость и изобретательность, правильно поняли и претворили в жизнь боевые замыслы командования. Если все это будет достигнуто — мы наверняка добьемся блестящей победы».

Противник по-прежнему уделял больше внимания обороне северной части района Тайнгуен. Это отвечало нашим замыслам, и мы продолжали осуществлять меры по введению противника в заблуждение — мобилизовали население освобожденных районов провинций Контум и Плейку на строительство и ремонт дорог, перевозку грузов. Военские подразделения и местное население проводили многолюдные митинги, на которых приветствовали предстоящее полное освобождение Контума и Плейку.

1 марта западнее Плейку, на дороге № 19, наша 968-я дивизия уничтожила два вражеских поста, оттеснив противника к уезду Тханьан. Это укрепило уверенность врага в том, что мы готовим плацдарм для взятия Плейку. 3 марта противник спешно перебросил в Тханьан 45-й полк из Тхуанмана (местечко, расположенное у развилки дорог, одна из которых, № 14, ведет в Фубон). Видя, что командование марионеточной армии клюнуло на приманку, я предложил генералу Хоанг Минь Тхао дать приказ 968-й дивизии усилить натиск и обстрелять из тяжелых орудий аэродром Кухань. Я также дал командиру дивизии Тхань Шону такой совет: «Раз ударь, десять раз крикни о победе».

4 марта 95-й полк и 3-я дивизия нашего 5-го военного округа уничтожили ряд укрепленных пунктов врага восточнее и западнее Анкхе и перерезали дорогу № 19. В ответ на это противник перебросил из Биньдинь два полка 22-й дивизии, а из Плейку 2-ю бронекавалерийскую бригаду, чтобы освободить соответственно

восточные и западные подступы к Анкхе. Марионеточный генерал Фам Ван Фу из кожи вон лез, пытаясь усилить оборону северной части Тайнгуена, главным образом Плейку. В поисках наших 10-й и 320-й дивизий, которые в 1972–1974 годах не раз наносили врагу чувствительные удары, противник бросил на северо-запад провинций Контум и Плейку 4-ю и 6-ю боевые группы войск специального назначения. Как только у врага возникало подозрение в присутствии в каком-нибудь районе наших войск или артиллерийских позиций, его артиллерия и авиация обрушивали на этот участок мощные огневые удары.

А тем временем наша 320-я дивизия по-прежнему находилась в 5 км западнее дороги № 14, на участке между мостом Я Лео и населенным пунктом Тисе. Уже 3 марта 9-й батальон этой дивизии, обойдя шоссе, расположился в районе, находящемся восточнее уездного центра Тхуанман, и ожидал приказа закрепиться на участке дороги от Тхуанмана до Теорео. Эти действия были предприняты с целью преградить путь подкреплениям, которые противник направлял на помощь своим атакуемым войскам из Фубона, и лишить врага возможности уйти из Тхуанмана в Теорео. Нельзя не отметить активные, умелые и скрытные действия 9-го батальона, действовавшего на удалении более 20 км от главных сил полка, но, несмотря на это, поддерживавшего с ним телефонную связь, проложенную под дорогой № 14. Впоследствии именно этот батальон первым из всех подразделений 320-й дивизии остановил на востоке провинции Фубон колонну противника, проходившего по дороге № 7 из Плейку в Фуйен.

Что же касается нашей 10-й дивизии, то она в это время скрытно сосредоточивала силы и средства у Дыклапа и Дакшонга, находящихся юго-западнее Буонметхуота, и усиленно готовилась перейти в наступление в точно установленный час.

5 марта 25-й полк оседлал дорогу № 21 на участке к востоку от Тикука, уничтожив при этом транспортную колонну в составе более 80 машин.

Таким образом, к 5 марта противник, дислоцировавшийся в Тайнгуене, оказался отрезанным от равнинных районов. Однако он все еще мог поддерживать сообщение между северной и южной частями

Тайнгуена, поскольку мы решили пока не перерезать дорогу № 14, по которой ежедневно проходило 60–80 военных и гражданских машин противника.

Здесь хочется внести ясность в вопрос о том, почему мы не перерезали дорогу № 14 одновременно с дорогами № 19 и 21. В плане расстановки сил помимо стратегической задачи была предусмотрена и оперативная; она состояла, в частности, в организации блокады дороги № 14, чтобы отрезать Буонметхуот от Плейку, но в какой момент следовало это сделать? Если преждевременно перерезать дорогу № 14, противник может догадаться о нашем намерении нанести удар по Буонметхуоту. Кроме того, чтобы перерезать дорогу в двух местах, севернее и южнее Тхуанмана, надо было прежде всего овладеть этим уездным городком. В этом случае противник обязательно узнал бы, что одна наша дивизия действует севернее Буоиметхуота. Тогда он незамедлительно бросил бы дополнительные силы на помощь своему гарнизону в Буонметхуоте и попытался бы выбить нас с шоссе с помощью воздушного десанта или путем проведения серии контратак. В результате завязались бы непрерывные бои, что помешало бы сохранить скрытность подготовки операции по овладению Буонметхуотом.

Исходя из этих соображений, мы решили одновременно с ударом по Буонметхуоту начать бой за овладение Тхуанманом и перерезать дорогу № 14. Вместе с тем мы должны были держать в боевой готовности крупные силы на тот случай, если, прежде чем мы перережем шоссе, противник уже узнает о нашем намерении взять Буонметхуот и направит по дороге № 14 из Плейку подкрепление силой один-два полка. Тогда мы намеревались принять меры для уничтожения идущих на подмогу сил врага и заодно закрепиться на шоссе. Именно с этой целью в данном районе находилась 320-я дивизия, имевшая большой опыт маневренных боев за овладение коммуникациями. Но точно осуществить подобный замысел было непросто. Приходилось постоянно следить за меняющейся обстановкой. Конечно, больше всего это касалось командира 320-й дивизии. Противник продолжал переброски грузов по дороге № 14. В бою не всегда удается предугадать намерения и действия врага. Тем

более что он все еще был коварен и силен и мог ввести в действие авиацию. Поэтому надо было очень тщательно рассчитать, в какой момент отдать 320-й дивизии приказ выступить и перерезать шоссе.

В это время произошло неожиданное событие: в полдень 5 марта на шоссе севернее Тхуанмана один из батальонов 320-й дивизии разгромил колонну из 14 грузовых автомобилей, захватил два 105-миллиметровых орудия и другое вооружение, были взяты в плен несколько солдат и офицер-артиллерист с женой. Командир дивизии доложил в штаб фронта: «Два дня назад противник перебросил в Тхуанман батальон 45-го полка, перед которым поставлена задача вести разведку в районе западнее дороги № 14. Мы избегали вступать с ним в бой, чтобы не обнаружить себя. Интенсивность перевозок по дороге № 14 с каждым днем возрастает. Сегодняшний бой произошел потому, что у нас возникло подозрение в намерении противника постепенно перебросить весь 45-й полк на усиление гарнизона Буонметхуота. Просим командование фронта разрешить дивизии развернуть боевые действия с целью закрепиться на шоссе № 14, овладеть Тхуанманом и уничтожить остановившийся в этом городке один из батальонов 45-го полка».

Командир 320-й дивизии Ву Ланг направил аналогичное донесение и мне и попросил указаний. Я понимал беспокойство командира 320-й дивизии в связи с той ответственностью, которая легла на его плечи. Несомненно, атмосфера была крайне накалена в этом соединении, вынужденном пассивно ожидать начала боевых действий, уклоняться от встречи с разведывательными группами и отрядами противника, которые высаживались в район расположения дивизии с вертолетов или доставлялись туда на автомобилях. Противник явно разыскивал дивизию и опасался ее удара.

Однако анализ поведения противника за последние дни показал, что он еще робко зондирует обстановку, не имеет определенного плана. Основное внимание противник по-прежнему уделял северной части Тайнгуена и пытался очистить от наших войск дорогу № 19, будучи уверенным в правоте своих предположений. Мы продолжали соблюдать скрытность подготовки операции, старались все больше ввести противника в заблуждение, чтобы как можно успешнее выполнить поставленную задачу.

Посоветовавшись с генералом Ле Нгок Хиеном, я дал следующее указание: «320-й дивизии ничем не выдавать своего присутствия, избегать перестрелок с разведкой противника, без приказа не вступать в бой на дороге № 14, придерживаясь принятого ранее решения». Одновременно я отдал приказ командованию фронта направить компетентных работников для допроса только что взятого в плен офицера.

К полуночи адъютант доложил мне, что пленный дал следующие показания. Колонна машин везла на тыловую базу в Буонметхуот роту солдат из 45-го полка и некоторых военнослужащих, которые направлялись в отпуск. На другой день на этих же машинах намечалось доставить новобранцев для пополнения полка в Плейку. Таким образом, 14 грузовых автомобилей, двигавшихся из Плейку в Буонметхуот, совершали свой обычный рейс, а не доставляли подкрепления. Однако бой произошел, и противник обнаружил присутствие наших войск на дороге № 14, в 30 км к югу от Плейку. Далее адъютант сообщил, что, как стало известно в штабе фронта, из группы разведчиков нашего артиллерийского полка, посланных на рекогносцировку местности, один боец не вернулся. 5 марта в столкновении с противником на севере Буонметхуота он был ранен и попал в плен. При себе разведчик имел записную книжку.

С этого момента меня начала тревожить мысль о том, что предпримет противник в течение четырех дней, оставшихся до начала операции в Буонметхуоте. До последнего времени противник находился в заблуждении относительно направления нашего главного удара. Но если снова произойдут инциденты, подобные случившемуся с нашими разведчиками, то не удастся сохранить в тайне готовящуюся операцию и придется пересмотреть весь план действий. Сейчас противник пытается всеми средствами установить наши намерения. В разговоре по телефону с Ву Лангом в качестве меры по обеспечению строгого соблюдения тайны я рекомендовал установить контроль за действиями каждого солдата дивизии.

6 марта офицер разведки штаба фронта доложил, что, по имеющимся агентурным сведениям, противник направил в Куангниуе, находящийся в 11 км северо-восточнее Буонметхуота, 3-й батальон 53-го полка с бронетанковым подразделением и батальоном войск

местной «самообороны». Вслед за этим начальник оперативного отдела штаба фронта сообщил о появлении отдельных групп солдат марионеточной армии, ведущих прочесывание района. Нашим артиллерийским, танковым и саперным подразделениям, готовившим исходные позиции для наступления, пришлось отойти, чтобы не дать обнаружить себя. Однако если противник не успокоится и продолжит прочесывание до 8 марта, то это отрицательно повлияет на подготовку к бою ударной группы наших войск, находящихся на северных подступах к городу.

В плену оказался наш боец, и противник, возможно, уже сделал какие-то выводы относительно наших планов. Но даже если он и узнал о присутствии нашей артиллерийской части севернее Буонметхуота, но ничего больше не обнаружит, то может и не разгадать нашего намерения овладеть городом. Враг может подумать, что наша артиллерия готовится обстрелять город, как это делалось и раньше.

Обсудив сложившуюся обстановку с офицерами оперативного отдела в Представительстве Главного командования, я послал Ле Нгок Хиена в штаб фронта, чтобы организовать проведение следующих мероприятий:

— по-прежнему избегать встреч с противником в районе Куангниеу, не давать обнаружить себя, быть готовыми к тому, чтобы окружить и быстро уничтожить отдельные группы противника, если они проникнут в глубь расположения наших войск;

— бдительно следить за всеми действиями противника на этом направлении для принятия мер в соответствии с обстановкой;

— если вечером 6 марта противник не отступит к Буонметхуоту (в районе, вызвавшем у него подозрения, противник обычно в течение одного дня вел разведку местности и, если ничего не обнаруживал, возвращался на базу), то отдать приказ 320-й дивизии выступить утром 7 марта, овладеть опорным пунктом Тисе на дороге № 14, севернее Буонхо, и тем самым привлечь к этому пункту силы противника; это даст возможность нашим войскам продолжать приготовления в районе Курггниеу;

— если 7 марта противник все еще будет вести разведку и прочесывание, то 8 марта 320-я дивизия должна атаковать уездный центр Тхуанман, перерезать дорогу № 14, втянуть в бой гарнизон Буонметхуота и одновременно готовиться отразить контратаку противника со стороны Плейку.

В полдень 6 марта из агентурных донесений мы узнали, что нашего тяжелораненого бойца, попавшего в плен, доставили в госпиталь, где ему ампутировали ногу и хотели привести в чувство, чтобы он смог дать показания командиру 23-й дивизии. Но пленный находился в бессознательном состоянии. Как стало известно впоследствии, допросить раненого так и не успели, так как к этому времени Буонметхуот уже был освобожден. Из госпиталя боец был отправлен в свою прежнюю часть.

7 марта за полчаса мы овладели Тисе, что помогло нам надежнее закрепиться на дороге № 14. Но Куангниеу продолжал оставаться в руках противника.

Утром 8 марта 320-я дивизия овладела уездным центром Тхуанман и окончательно перерезала дорогу № 14.

К полудню войска противника спешно покинули Куангниеу и вернулись в Буонметхуот.

В соответствии с намеченным планом 9 марта наши войска заняли уездные центры Дыклап, Дакшонг и Нуйлыа, полностью очистив от врага стратегический коридор, протянувшийся с севера на юг по восточным склонам горного хребта Чыонгшон. Заняв Тханьян, через который проходила дорога № 19, мы оттеснили противника на западные подступы к Плейку.

Таким образом, к 9 марта мы развернули свои силы и закрепились на стратегически важных рубежах, отрезав Тайнгуен от равнинных районов, южную часть Тайнгуена от северной, завершив окружение административного центра Буонметхуот.

Первый этап операции закончился в нашу пользу.

Тем не менее противник по-прежнему был полон самомнения, а наши меры по введению его в заблуждение усугубляли его просчеты. Даже после того как мы овладели Дыклапом, марионеточное командование продолжало считать, что все наше внимание сосредоточено на том, чтобы расчистить дорогу № 14, ведущую в Намбо, и готовило отпор нам в районе западнее Плейку.

Узнай враг в этот момент о нашем плане удара по Буонметхуоту, он все равно уже не смог бы ничего изменить, было слишком поздно. Наши силы уже твердо заняли исходные позиции для наступления.

Вечером 9 марта я направил в Политбюро и Военный комитет при ЦК телеграмму, в которой сообщил о результатах боевых действий за период от 1 марта до освобождения Дыклапа включительно и в главных чертах обрисовал план всей операции (впервые он был рассекречен). В конце телеграммы говорилось:

«10 марта начнется операция по овладению Буонметхуотом. Как будет развиваться обстановка, какие появятся соображения, сообщу в последующих телеграммах.

Мы все здоровы. Тов. Тхиен и «559» очень активно помогают в подготовке к операции. Все указания постараемся обязательно выполнить. Продовольствием войска обеспечены полностью, боевых сил много, оружия и другого военного снаряжения достаточно. Моральный дух бойцов высок, настроение приподнятое. В этом районе мы никогда еще не предпринимали такого сильного и целенаправленного удара, как в этом году.

Желаю здоровья всем членам Политбюро и Военного комитета при ЦК.

Туан».

Мобилизовав работников службы тыла на выполнение плана перевозок боеприпасов, товарищ Динь Дык Тхиен, проехав всю западную ветвь Чыонгшонской дороги, прибыл на наш командный пункт, чтобы в оставшиеся дни в последний раз проверить состояние боевой готовности своего хозяйства.

9 марта в 19 часов начались переговоры по телефону со штабами соединений и частей. Отовсюду доложили, что приготовления закончены и заняты намеченные исходные рубежи. Мы знали, что сложнее и труднее всех придется подразделениям, которые должны будут пересечь дорогу № 14 и переправить на бамбуковых плотках через реку Серепок артиллерийские орудия. Части, получившие задачу атаковать город с юга, также заняли исходные позиции. В полной боевой готовности находились ударные группы, которые после артиллерийского налета должны были стремительно прорваться через позиции противника на внешнем обводе обороны. Командиры всех частей и соединений твердо обещали выполнить задачу. Я пожелал им скорой большой победы при минимальных потерях и попросил передать всем бойцам и офицерам привет.

Ночь на 10 марта мы провели на командном пункте, продолжая внимательно следить за развитием обстановки и ожидая часа «Ч». Штабные офицеры с трудом скрывали свое волнение и радость: ведь близилась величественная минута. Для фронтовика ночь перед крупным сражением подобна новогодней ночи. Вот уже несколько лет, как мы все, от генерала до рядового солдата, ждали этой ночи. В темноте десятки тысяч бойцов бесшумно выдвигались на исходные рубежи. Командиры (у многих из них в волосах уже пробивается седина), склонившись над картами, в последний раз уточняли план предстоящей операции. Марионеточное командование так и не разгадало нашего замысла и не имело понятия о силе наших войск. Введенное нами в заблуждение, оно совершало один промах за другим.

Все мы надеялись и верили, что час «Ч» оправдает наши ожидания. В эти минуты мы всем сердцем чувствовали напряженный ритм работы «большого тыла» —Севера. Наверное, В эту ночь все члены Политбюро и Военного комитета при ЦК также бодрствовали, следя за положением на фронте. «Большой тыл» обеспечил все нужды армии, сделал все возможное для проведения крупных операций и завоевания больших побед. Героический, великий тыл!

Я связался по телефону с командующим фронтом генерал-лейтенантом Хоанг Минь Тхао:

«Продолжаем придерживаться намеченного плана. Не ожидается никаких изменений. Необходимо обеспечить надежную связь с войсками, чтобы досконально знать обстановку.

Держите со мной связь всеми доступными средствами, чтобы своевременно обмениваться мнениями и решать возникающие вопросы.

Выяснив обстановку и приняв решение, сразу отдавайте подчиненным приказ, требуя быстрого, четкого, своевременного его исполнения. Желаю успеха!»

6. Точно рассчитанный удар

В 2 часа ночи 10 марта наши части специального назначения открыли огонь по аэродрому Хоабинь, тыловой базе 53-го полка противника, городскому аэропорту и складу боеприпасов Майхакдэ. Это было начало штурма Буонметхуота. Одновременно наша артиллерия и ракетные войска приступили к массированному обстрелу штаба 23-й дивизии. Артиллерийский налет продолжался до 6.30, вызвав переполох в стане врага и парализовав его управление. С превосходным боевым мастерством, доступным лишь самым отборным войскам, подразделения специального назначения за какой-нибудь час захватили большую часть городского аэропорта, уничтожив семь самолетов, заняли часть аэродрома Хоабинь и полностью овладели складом боеприпасов Майхакдэ.

Под грохот канонады и гулкую дробь пулеметных очередей к городу со всех сторон устремились колонны тягачей с пушками и зенитными орудиями, вереницы танков, бронетранспортеров, автомашин с пехотой.

Когда до нашего командного пункта донеслись звуки первых артиллерийских выстрелов, все переглянулись и облегченно вздохнули. Кончились самые напряженные для военного руководителя часы — часы развертывания сил перед боем. Что и говорить, это была задача чрезвычайной сложности. Как за одну ночь скрытно и точно в срок вывести на исходные позиции крупные силы, состоящие из двенадцати пехотных полков и частей усиления? Ведь

только некоторые части заблаговременно получили приказ тайно выйти на исходные рубежи, прилегающие вплотную к городу, а большинство ударных групп, состоявших из пехоты и танков, должны были сосредоточиться на дальних подступах и ждать условленного сигнала, чтобы с разных направлений двинуться на штурм намеченных в городе объектов.

Прежде чем с победным грохотом ворваться в центр Буонметхуота, многим танковым частям пришлось пройти до 40 км, преодолевая оборонительные сооружения противника и естественные преграды. На бурной реке Серепок саперы с молниеносной быстротой смонтировали современные паромы, на которых, не теряя ни одной минуты, переправлялись танки, бронемшины, зенитные орудия, артиллерийские установки. Шум и грохот войны разбудили горы и джунгли Тайнгуена.

Благодаря хорошо организованному взаимодействию и умелому руководству все ударные группы, сосредоточенные на различных направлениях, вступили в город в точно назначенное время. Это был наш первый успех в боях за Буонметхуот.

Светало. Теперь позиции противника в городе находились в поле зрения наших артиллеристов.

Ровно в 7.15 по единому для всех участников операции сигналу наша артиллерия начала массированный обстрел штаба 23-й дивизии, командного пункта военного округа и парка бронемашин. Перед этим, пользуясь темнотой, два батальона нашей пехоты незаметно проникли в город с юга, быстро захватили несколько объектов и, воспользовавшись артобстрелом, заняли центральную площадь города, где сходились шесть улиц, после чего, с боем перейдя в район церкви, захватили квартал, примыкающий с востока к штабу 23-й дивизии. Противник под прикрытием авиации бросил в контратаку пехоту, решив во что бы то ни стало выбить из города наши войска. Завязался ожесточенный бой. В 9 часов утра силами пехоты и танков мы приступили к штурму штаба военного округа, руководившего действиями сил «охраны безопасности» и «гражданской обороны» провинции. Противник по-прежнему оказывал ожесточенное сопротивление, и нам пришлось ввести в бой резервы. Только в 12.30

пополудни наши бойцы вступили на территорию штаба. Укрываясь в многоэтажных зданиях, противник отстреливался. Продолжая штурм, мы подавили все очаги сопротивления. В 17.30 мы полностью овладели зданием штаба Дарлакского военного округа.

После этого мы выделили из частей, принимавших участие в боях, специальную группу, которая повела наступление на район, где располагались административные органы городского управления. Там было уничтожено и взято в плен много чиновников марионеточной администрации. Затем, развивая достигнутый успех, эта же группа с боем овладела казармой военизированной полиции и полностью уничтожила роту, оборонявшую район к северо-западу от городского аэропорта.

Координируя действия с группой, наступавшей с северо-востока, северо-западная группа, стремительно атакуя, заняла высоту Тибуа на окраине города, с которой легко просматривалась окружающая местность. После этого она силами пехоты и танков развернула наступательные действия в районе сосредоточения бронемашин и артиллерии противника, а также в районе тыловой базы 45-го пехотного полка 23-й дивизии.

К 15.00 мы полностью овладели названными объектами. Войска противника были разгромлены, оставшиеся в живых солдаты и офицеры укрылись в здании штаба 23-й дивизии.

Юго-западная ударная пехотно-танковая группа, воспользовавшись замешательством в стане противника, быстро обошла район склада Майхакдэ и с боем овладела узлом связи, а затем с запада вплотную подошла к зданию штаба 23-й дивизии. Противник организовал многочисленные контратаки, поддержанные авиацией. Бои проходили с переменным успехом, обе стороны упорно сражались за каждый квартал и за каждый дом.

К концу дня мы заняли большую часть провинциального центра, за исключением района расположения штаба 23-й дивизии и некоторых объектов восточнее здания штаба Дарлакского военного округа.

Застигнутый врасплох, противник никак не мог организовать сопротивление. С самого начала операции его артиллерия и танки оказались полностью парализованы. Тем не менее командование марионеточных войск продолжало упорно посылать в бой самолеты (число самолето-вылетов к концу дня достигло 80), пытаясь приостановить наше продвижение и решительно контратаковать. Но почти все контратаки марионеточных войск заканчивались провалом. Противнику пришлось отойти в район расположения штаба 23-й дивизии, чтобы обеспечить оборону последнего.

Несмотря на большие потери, противник оставался самонадеянным. Он полагал, что наше нынешнее наступление не может превзойти по мощи и размаху наступления весной 1968 года и, если удастся продержаться три-четыре дня, можно будет восстановить положение. Помимо 21-й боевой группы войск специального назначения, прибывшей в город вечером 10 марта, противник намеревался перебросить из Плейку дополнительно 45-й полк, чтобы контратаковать наши части.

Вечером, выслушав доклад о положении в городе, я связался по телефону с генералом Хоанг Минь Тхао и сказал ему: «В первый день боев за город мы добились большого успеха, захватив или блокировав два из трех самых важных объектов — штаб военного округа и городской аэропорт; кроме того, мы блокировали аэродром Хоабинь. Наступление велось успешно на всех направлениях, только на юге возникло больше трудностей, но и здесь задача была выполнена. Наши потери незначительны. Мы вполне можем и должны быстро разгромить штаб 23-й дивизии и другие оставшиеся объекты, прежде чем противник получит подкрепление. Отдайте приказ всем частям удерживать занятые позиции, преследовать остатки разгромленных частей противника, тщательно готовиться к решающему удару по штабу 23-й дивизии, который намечено осуществить утром 11 марта. Нужно перебросить всю 10-ю дивизию из Дыклапа к северо-восточным окраинам города и быть в готовности отразить контратаки противника. Обеспечьте строгое соблюдение всех указаний относительно действий наших войск после вступления в город».

Нужно заметить, что лишь на рассвете 10 марта противник наконец понял, что нашей целью является овладение Буонметхуотом. Однако было уже слишком поздно. Дорога № 14 была блокирована нашими войсками, а находившиеся в Плейку полки 23-й дивизии не решались предпринять попытку прорваться через наши боевые порядки и не имели в достаточном количестве автотранспортных средств, чтобы прибыть на выручку осажденным. Офицеры и солдаты дивизии пребывали в нерешительности и растерянности, так как их семьи большей частью находились в Буонметхуоте. Тем временем наша артиллерия начала ураганный обстрел аэродрома в Плейку, и это еще больше затруднило переброску войск в Буонметхуот по воздуху.

Утром 11 марта мне доложили: в 7.20 наша тяжелая артиллерия подвергла обстрелу штаб 23-й дивизии, в направлении которого двигались наши танки и пехота. Противник запросил срочную помощь. 30 минут спустя наши части с четырех сторон подошли вплотную к штабу 23-й дивизии. Командование противника отдало приказ стоять насмерть.

В 8.15 поступило сообщение о том, что заместитель командира 23-й дивизии и весь штаб сбежали. Не теряя ни минуты, мы приступили к штурму. Завязался ожесточеннейший бой. Обнаружив два подземных убежища, наши бойцы ворвались туда, разоружили и взяли в плен губернатора провинции, командующего Дарлакским военным округом полковника Нгуен Чонг Луата и адъютанта заместителя командира 23-й дивизии. В других убежищах мы заставили сдаться еще 13 офицеров, в том числе четырех капитанов. Заместитель командира 23-й дивизии полковник Ву Тхе Куанг был пойман на кофейной плантации. К этому времени во многих местах появился белый флаг капитуляции.

В 10.30 штаб 21-й боевой группы войск специального назначения марионеточной армии радировал в вышестоящий штаб: «В данное время находятся в опасности штаб боевой группы, 23-я разведывательная рота и артиллерийские подразделения. Пали штабы Дарлакского военного округа и 23-й дивизии. Перешли в руки противника тыловая база нашей боевой группы и пункт снабжения 24-го батальона. За зданием штаба военного округа, где занимают позиции 72-й и 96-й батальоны, в данный момент сосредоточено

большое число вьетконговских танков. Наша группа оказалась бессильной спасти штаб 23-й дивизии. Боеприпасы почти кончились. Осталось лишь два артиллерийских орудия и 100 снарядов. Если не поступят боеприпасы, положение будет совершенно безнадежно».

После ликвидации штаба 23-й дивизии мы с боем овладели тыловой базой 45-го полка, затем быстро — помещениями управления военной и гражданской полиции, информационным центром и учебным центром личного состава территориальных формирований. Наши части со всех направлений стягивались к зданию штаба 23-й дивизии. В город прибыл вооруженный отряд агитаторов. К 10.30 11 марта 1975 года мы в основном завершили штурм Буонметхуота.

Все были несказанно рады. Бойцы находились в приподнятом настроении. На захват такого большого города, как Буонметхуот, ушло всего 32 часа. В самом деле мы теперь стали непобедимы.

Один товарищ на нашем командном пункте заметил: «Безусловно, это чудо, что всего за неполные полтора суток мы овладели Буонметхуотом. Я 11 лет на этом фронте и могу сказать, что на этот раз подготовка была чрезвычайно тщательной. Бойцы находились в отличной форме. Здорово! В первый раз мы шли в бой на машинах. В 1968 году наши войска с трудом вошли в Плейку, захватили только радиостанцию, но через три дня нам пришлось оставить город. И вот теперь — большой город, и мы так быстро с ним разделились. Действительно чудо!»

Я распорядился немедленно допросить двух взятых в плен полковников марионеточной армии. Для этой цели пригласили опытного работника управления военной разведки майора Мак Лама. На допросе полковник Ву Тхе Куанг показал:

«Ваш удар по Буонметхуоту был полной неожиданностью и для нашего генштаба, и для американцев. После боев под Фьюкломгом мы полагали, что в ближайшее время вы в состоянии овладеть только небольшими провинциальными центрами, такими, как Анлок, Зангиа, а захватывать крупные — Буонметхуот, Плейку и Тайнинь — вам пока не под силу. Даже когда вы атаковали Буонметхуот, мы продолжали

считать ваши действия обманным маневром, имеющим целью отвлечь внимание от готовящегося удара по Зангиа.

Для обеспечения обороны во 2-м корпусном районе наше командование должно во что бы то ни стало удержать город Нячанг, где размещается передовой командный пункт 2-го корпусного района и штаб интендантской службы, имеются аэродром и порт. Нам нужно постоянно держать на перевале М'Драк один полк и выделить еще один для обороны района южнее перевала Ка. Непосредственно оборонять Нячанг должен минимум один полк. Нячанг и Фантхиет важнее Куинёна. Последний сохраняет свое значение, пока не потеряны Плейку и Контум. 23-я дивизия может быть сформирована вновь, но за три месяца мы набрали бы не больше 50 процентов ее штатного состава.

Если в ближайшие дни вы нанесете удар по Нячангу, то наверняка захватите город, так как он объят паникой. Нужно только обратить внимание на нашу корабельную артиллерию (главным образом 76-миллиметровые орудия, 122-миллиметровых крайне мало). Действия авиации здесь не затруднены, но самолетов у нас под Нячангом сейчас немного: в день совершается лишь 30 вылетов истребителями F-5, остальные — истребителями A-37. Снабжение с моря не представляет трудности, однако моральный дух наших солдат сильно подорван, сплошная линия обороны отсутствует.

В данный момент Сайгон рассчитывает исключительно на воздушно-десантные войска и морскую пехоту, но и у десантников не хватает веры в свои силы. Если сейчас нанести удар по воздушно-десантным войскам или морской пехоте, то моральный дух сайгонской армии падет окончательно».

Зная, что Ву Тхе Куанг одно время был мэром Камрани, мы спросили его об обороне этого портового города. Он ответил: «В Камране нет никакой обороны. Он только внешне силен. Все армейские здания обращены фасадом к морю, для прохлады. При ваших методах ведения боя вы могли бы сразу одержать победу. На перестройку обороны Камраня потребовалось бы по крайней мере три месяца. И все равно нет уверенности, что это удастся сделать, поскольку город во всем испытывает острую нужду. После ухода американцев здесь не

хватает и мешков для песка, и цинковой колючей проволоки, и цемента, и транспорта. При таком положении взять город нетрудно».

Эти показания помогли нам еще лучше узнать своего врага.

Утром 11 марта я послал товарищу Во Нгуен Зиану следующую телеграмму:

«Товарищу Тиену

1. Мы полностью овладели провинциальным центром Буонметхуот, захватив такие основные объекты, как штабы 23-й дивизии и Дарлакского военного округа, район расположения бронемашин и городской аэропорт. Остатки войск противника, скрывающиеся в городе, ликвидируются.

По предварительным данным, взято в плен около тысячи солдат, захвачено большое количество военных трофеев, в частности 12 артиллерийских орудий и около 100 тонн снарядов.

Мы контролируем весь район от Дыклапа до Дакшонга.

2. Продолжаем разворачивать силы, чтобы уничтожить периферийные объекты: тыловые базы 45-го и 53-го полков, Буоихо, Бандон. Подтягиваем дополнительные силы к аэродрому Хоабинь с целью занять его и прочно удерживать.

3. 11 марта военно-административный комитет провинции Дарлак приступит к работе. Просим присвоить тов. И Блоку воинское звание «старший полковник» и назначить его председателем комитета.

4. Поскольку моральный дух противника в Тайнгуене резко подорван, боеспособность его изолированных частей снизилась, наша же армия полна сил и воодушевления, служба тыла готова обеспечить снабжение. Учитывая благоприятную обстановку, предварительно намечаем следующий план действий:

— прочно закрепиться в Буонметхуоте, быть в готовности отразить контратаки противника и одновременно активизировать боевые

действия в прилегающих к городу районах, чтобы полностью освободить провинцию Дарлак;

— развивать наступление к востоку от Фубона (имеется возможность захватить или окружить его), затем повернуть на север с целью окружить и занять Плейку, а также изолировать Контум для последующего штурма. Продвижение на юг можно временно приостановить. Я совещался с товарищами Диий Дык Тхиеном и Ле Нгок Хиеном, и они поддерживают эту идею.

Просим Вас обсудить наши предложения в Военном комитете, доложить Политбюро и дать нам соответствующие указания».

В тот же день, 11 марта, товарищ Ле Зуан в беседе с офицерами Генштаба предложил серьезно подумать о том, что операция по овладению Буонметхуотом может стать началом нашего большого, генерального наступления.

Овладение Буонметхуотом явилось громовым ударом по противнику. Он был ошеломлен и растерян.

Сайгонская администрация хотела скрыть это крупное поражение, делала вид, что Буонметхуот все еще находится в ее руках. Представитель правительства заявил на пресс-конференции: «Сказать, что Буонметхуот пал, — ошибка, грубейшая ошибка». Французский журналист Поль Леандри, передавший на родину сообщение об освобождении Буонметхуота, был срочно вызван в полицейское управление и убит.

Мы предложили Военному комитету при ЦК и Главному командованию пока не передавать по радио и не писать в газетах о результатах боев за Буонметхуот. Пусть враг хвастает, тем хуже будет ему. Когда мы освободим всю провинцию Дарлак, тогда успеем сообщить и об освобождении ее главного города.

Вечером 11 марта генерал Хоанг Минь Тхао отдал войскам приказ о быстром захвате оставшихся в городе подземных убежищ, поиске и освобождении из тюрем политических заключенных, уничтожении оборонительных сооружений противника на ближних и дальних подступах к Буонметхуоту, то есть в Буонхо, на реке Срепок, в

Лакхтхиене, Бандоне, Дыксуене и Кханьзыонге. Особое внимание в приказе было уделено подготовке сил для разгрома подкреплений противника, направлявшихся к Буонметхуоту с востока. В то же время нужно было срочно завершить подготовку к дальнейшему развертыванию наступления в организационном и материальном отношении.

Перед нашим командованием стояла задача полностью использовать благоприятный момент и стремительно развивать достигнутый успех, потому что, только развивая свои достижения, можно закрепить их и подготовить условия для завоевания новых, еще более быстрых и крупных побед.

Но как развить достигнутый успех? В каком направлении? В каких масштабах? Эти вопросы нужно было тщательно и всесторонне обдумать. Мы были свидетелями настоящей гонки с врагом, гонки со временем во имя окончательной победы революции. Тогда у противника в Тайнгуене еще оставались крупные регулярные силы 2-го корпусного района и местных формирований, дислоцировавшиеся в Контуме и Плейку. Из войск 2-го корпусного района сохранились 44-й и 45-й полки 23-й дивизии, понесшие большие потери в боях и сейчас оборонявшие Плейку, и вся 22-я дивизия, противостоявшая нашим войскам в провинции Биньдинь, а также несколько боевых групп войск специального назначения. Противник имел реальные возможности для маневра отдельными полками с целью вновь овладеть Буонметхуотом или закрепиться в незанятых нами районах, особенно в провинциальных центрах, прорвать осуществляемую нами блокаду своих коммуникаций и постараться выстоять до наступления сезона дождей. Следовало учесть и то, что противник мог перебросить в Тайнгуен одну-две дивизии с других фронтов, если бы мы ослабили там свой нажим.

До наступления сезона дождей оставалось два месяца. Дожди могли сильно затруднить ведение боевых действий силами крупных соединений, оснащенных тяжелой боевой техникой. Поэтому за два оставшихся месяца мы должны были нанести по врагу ряд стремительных ударов и настолько упрочить свое положение, чтобы после окончания сезона дождей можно было бы успешно продолжить боевые действия. Но, могло случиться, за этот промежуток времени

наша армия, боевой дух которой находился на подъеме, сумела бы очень сильно потеснить ослабевшего противника и добиться таких успехов, которые предусматривались планами операций на 1975 и 1976 годы. В предварительном порядке я обменялся мнениями по этому вопросу с Динь Дык Тхиеном, Ле Нгок Хиеном, другими товарищами. Затем мы доложили Политбюро ЦК и Главному командованию о планах наших действий в этом районе и попросили Главное командование о том, чтобы перед войсками, действовавшими в районе Куангчи, Тхыатхиен, была поставлена задача смелее атаковать объекты противника в районе дороги № 1, чтобы сковать его силы и не позволить перебросить их в Тайнгуен.

Необходимо также сказать, что первая операция — взятие Буонметхуота — показала не только явно возросшую мощь нашей армии, сделавшую возможной такую блистательную победу, но и очевидные наши недостатки (медлительность, привычку к старым методам ведения боя), которые нам следовало немедленно изжить.

Особенно нас интересовали вопросы о том, какие действия предпримет противник на Тайнгуенском фронте после потери Буонметхуота, как будут реагировать американцы, марионеточное правительство и генералитет в Сайгоне. Под стремительным, мощным и грозным ударом наших войск вражеская группировка в Тайнгуене быстро развалилась, за сутки были разгромлены два ее важнейших органа управления — штаб территориальных формирований в провинции Дарлак и штаб 23-й дивизии. Очевидно было, что противник наверняка попытается выбить нас из Буонметхуота, но город уже был отрезан от внешнего мира. Поскольку дороги перерезаны, крупные аэродромы захвачены, а наши соединения заранее приготовились отразить контратаки врага и разгромить его подкрепления, вновь овладеть городом силами и средствами 2-го корпусного района или даже с помощью стратегических резервов противнику было бы не так легко.

С 10 марта на всех фронтах Южного Вьетнама активизировались согласованные боевые действия наших войск. Противнику пришлось изучать положение на всех фронтах, чтобы решить, возможно и разумно ли сосредоточивать силы в районе Буонметхуота. Военные трудности противника усугублялись теми политическими, моральными

и экономическими трудностями, которые испытывали американские империалисты и их марионетки. Сайгон не был уверен в получении дополнительной помощи от США. Администрация Форда столкнулась со многими неприятностями на Ближнем Востоке и у себя дома.

Что касается нас, то стремительная, молниеносная победа в Буонметхуоте вызвала в войсках всех фронтов огромное воодушевление и еще больше укрепила уверенность в конечной победе. Наша армия полна сил и энергии; запасы боеприпасов и продовольствия не только не были израсходованы, но и пополнились за счет трофеев.

Когда речь зашла о продовольствии и боеприпасах, Динь Дык Тхиен, растопырив пальцы, весело сказал:

— На вложенный капитал мы получили прибыль не в четыре, а в десять раз больше. Запасов у нас еще много, хватит не только до наступления сезона дождей, но и до сухого сезона будущего года. Много у нас машин, боеприпасов, к тому же трофейных машин и снарядов на складе Майхакдэ в Буонметхуоте также немало. Так что бейте врага сильнее, больнее, и чем быстрее, тем лучше.

Теперь вопрос стоял так: надо как можно стремительнее развивать наступление, чтобы противник не успел организовать сопротивление, а погода не смогла нам помешать. Таким образом, можно сказать, что с 12 марта мы вступили в состязание с противником и погодой.

Соображения и расчеты командования сошлись на том, что большую часть наших сил необходимо повернуть по дороге № 14 на север, смять оборону противника, освободить Плейку и изолировать Контум.

Для реализации этого плана нужно было, с одной стороны, быстро уничтожить остатки войск противника и районах, прилегающих к Буонметхуоте, и освободить всю провинцию Дарлак; с другой — быть готовыми в любой момент отразить контратаки противника, прочно удерживать освобожденные территории.

В самом Буонметхуоте необходимо было как можно быстрее сформировать военно-административный комитет, которому надлежало заняться такими неотложными делами, как организация

регистрации военнослужащих и чиновников марионеточных властей и приема от них оружия, создание системы противовоздушной обороны и обеспечение эвакуации населения из зоны боевых действий, создание районных органов власти и отрядов самообороны, возобновление работы больниц, школ, рынков, служб электро — и водоснабжения, промышленных предприятий и магазинов и т. д., то есть всего, что обеспечивает нормальную жизнь населения.

В эти дни самой важной и неотложной задачей в Буонметхуоте явилась организация снабжения продовольствием населения города и его окрестностей. Найденные на захваченных нами складах рис, соль, консервы и медикаменты были розданы жителям города.

Во второй половине дня 12 марта я получил от товарища Во Нгуен Зиапа радиogramму, в которой говорилось о том, что Политбюро и Военный комитет при ЦК партии с большой радостью восприняли известие о большой, блистательной победе нашей армии и объявляют горячую благодарность командирам и солдатам, членам партии и Союза коммунистической молодежи, рабочим и служащим оборонной промышленности и народным носильщикам — всем, кто непосредственно или косвенно участвовал в боях на Тайнгуенском фронте. На совместном заседании Политбюро и Военного комитета при ЦК партии было отмечено, что стратегический и оперативный планы, принятые ими, безошибочны. Боевые успехи в Буонметхуоте, Дыклапе, в районе дороги № 19 и в других районах свидетельствуют о том, что мы в состоянии одерживать крупные победы более быстрыми темпами, чем предполагалось. Бросается в глаза резкое падение морального духа противника. В создавшемся положении необходимо действовать быстро и смело, всемерно использовать благоприятный момент для достижения еще более значительных успехов.

Товарищи Ле Зуан, Ле Дык Тхо и Во Нгуен Зиап единодушно одобрили наш замысел — быстро уничтожить остатки марионеточной армии в Буонметхуоте, занять районы, прилегающие к городу, и быть готовыми к разгрому подкреплений противника, интенсивно развивать наступление в направлении Фубона, решительно уничтожать живую силу противника, замкнуть кольцо окружения вокруг Плейку, изолировать Контум для последующего его штурма, на некоторое время приостановить продвижение в южном направлении.

Несколько минут спустя мы получили по радио сообщение Главного командования о том, что, по только что поступившим сведениям, противник намерен с помощью уцелевших подразделений 53-го полка, 21-й боевой группы и сил, укрывшихся в оборонительных сооружениях вокруг Буонметхуота, особенно в Буонхо и Фьюкане, а также путем переброски в этот район одного-двух пехотных полков при поддержке авиации предпринять контратаки с целью вновь овладеть городом.

В те же часы на наш командный пункт поступило сообщение о том, что 45-й пехотный полк противника с основным эшелоном штаба 23-й дивизии вылетел из Плейку на вертолетах и в полдень 11 марта высадился в Буонхо, а другая группа высадилась в Фьюкане 12 марта. Противник мобилизует силы своей авиации. Поэтому и нам было необходимо в срочном порядке сосредоточить свои силы, быстро разгромить противника в опорных пунктах у Буонметхуота и быть в готовности дать отпор его вводимым в бой подкреплениям.

Полученные радиogramмы сильно подбодрили и воодушевили нас. Мудрые выводы, понимание и единодушие между центральным руководством и командованием на фронте есть один из тех факторов, которые решают победу. Вдохновленные одержанными победами и совершенно уверенные в завоевании новых успехов, мы без промедления принялись каждый за свое дело.

Ле Нгок Хиен сразу поехал в штаб Тайнгуенского фронта для детального обсуждения с командованием фронта вопроса о том, как приумножить достигнутый боевой успех. Динь Дык Тхиен отправился в управление тыла фронта для проверки состояния складов и ускоренного осуществления других необходимых приготовлений.

Мы уже подумывали о перемещении командного пункта, чтобы поспевать за развитием событий. Офицеры штаба нашего представительства следили за изменением обстановки и одновременно изучали возможные пути продвижения войск, рельеф местности вокруг Плейку, предварительно намечали способы ведения боя и построения боевых порядков, чтобы первым ударом по городу разгромить штаб 2-го корпусного района марионеточной армии. По телефону мы попросили Ханой сообщить прогноз погоды в районе Тайнгуен на апрель — май.

12 марта Тхиеу направил командующему 2-м корпусным районом телеграмму следующего содержания: «Любой ценой удержать Буонметхуот, ответственность за руководство боевыми действиями в данном районе возложить на командира 23-й дивизии». Даже к исходу 13 марта противник все еще не признал факта освобождения нами Буонметхуота. Западные радиостанции и информационные агентства передавали туманные, двусмысленные сообщения о ходе боевых действий. Войска 2-го корпусного района пытались сопротивляться собственными силами. Самолеты А-37 не переставая бомбили Буонметхуот, а самолеты разведывательной авиации кружились над районами к востоку от города.

Как мы и предполагали, враг перебросил на вертолетах 45-й полк 23-й дивизии из Плейку в восточные предместья Буонметхуота, в район Фьюкана, где заранее сосредоточенные нами силы готовились уничтожить противника.

Уже недолго оставалось до второго, решающего этапа боев за освобождение Тайнгуена.

7. ОТРАЖЕНИЕ КОНТРАТАКИ ПРОТИВНИКА

С полудня 11 марта до рассвета 14-го в штабе фронта царила напряженная, но полная воодушевления атмосфера. Непрерывным потоком поступали сообщения из войск и от радиоразведки. Состязание в скорости с противником действительно началось в тот самый момент, как умолкли выстрелы в Буонметхуоте. Наши войска стремительно продвигались по дороге № 14 к Буонхо, Бандону, Датли, тыловым базам 53-го и 45-го полков и другим объектам. Наши танки и артиллерия атаковали различные объекты в окрестностях Буонметхуота.

Один из полков 320-й дивизии с боями пробился к югу по дороге № 14, освободил уездный центр Буонхо и вынудил противника отступить к Датли, а другой продвигался на север, к мосту Я-Лео. В результате дивизия взяла под свой надежный контроль дорогу № 14 на участке протяженностью 80 км. 10-я дивизия развернулась в восточном направлении от Буонметхуота, заняла удобные позиции и приготовилась разгромить подкрепления, которые противник

направлял, чтобы вновь овладеть городом. К полудню 12 марта мы замкнули кольцо окружения вокруг уездного центра Фьюкан. Командир подразделений территориальных войск уезда Фьюкан сбежал вместе с полицейскими.

Части 316-й дивизии и 95 «В» полка очистили от противника подземные убежища Буонметхуота. Они освободили политзаключенных из тюрем и приступили к овладению территорией учебного центра 23-й дивизии, преследуя остатки войск противника, бежавшие на каучуковые плантации на западной окраине города, и призывая к капитуляции отряды «гражданской обороны» и личный состав местных формирований.

Наши подразделения специального назначения закрепились на аэродроме Хоабинь, успешно отразив контратаки подразделений 53-го полка марионеточной армии. Батареи наших дальнобойных орудий готовили данные на ведение огня по району к востоку от города и вокруг аэродрома Хоабинь. Сосредоточенные в восточной части города зенитные расчеты в любую минуту были готовы открыть огонь по вертолетам с воздушным десантом противника.

Подразделения наших бронетанковых войск вышли в районы сосредоточения и подготовили исходные позиции для возобновления наступления в направлении Буонметхуот, Лактхиен, Фьюкан.

Как только стихла перестрелка в Буонметхуоте, население сразу приступило к сооружению бомбоубежищ и частичной эвакуации за город. Только что сформированные отряды военной милиции указывали эвакуировавшимся дорогу на запад и блокировали пути на восток, задерживая пытавшихся бежать ярых реакционеров. Семьям бедняков, покидавшим город, бесплатно выдавались рис и соль. Наша зенитная артиллерия создала над городом огневую завесу, в которой сгорали вражеские бомбардировщики и разведывательные самолеты.

В провинции Дарлак противник уподобился змее без головы. Большинство солдат марионеточной армии в Бандоне сдались в плен, остальные бежали. Подполковнику, начальнику тыловой базы 45-го полка, пришлось взять на себя общее руководство действиями уцелевших подразделений 45-го и 53-го полков. В телеграмме,

направленной в вышестоящий штаб, он просил помощи, предложил бросить в распоряжение наших войск зажигательные бомбы, чтобы солдаты марионеточной армии смогли спастись бегством.

В ходе боевых действий в окрестностях Буонметхуота многие группы солдат марионеточной армии добровольно сдавались в плен. Нами было захвачено также много машин и 105-мм орудий. Самолеты А-37 звено за звеном совершали налеты на Буонметхуот, а разведывательная авиация противника усиливала свою деятельность в небе Фьюкана и над аэродромом Хоабинь.

На нашем командном пункте на рабочей карте с каждым часом появлялось все больше кружочков, штрихованных красными крестами и обозначавших объекты, уничтоженные или захваченные нашими частями. Красные стрелки указывали направления наступления наших войск, зеленые показывали отступление противника в ближайшие леса.

В отделе связи то и дело слышались резкие, нетерпеливые телефонные звонки. Офицеры, дежурившие у аппарата, хотя и старались сохранить строго деловой вид, все-таки не могли скрыть улыбки радости при каждой известии о победе наших войск. Обслуживающий персонал бесшумно выполнял свою работу, двигался по комнате осторожно и тихо. Временами можно было увидеть, как ординарцы с любовью подавали офицерам, дежурившим у аппарата, сигареты, присланные из тыла.

Стояла ранняя весна. Леса Тайнгуена еще не оделись в новый наряд, но в полуденные часы уже становилось жарко. Жужжание насекомых и пение птиц сливались с дальней канонадой, с гулом разведывательных самолетов OV-10, кружившихся над лесом в поисках объектов для ударов, и криками «Алло! Я — ZA75!» на командном пункте.

В полдень 12 марта в разгар боя с контратаковавшим нас противником одновременно вышли из строя все линии связи командного пункта. В окрестностях не слышно было взрывов бомб и гула самолетов. Как мы ни старались, дозвониться куда-либо по телефону не удавалось. Все офицеры штаба прервали работу и молча переглянулись. Начальник

связи выбежал из землянки, чтобы выяснить, в чем дело. В этот момент метрах в трехстах от штаба раздался трубный рев приближающихся слонов.

Оказалось, что виновниками всего случившегося были слоны, которые, напуганные взрывами бомб и снарядов, бежали стадом в сторону вьетнамо-кампучийской границы, мимо нашего командного пункта. Подразделение, которое несло охрану КП, немедленно отправилось умирять «несознательных» животных. Однако солдатам запрещалось стрелять в слонов, надо было действовать осторожно, чтобы сохранить ценных животных и не раздражить их, иначе они могли растоптать наш командный пункт. Всем был дан приказ в случае необходимости спуститься в деревянное А-образное убежище, «так как никому не стыдно прятаться от слонов».

К счастью, слоны прошли мимо, и наша охрана «пребывала в бездействии». Только связистам после этого пришлось туго, потому что животные не только оборвали провода, но часть из них утащили с собой.

Ночью 12 и 13 марта мы спали по очереди; дежурные офицеры, сменяя друг друга, внимательно следили за обстановкой. В ночном лесу порой стояла необычайная тишина, но не было никакой возможности уснуть долгим, безмятежным сном. В голове кружились беспокойные мысли, а если, случалось, задремлешь на минутку, то телефонный звонок и торопливые шаги дежурного сразу прогоняли сон.

12 марта из Ханоя поступила срочная радиограмма. Текст приносили по частям, по мере дешифрования. Товарищ Во Нгуен Зиап передавал мне мнение Политбюро и Военного комитета при ЦК в ответ на мою телеграмму. Политбюро и Военный комитет информировали нас о том, что на других фронтах также развернулись активные и согласованные боевые действия, посоветовали ускорить принятие и строго проконтролировать осуществление мер по отражению контратак противника, уничтожить как можно больше его живой силы в районе Буонметхуота и прилегающей зоне, быстро окружить Фубон.

Политбюро и Военный комитет полагали, что если враг понесет значительные потери в живой силе, потеряет провинциальный центр Буонметхуот и ряд уездных центров, а дорога № 19 будет перерезана, то он вынужден будет стянуть оставшиеся в Тайнгуене силы к Плейку или же предпринять стратегическое отступление и оставить плоскогорье. В связи с этим Политбюро и Военный комитет при ЦК партии распорядились немедленно сомкнуть кольцо окружения вокруг Плейку и перерезать все сухопутные и воздушные пути сообщения, в любом случае подготовиться к уничтожению противника.

Таким образом, Политбюро и Военный комитет при ЦК партии заранее предвидели стратегический отвод сил противника из Тайнгуена. Готовясь к проведению операции по овладению Буонметхуотом, мы стремились не только лишить противника возможности перебросить подкрепления своим войскам в Тайнгуене, но и не дать ему беспрепятственно уйти из этого района.

Авиация противника продолжала переброску войск в район Фьюкана и западнее аэродрома Хоабинь. Личный состав переброшенных сюда подразделений 44, 45 и 53-го полков переживал самые страшные минуты в своей жизни.

Еще находясь в воздухе, вертолеты попадали под обстрел нашей разнокалиберной зенитной артиллерии. Солдаты и офицеры марионеточной армии видели, как они падали, подбитые. Те, кто сумел приземлиться, не успев выстроиться, разбегались, чтобы укрыться от шквального огня наших артиллеристов и пулеметчиков. При виде наших танков и бронемашин, врывавшихся в их ряды, приходили в неопиcуемый ужас.

Один за другим были разгромлены подразделения воздушного десанта противника, а их остатки обратились в беспорядочное бегство к дороге № 21. По пути они увлекали за собой подразделения территориальных формирований чиновников марионеточных властей, бросили много машин, орудий и боеприпасов.

Наши войска преследовали противника на бронетранспортерах. Продвигаясь по главным дорогам, они опережали отступающие подразделения противника, устанавливали на дорогах

заградительные посты и задерживали одиночных солдат марионеточной армии. Тяжело пришлось офицерам разведывательных и оперативных отделений штабов наших войск: было очень трудно установить и отметить на карте, где находятся те или иные части противника, так как они отступали в страшном беспорядке, ведя в эфире хаотические радиопередачи, из которых невозможно было понять, кто кого вызывает и кто к кому идет на выручку. Самолеты противника кружились в небе, бессильные помочь наземным войскам.

На рассвете 14 марта, выслушав доклад дежурного, мы пришли к окончательному выводу: основные силы 23-й дивизии в составе 44-го и 45-го полков, находившиеся восточнее Буонметхуота, в итоге двухдневных боев разгромлены. Такая же участь постигла остатки 53-го полка и 21-ю боевую группу войск специального назначения. Контратаки сил 2-го корпусного района в Тайнгуене сорваны. Противник потерпел еще одно поражение и оказался в положении худшем, чем было до того, как он предпринял попытки контратаковать.

С согласия Политбюро и Военного комитета при ЦК мы продолжали наступление по намеченному плану. 14 марта после обмена мнениями с офицерами штаба я послал Политбюро и Военному комитету при ЦК партии радиограмму, в которой подтвердил получение всех телеграмм, направленных в наш адрес, и сообщил о том, что нас чрезвычайно вдохновили замыслы Политбюро и Военного комитета и их указания относительно дальнейшего развития операции. Мы пообещали всеми силами обеспечить осуществление пожеланий руководства: наращивать темпы побед, за несколько месяцев 1975 года выполнить план, намеченный для Тайнгуена на два года.

Мы доложили Политбюро и Военному комитету подробности первых дней операции, рассказали, как вынуждали противника подчиняться нашей воле, вводили его в заблуждение относительно главного направления нашего наступления до самого момента начала операции, застигнув врага врасплох.

С 1 по 9 марта 1975 года, перед наступлением на Буонметхуот, мы развернули боевые действия таким образом, чтобы привлечь внимание противника к Контуму и Плейку, потом, перерезав

коммуникации, изолировали главный объект нападения. Поэтому только перед самым началом артиллерийского налета на Буонметхуот противник понял наши намерения. Он забил тревогу, хотел усилить оборону, но было уже поздно: его силы были рассредоточены.

При нанесении удара по главным объектам в Буонметхуоте мы прибегли к взаимодействию различных родов войск на всех четырех направлениях и использовали самые опытные части и подразделения в составе ударных групп, заблаговременно выведя их на ближние подступы к городу. Крупные ударные танко-пехотные группы, обойдя оборонительные позиции противника, с ходу устремились в город и быстро разгромили два важных органа управления противника — штабы 23-й дивизии и Дарлакского военного округа.

На южном направлении наступали два стрелковых батальона, скрытно размещенные на ближних подступах: один атаковал штаб 23-й дивизии, а другой — штаб военного округа. Одновременно с ними с запада и северо-востока устремились к центру города две ударные группы с приданными танковыми, артиллерийскими и зенитными подразделениями. На юго-западном направлении была создана еще одна ударная группа в составе стрелкового батальона и танковой роты. При этом одна рота стрелкового батальона атаковала в сопровождении танков, а две другие заблаговременно вышли на исходный рубеж в 2 км от штаба 23-й дивизии. Вместе с танковой ротой пехотные роты образовали сильную ударную группу, атаковавшую главный объект наступления в тот момент, когда наша артиллерия перенесла огонь на другие объекты. Противник не успел организовать сопротивление и быстро утратил возможность управлять своими силами.

Быстрая победа в Буонметхуоте говорит о преимуществах смелого, внезапного удара. Этот способ ведения боя, однако, отличается большой сложностью и требует самого четкого взаимодействия различных родов войск. Мы этого добились при проведении операции по овладению Буонметхуотом. Однако в ходе успешно проведенных боев в некоторых наших частях в отдельные моменты проявлялись и недостатки, которые следовало изжить как можно скорее. Уровень нашего сознания и стиль действий еще не совсем соответствуют новым условиям и требованиям. Осталась старая привычка подолгу и

часто проводить собрания. Некоторые командиры не могут похвастать сообразительностью и находчивостью. Бывали случаи, когда командование не знало действительного положения в войсках. Встречались и такие факты: располагая радиотелефонами, некоторые части не пользуются ими, а стараются проложить проводную линию связи; захватив трофейные автомашины и водителей, не используют их, а переход совершают в пешем порядке. В то время когда армия врага разваливается и не представляет собой организованной и способной упорно обороняться силы, некоторые товарищи все еще требуют соблюдения старых, привычных правил, например, не наносят ударов ночью, а предпочитают дожидаться рассвета. Или такая несуразность: число самолетов, используемых противником в боевых действиях, невелико, и летают они на больших высотах, бомбометание по заданным ориентирам осуществляют неточно, и все-таки некоторые командиры запрещают подчиненным войскам маневрировать днем, чего-то ожидая, медля, понапрасну теряя время. Мы неоднократно указывали и указываем на эти недостатки, постепенно они искореняются.

Наступление развернулось чрезвычайно быстро и в крупных масштабах. Каждый день приносит все больше возможностей для завоевания новых побед. Некоторые местные партийные комитеты все еще находятся в растерянности перед той работой, которая ложится на их плечи. Старые привычки, организационные методы и образ мышления вступают в противоречие с велениями новой обстановки, когда требуются крупномасштабность и оперативность.

Такое положение существует не только в Тайнгуэне, но и на других фронтах. Оно обусловлено тем, что и оценка противника, и образ мышления, и стиль работы, привычные нам, уже не соответствуют новой обстановке. Теперь наряду с быстротой, маневренностью, гибкостью в действиях и всемерной экономией времени необходимо повышать организаторские способности командиров, личную ответственность каждого военачальника за порученное дело, уметь дерзать и отвечать за принятое решение, а не сваливать ответственность на коллектив. После боев на Тайнгуэнском фронте значительно вырастет мастерство наших солдат и офицеров, они приобретут новый ценный опыт.

Опыт боев показал, что нам необходимо уделять больше времени тактической подготовке войск, прививать им навыки оперативного и гибкого реагирования, развивать у военачальников организаторские и командные навыки для ведения скоротечных, следующих один за другим боев, обучать солдат и офицеров вождению всех видов машин, умению пользоваться радиотелефоном, военной техникой и другими современными средствами ведения войны, обращая главное внимание на умение пользоваться оружием противника для уничтожения его самого.

Мы полностью согласны с теми мерами в области пропаганды, которые предложил в своей телеграмме товарищ Во Нгуен Зиап. Поскольку противник продолжает скрывать правду, вводя общественность в заблуждение, мы должны действовать своевременно, расчетливо и умно. Только после полного освобождения провинции Дарлак целесообразно будет дать официальные сообщения об этом через газеты и по радио, причем одновременно с публикацией заявления народно-революционного комитета провинции Дарлак, объявлением состава этого комитета, данных об итогах боев и показаний военнопленных.

8. ПЕРЕЛОМ В ВОЙНЕ

15 марта 1975 года я получил от Политбюро ответную телеграмму, подписанную товарищем Ле Дык Тхо, и телеграмму Военного комитета при ЦК партии, подписанную товарищем Во Нгуен Зиапом.

На своем совместном заседании в Ханое Политбюро и Военный комитет при ЦК партии внимательно изучили присланную с фронта радиограмму от 14 марта, единодушно одобрили наши выводы и предложения. Военный комитет при ЦК поручил Генштабу ознакомить командование других фронтов с нашими соображениями относительно способов введения противника в заблуждение, методов ведения боя, форм обучения личного состава, использования захваченной у противника военной техники, а также относительно еще имеющих недостатки в управлении войсками.

Наши предложения о согласовании действий всех фронтов легли в основу указаний Политбюро и Военного комитета при ЦК, которые были разосланы для исполнения во все военные округа.

После получения телеграмм от Политбюро и Военного комитета мы собрались на совещание, чтобы в свете последних изменений обстановки в Тайнгуене решить вопрос о претворении в жизнь плана дальнейшего развертывания наступления в северном направлении. Командование Тайнгуенского фронта поддержало предложенный план и выразило решимость приложить все усилия, чтобы выполнить его, испытав все тяжести многолетней борьбы с американцами в этом районе. Командование Тайнгуенского фронта больше чем кто-либо другой было воодушевлено одержанными победами и верило в грядущие победы. Нам и раньше, в 1968 и в 1972 годах, приходилось вести в районе центрального плоскогорья крупные бои, но никогда победы не были столь блистательны, как в этом году. Тогда наши силы не могли сравниться с нынешними, снабжение с тыловых баз велось не совсем удовлетворительно, сеть дорог не отвечала требованиям времени. В тот период противник еще обладал значительной огневой мощью и получал большую материальную поддержку от американской военщины. Для сопротивления нашим войскам в Тайнгуене он мог стягивать силы из других районов Южного Вьетнама. Теперь, с изменением обстановки, перспектива освобождения Тайнгуена стала совершенно ясна. При условии успешного и быстрого проведения операции открывалась возможность до наступления сезона дождей 1975 года освободить весь Тайнгуен. Командование Тайнгуенского фронта полностью сознавало свою огромную ответственность перед страной, сознавало, какая честь выпала на долю бойцов Тайнгуена. Окрыленное счастливыми надеждами, оно было преисполнено вдохновения и гордости.

Генерал Хоанг Минь Тхао однажды в задушевной беседе сказал нам: «Если революция на Юге до сегодняшнего дня одерживает победы, то это происходит потому, что, не говоря о других важных и решающих факторах, мы сумели овладеть частью Тайнгуена, а его героическое население на протяжении двух войн Сопротивления — сначала против французских, а теперь против американских империалистов —

отдало много сил делу революции. Я днем и ночью мечтаю о полном освобождении Тайнгуена, пламенно желаю, чтобы все люди в этом районе зажили свободно, избавились от нищеты и невежества».

15 и утром 16 марта мы получили данные радиоперехвата и сводки сообщений западных радиостанций. Эти сообщения были разрозненны и неточны, но давали важный материал для оценки положения противника в Тайнгуене.

Например, американское информационное агентство передало, что цена на авиабилеты из Плейку в Сайгон 15 марта поднялась до 40 тыс. пиастров. В чем причина стремления улететь в Сайгон именно 15 марта? Днем 16 марта мы перехватили радиопереговоры между подразделениями ВВС противника, совершавшими налеты с аэродрома в Плейку. Летчики высказывали мысль о том, чтобы не возвращаться в Плейку, а совершить посадку в Нячанге. Почему вражеские самолеты, базируясь на один аэродром, намеревались приземлиться на другом, дальнем аэродроме, хотя утром 16 марта мы еще не вели интенсивного обстрела аэродрома Плейку? В 15.00 16 марта из Ханоя нам сообщили по радиотелеграфу, что первый эшелон штаба 2-го корпусного района противника и американское консульство перебрались в Нячанг. В 16.00 из Тхуанмана пришло сообщение о том, что наши наблюдатели со своего поста вблизи моста Я-Лео обнаружили у Митханя длинную автоколонну противника, направляющуюся к Фубону.

Все эти дни район Буонметхуота продолжал приковывать к себе наше внимание, вместе с тем мы уже начали пристально приглядываться к районам Плейку, Контума, дорогам № 14 и 19. Нас живо интересовало все, что касалось Плейку, 2-го корпусного района и стратегических дорог, ведущих на равнины.

Около 19.00 16 марта, после получения указанных сообщений, на нашем командном пункте между офицерами-штабистами разгорелся жаркий спор. Не делалось никаких выводов, не следовало никаких категорических утверждений, но каждый чувствовал, что противник что-то замышляет после своего тяжелого поражения под Буонметхуотом и неудачной контратаки частей 23-й дивизии.

Часть товарищей предполагали, что противник стягивает в Нячанг войска, оставшиеся в Тайнгуене, чтобы затем совместно со стратегическими резервами повести контрнаступление на Буонметхуот по дороге № 21.

Другие придерживались того мнения, что согласно оценке, содержащейся в телеграмме Военного комитета при ЦК, события могут развиваться в трех направлениях: во-первых, враг может усилить контратаки; во-вторых, не вынеся наших ударов, он попытается стянуть свои силы к Плейку, и тогда нам нужно будет немедленно окружить город; в-третьих, возможен стратегический отход противника. Следовательно, поступившие сведения могут означать, что противник или сосредоточивает силы для контратаки, или собирается отойти в Нячанг.

Если противник имеет намерение отвести свои силы, то означает ли это отвод всех войск или только перемещение штабов? Как будет происходить отход и по каким дорогам? Вести контратаки по шоссе № 21 на Буонметхуот противнику будет нелегко! По этой дороге в Нячанг уже бегут потерпевшие поражение войска, и это не может не оказать деморализующее воздействие на части, изготовившиеся для нанесения контратаки.

Некоторые товарищи склонялись к тому, что противник будет обязательно отводить свои войска, поскольку из трех вариантов развития обстановки, указанных в телеграмме Военного комитета при ЦК, два первых не исключают возможности отхода. Контратаки противника уже успешно отражаются, а в дальнейшем нам предстоит окружение и взятие Плейку. Возможно, что после двух слишком тяжелых поражений противник не решится серьезно контратаковать. Тогда, понимая, что в данном районе его рано или поздно ожидает полный разгром, противник должен будет прийти к решению оставить Тайнгуен. Поэтому нам прежде всего необходимо успешно выполнить две задачи: быстро разгромить контратакующие части противника и срочно подготовиться к окружению его главных сил в Плейку и быстрому завершению этой операции. Противнику, который попытается отойти из Плейку, не удастся пробиться через окружение, так как все выгодные в тактическом отношении позиции нами уже заняты, а стратегические дороги перерезаны.

Мы много думали над отрывочными сообщениями, поступавшими с разных мест, и внимательно прислушивались к спорам офицеров нашего штаба. Политбюро и Военный комитет при ЦК совершенно верно указали три возможных направления развития событий, и, учитывая их, мы разработали следующий план боевых действий: после взятия Буонметхуота приготовиться разгромить подкрепления, перебрасываемые противником, и вести активные бои с войсками его 2-го корпусного района и стратегическими резервами, перебрасываемыми по воздуху. Дороги № 19, 14 и 21 нами перерезаны и надежно блокируются, и поэтому противник не сможет перебросить наземным путем подкрепления окруженным в Плейку частям, а последние лишены возможности отойти.

Мы считали, что обстановка может меняться очень быстро, так как противник, вначале самонадеянный, а потому застигнутый врасплох, после двух тяжелых поражений может поддаться страху и совершить еще более крупные просчеты. Подтянуть подкрепления и контратаковать ему уже трудно (можно попасть впросак и понести еще большие потери), а решиться на отход — значит обречь себя на катастрофический разгром.

Донесений накопилось еще не так много, но они уже давали повод для размышлений и действий.

Мы отдали распоряжение усилить перехват переговоров по линиям связи противника, запросили в Ханое дополнительные сведения о положении на всех направлениях военных действий, дали указание прослушивать сообщения зарубежных радиостанций, напомнили командованию Тайнгуенского фронта о необходимости строго следить за обстановкой в районах действий наших 95-го и 25-го полков, 320-й и 10-й дивизий, блокирующих дороги № 19, 14 и 21, и быть в готовности перебросить подкрепления 25-му полку, блокирующему дорогу № 21.

В 21.00 16 марта дежурный офицер принял сообщение об отходе противника из Плейку. Одна автоколонна, двигаясь к дороге № 7, уже миновала Митхань. В Плейку произошел взрыв на складе снарядов и во многих местах вспыхнули пожары.

Это известие всколыхнуло весь наш штаб. Офицеры немедленно разложили на столе карту сети дорог Тайнгуена. При свете карманных фонарей офицеры с лупами в руках изучали схемы дорог № 19, 14 и 21, чтобы определить, где выгодно устроить завалы, какими обходными путями может воспользоваться противник, как лучше нанести по нему удар. Тщательно вымерялись расстояния от шоссе № 7 до районов расположения наших частей, чтобы определить время, необходимое для перехвата колонны противника.

Я связался по телефону с командиром 320-й дивизии Ким Туаном. До начала боев под Буонметхуотом я уже несколько раз интересовался дорогой № 7. Каждый раз мне сообщали, что дорога давно заброшена, мосты находятся в неисправном состоянии, паромов нет и противник этой дорогой не пользуется. Два дня назад я снова завел речь об этом шоссе с Ким Туаном и получил прежний ответ.

Сейчас стало известно, что противник отходил по дороге № 7, а мы до сих пор не располагали исчерпывающими сведениями об этой дороге и своевременно не организовали преследование противника. По телефону я сделал строгий выговор командиру дивизии, дважды подчеркнул: «Это недочет, промах, заслуживающий упрека. В данный момент даже малейшее колебание, малейшее упущение, боязнь трудностей или промедление наносят вред общему делу. Если враг ускользнет — это будет большое преступление, ответственность за которое понесете вы».

В такие минуты я не хотел слышать никаких объяснений и оправданий от подчиненных, хотел только, чтобы они неукоснительно и наилучшим образом выполняли порученные задачи.

Во многих боях и операциях, в самой сложной обстановке я, как командующий, всегда предъявлял строгие требования к своим подчиненным, и они понимали меня. Поэтому, получив приказ, они решительно брались за дело и, как правило, справлялись с ним успешно.

Я повесил трубку. В моей памяти всплыли картины бегства противника в прошлую, антифранцузскую войну и в нынешнюю, антиамериканскую: бегство двух соединений французских войск под

командованием Шартона и Лепажя по дороге № 4 во время операции по освобождению районов на вьетнамо-китайской границе (1950 год), отход полка американской морской пехоты из Кхесаня (1968 год), 1-й дивизии, воздушно-десантной бригады и бригады морской пехоты марионеточной армии из района дороги № 9 — Южный Лаос (1971 год), 3-й дивизии марионеточной армии из Куангчи (1972 год). Враг много раз обращался в бегство, не выдержав наших ударов, и обычно при отходе использовал различные обманные маневры.

Но теперь из Тайнгуена — важного стратегического плацдарма — стремглав улепетывали войска целого корпусного района марионеточного режима. Спрашивается почему? По чьему приказу? Неужели противника до такой степени потрясли два наших стремительных удара на юге плоскогорья? Очевидно, боль от удара по уязвимому месту враг начал ощущать уже несколько дней спустя после его нанесения. Он и впрямь был ошеломлен и запутался в своих стратегических расчетах. Налицо был еще один его серьезный стратегический просчет.

По всей вероятности, приказ об отходе войск 2-го корпусного района исходил от центральной администрации в Сайгоне; следовательно, события вышли за рамки одной операции и приобрели стратегический характер.

Впервые в истории войны в Индокитае в ходе одной операции армия противника, оснащенная современным оружием, вынуждена была оставить важный стратегический плацдарм. Это, безусловно, могло повлечь за собой другие важные события и, возможно, привести к быстрому завершению войны, обеспечить нам полную победу.

Противник был лишен возможности локализовать события. Понесенные им поражения, несомненно, должны были вызвать цепную реакцию не только в ходе военных действий, но и в политической области, оказать воздействие на американцев, которым также было уже не под силу развязать этот гордиев узел.

Начинался перелом в войне. Чтобы не упустить благоприятный момент, прежде всего необходимо во что бы то ни стало разгромить отступающего врага, уничтожить его именно на плоскогорье Тайнгуен,

не давая возможности выйти к равнинным районам. Нужно было разгромить противника быстро и полностью, чтобы добиться коренного перелома в ходе войны.

Перебирая в памяти события прошлого и думая о настоящем, мы и радовались, и сгорали от нетерпения.

Всю ночь на 17 марта мы форсировали действия 320-й дивизии. Командование Тайнгуенского фронта получило приказ выделить дополнительное количество бронетранспортеров, автомашин, артиллерийских орудий и других материальных средств для того, чтобы помочь 320-й дивизии в преследовании врага. Одновременно штабу 5-го военного округа, находившемуся в провинции Биньдинь, было дано указание перебросить местные формирования из провинции Фуйен на дорогу № 7, чтобы преградить путь врагу, не дать ему отойти в Туйхоа. 968-я дивизия получила приказ быстро вступить в Плейку и, преодолев опорные пункты противника, расположенные вдоль дороги, нагнать врага и нанести ему удар с тыла. Командованию группы «559» было предложено направить в район Контум, Плейку 470-ю инженерно-саперную дивизию с задачей потушить пожары, переправить население в безопасные районы и взять под свой контроль склады, оставленные противником.

Отдав необходимые распоряжения, мы стали с нетерпением ждать вестей об их выполнении; особенно нас волновал ход преследования отступающего врага. Нам казалось, что события развиваются слишком медленно.

Что же происходило в действительности? 320-я дивизия, получив приказ, ночью 16 марта начала выполнение задачи. К утру 17 марта одна из частей дивизии, преодолев джунгли, вышла к дороге № 7. Враг был остановлен в восточной части провинции Фубон. Здесь, а также на западе провинции стали скапливаться войска противника.

18 марта наши силы, преследовавшие противника, освободили провинциальный центр Фубон, уничтожив находившиеся в городе войска противника, и с боями стали продвигаться к Кунгшону. Тем временем два батальона местных формирований, переброшенные из

провинции Фуйен, заняли мост Шонхоа и совместно с частями 320-й дивизии двинулись на Кунгшон.

Войска противника, охваченные паникой, в беспорядке отходили. Наши части разгромили шесть боевых групп войск специального назначения, три бронетанковых полка и несколько подразделений обслуживания из состава войск 2-го корпусного района противника, захватили весь принадлежащий им парк танков, грузовиков, инженерных машин и артиллерийских орудий.

Полковник марионеточной армии Фам Зуи Тат, командовавший частями специального назначения 2-го корпусного района, на допросе так рассказал об отходе армии противника из Тайнгуена:

«Вечером 14 марта, когда я находился в войсках, проверяя состояние обороны Плейку, меня вызвали на совещание к командующему корпусным районом Фам Ван Фу. Он сообщил, что только что вернулся из Камраня с совещания, в котором участвовали Нгуен Ван Тхиеу, Чан Тхиен Кхием, Као Ван Вьен и Данг Ван Куанг. По словам Фу, во время совещания Тхиеу спросил Вьена:

— Есть ли резервы для усиления войск 2-го корпусного района?

— Нет, — ответил Вьен.

Марионеточный президент повернулся к Фу:

— Как долго вы сможете продержаться без подкрепления?

Фу ответил:

— Я смогу продержаться месяц, но при условии обеспечения максимальной поддержки с воздуха, полного удовлетворения наших нужд в оружии, боеприпасах и восполнения больших потерь в живой силе. Я останусь сражаться в Плейку и умру здесь.

Тхиеу ответил, что невозможно гарантировать подобные условия, а поскольку армия Освобождения яростно наступает, то необходимо уйти из Контума и Плейку, чтобы сохранить силы и использовать их для защиты приморских равнин, где легче наладить снабжение войск.

Тхиеу снова спросил:

— Можно ли отходить по дороге № 19?

Вьен ответил:

— В истории индокитайских войн не было случая, чтобы войска, отходящие по этой дороге, не были уничтожены.

— А если отходить по дороге № 14? — продолжал допытываться Тхиеу.

— По ней организовать отход тем более невозможно, — последовал ответ.

Все поняли, что осталась только дорога № 7. Правда, это плохая дорога, давно заброшенная, но зато отход по ней явится неожиданностью.

Выслушав рассказ Фам Ван Фу об итогах совещания, заместитель командующего 2-м корпусным районом бригадный генерал Чан Ван Кам спросил:

— Нужно ли организовать эвакуацию администрации провинции, местных формирований и населения?

Фу ответил:

— Господин Тхиеу приказал оставить их на месте, не сообщать администрации провинции об отходе войск, обязав провинциальные власти принимать меры для продолжения сопротивления. Когда отход будет завершен, все узнают об этом. В местных формированиях — одни горцы, так пусть они останутся на своем плоскогорье.

Передав приказ, Фу поручил Каму и начальнику штаба 2-го корпусного района Ли разработать план отхода.

15 марта утром Фу с офицерами первого эшелона штаба 2-го корпусного района вылетел в Нячанг, мотивировав свои действия необходимостью создать в этом городе передовой командный пункт для руководства контратакой на Буонметхуот. Таким образом,

командующий 2-м корпусным районом не сдержал своего обещания «стоять насмерть в Плейку». Подразделения технических служб отходили к Фубону вместе с семьями офицеров и солдат. Это привело к тому, что местное население быстро догадалось о намерении военного командования оставить Плейку. Офицеров и солдат марионеточной армии охватил панический страх. Их жены и родственники толпой потянулись на аэродром и, давя друг друга, проталкивались в самолеты. А те, кто не смог пробиться к аэродрому, бежали к Фубону, используя любой попутный транспорт. На шоссе образовались пробки. Не желая уступать дорогу друг другу, группы солдат вступали в столкновения, усиливая и без того ужасную панику. Тем временем 22-я боевая группа специального назначения также начала отход из Контума.

На подступах к Тханьану войска НВСО нанесли этой боевой группе тяжелое поражение.

Согласно плану войска 2-го корпусного района должны были сначала оборудовать в районе Фубона оборонительную линию и закрепиться на ней, чтобы прикрыть отход моторизованных частей и подразделений технических служб. Однако последние, прибыв в Фубон 16 марта, остановились в городе, заявив, что устали и не могут идти дальше. Они не только заняли провинциальный центр, но и затруднили подступы к городу, в беспорядке поставив машины, повозки. Из-за наплыва все большего количества людей и техники на улицах создавались заторы. Солдаты начали разрушать дома, грабить население, вызвав переполох в городе.

16 марта войска НВСО атаковали батальон противника на перевале Бан Блек и нанесли ему большие потери. 17 марта части НВСО подвергли обстрелу штаб Фубонского военного округа, нанеся значительный урон в живой силе 23-й боевой группе специального назначения. К этому времени формирования местных сил противника уже распались, солдаты разбежались по домам, самовольно бросив свои части. Это еще больше усилило беспорядок в городе.

Части НВСО после усиленной атаки закрепились на участке дороги от Фубона до перевала Туна, тем самым полностью лишив противника возможности оборонять город. 17 марта вечером штаб 7-й боевой

группы специального назначения вызвал на помощь авиацию. Но самолеты А-37 сбросили бомбы на район расположения боевой группы, в результате чего почти батальон противника был уничтожен. 18 марта утром части НВСО нанесли еще один удар по 7-й боевой группе, почти полностью уничтожив ее. Войска НВСО вступили в Фубон. Генерал Фу велел бросить тяжелое оружие и снаряжение и бежать из Фубона. Я отдал приказ подчиненным частям и подразделениям оставить все машины и орудия и через джунгли направиться в обход перевала. Личный состав 3-го танкового батальона, не выдержав ударов НВСО, также бросил свои машины и бежал в джунгли.

Остатки разгромленной армии скрывались в джунглях на участке дороги от перевала Туна до уезда Шонхоа. Вместе с войсками шли семьи солдат и офицеров, шум стоял ужасающий. Конечно, при этом нельзя было рассчитывать остаться незамеченным. Войска НВСО преследовали отходящие группы по пятам, наносили им огромные потери. Солдаты шли усталые, бросали по пути оружие и технику. Личный состав гарнизона, несшего службу в уезде Футук, и других местных формирований сдался в плен или разбежался. Войска НВСО занимали один пункт за другим.

Замыкала отход 6-я боевая группа специального назначения. В ее задачу входило обеспечение отхода в Шонхоа остатков разгромленных частей и соединений 2-го корпусного района. 20 марта утром войска НВСО внезапно атаковали одну из частей этой боевой группы и нанесли ей значительные потери. В последующие дни боевой группе не удалось оторваться от преследовавших ее частей НВСО. Лишь немногие из ее солдат и офицеров сумели добраться до Туйхоа».

То, что войска НВСО быстро вышли в район восточнее Фубона и закрепились на пути к перевалу Туна, предопределило провал планов отвода сайгонской армии из Тайнгуена.

Все стало ясно. Взятие штурмом Буонметхуота явилось для противника таким опасным, сокрушительным ударом, а контратаки частей 23-й дивизии к востоку от города были отражены так быстро, что противник окончательно впал в панику. Она охватила не только

командование корпусного района, но и центральные органы власти сайгонской администрации. Не выдержав сокрушительных ударов, противник стал совершать и тактические, и стратегические просчеты. Растерявшись, сайгонская администрация в попытке сохранить силы и удержать территорию отдала приказ об отводе войск из Тайнгуена в равнинные районы. Но ей не удалось ни сохранить силы, ни удержать территорию. Обратившиеся в бегство войска марионеточной армии в абсолютном большинстве случаев были нами уничтожены.

А раз противник стал допускать стратегические просчеты, то рано или поздно это должно было обернуться для него полным поражением в войне.

Именно мы «спровоцировали» просчеты врага. Благодаря нашим усилиям и мастерству был создан благоприятный момент, которым мы всемерно пользовались, чтобы ускорить процесс разгрома противника и приблизить победу в войне.

Стремительнее и решительнее, смелее и инициативнее идя вперед, к новым победам, мы должны были непременно выиграть войну.

9. ПРИУМНОЖАЯ ПОБЕДЫ

Одновременно с проведением операции в Тайнгуене наши вооруженные силы начали согласованные боевые действия в районе Чи-Тхиен (провинции Куангчи, Тхыатхиен), в «пограничных» районах и на равнине. Нанося удары по врагу, вооруженные силы данного военного округа сумели на большой территории блокировать многие поенные базы противника, уничтожить ряд его долговременных оборонительных сооружений и вынудить врага их оставить. Одновременно наносились мощные удары по тыловым базам и складам марионеточной армии, перерезались ее коммуникации.

Войска нашего 2-го армейского корпуса атаковали части противника на юго-западных подступах к Хюэ и в районе Нуйбонг, Нуйнге. В результате было ликвидировано несколько опорных пунктов, уничтожено значительное количество живой силы противника. В последующие дни наши бойцы непрерывно отбивали контратаки врага

и сковывали его мобильные силы, не давали им уйти из Куангчи, Тхыатхиен.

На равнинах семь батальонов местных формирований и сто отрядов вооруженных агитаторов углубились в тыл противника и вместе с партизанами, действовавшими в этом районе, и населением всех восьми уездов нанесли неожиданный удар. В руки патриотов перешел уездный центр Майлинь, было ликвидировано 11 из 30 военных подокругов. Наши отряды вооруженных агитаторов провели большую работу на территории, где расположены 53 общины с населением более 20 тыс. человек.

После того как противник потерпел тяжелое поражение в Тайнгуене, Политбюро и Военный комитет при ЦК партии дали указание войскам, действовавшим в районе Куангчи, Тхыатхиен, и 2-му армейскому корпусу воспользоваться благоприятным моментом и в кратчайший срок перейти в наступление по всему фронту.

18 марта, предвидя возможность отхода противника из Хюэ с целью перебросить 1-ю пехотную дивизию в Дананг и организовать оборону южнее перевала Хайван, Главное командование отдало войскам военного округа Чи-Тхиен, возглавляемого генерал-майором Ле Ты Донгом (командующий и политкомиссар), и 2-го армейского корпуса приказ смело пробиться через оборонительные позиции противника, перерезать дорогу № 1 и вплотную подойти к Хюэ, чтобы разгромить 1-ю пехотную дивизию противника, не дав ей уйти в Дананг, освободить город и весь район Чи-Тхиен.

19 марта местные формирования провинции Куангчи перешли в наступление. Они освободили всю провинцию и ее административный центр. Линия обороны противника на севере была прорвана. Ему пришлось отойти к южному берегу реки Митянь.

Тем временем в Хюэ командующий войсками 1-го корпусного района генерал-лейтенант Нго Куанг Чыонг клялся по радио: «Я умру на улице города. Вьетконговцы войдут в нашу древнюю столицу только через мой труп». А в Сайгоне Тхиеу как ни в чем не бывало хвастался: «Контум и Плейку оставлены нами с целью полностью сохранить свои

силы, а в Дананге, Хюэ, в 3-м и 4-м корпусных районах мы будем держаться до последнего».

Выполняя приказ Главного командования, войска военного округа Чи-Тхиен и 2-го армейского корпуса 21 марта одновременно перешли в наступление, двигаясь в трех направлениях (северном, западном и южном). В результате решительных действий они прорвали оборону противника и окружили город Хюэ, нанесли большие потери 1-й пехотной дивизии, 147-й бригаде морской пехоты противника и закрепились на участке дороги № 1, Муйнэ — Байшон, отрезав Хюэ от Дананга. Машины с солдатами и населением, пытавшимся бежать в Дананг, в беспорядке повернули назад. Наша дальнобойная артиллерия держала под своим огнем военные базы Донгда, Мангка и аэродром Фубай. Дороги были перерезаны, воздушные пути блокированы, и войскам армии марионеточного режима осталось только бежать к морю, в сторону устьев рек Тхуанан и Тыхиен. Дорога Хюэ — Тхуанан была последней надеждой противника, но и она стала для него дорогой смерти. Узнав о попытке противника отойти, наша артиллерия, с одной стороны, держала под обстрелом устье Тхуанан, не позволяя вражеским кораблям пристать к берегу, чтобы подобрать отступающих, с другой — вела сосредоточенный огонь по скоплению войск противника, образовавшемуся близ Тхуанана и Тыхиена, нанося крагу тяжелые потери. Наши части специального назначения минировали устье реки Тхуанан. Танки, бронетранспортеры, автомобили, десятки тысяч солдат противника под огнем нашей артиллерии в панике бежали, неся огромные потери.

25 марта в устьях рек Тхуанан и Тыхиен ударные группы наших войск окружили и уничтожили оставшиеся силы противника, а затем с нескольких направлений двинулись на штурм Хюэ. В 10.30 на знаменной башне перед парадными воротами бывшего императорского дворца взвился флаг НФОЮВ. Наши войска полностью освободили Хюэ, и жители города после семи лет ожидания, с Тэта 1968 года, вновь увидели реющее на ветру алое знамя. В ходе боев, при окружении, расчленении и преследовании сил противника, поднявшиеся на борьбу народные массы координировали свои действия с войсками НВСО, указывая им пути отступления войск марионеточной армии, места их укрытия, помогая бойцам

переправляться через реки и уничтожать скрывавшихся от возмездия оголтелых предателей.

1-я пехотная дивизия, которую американцы считали одним из самых боеспособных соединений марионеточной армии, не выдержав наших сокрушительных атак, прекратила существование. Ликвидировав 1-ю пехотную дивизию и освободив Хюэ и весь район Чи-Тхиен, мы нанесли тяжелый удар по вражескому замыслу стратегического сосредоточения войск. Над обескровленными войсками 1-го корпусного района противника нависла угроза полного разгрома.

Вечером 26 марта, когда в штабной землянке я проверял исполнение приказа Главного командования о формировании 3-го армейского корпуса и ход мероприятий по организации обороны освобожденного Тайнгуена, думал над тем, куда в дальнейшем двинуть тайнгуенские соединения и как одновременно с отправкой разведчиков наладить перевозку военных грузов в Восточное Намбо, ко мне пришел товарищ Нгуен Туен и сообщил, что Хюэ полностью освобожден. Я не мог сдержать волнения. Теперь Хюэ освобожден навеки, а не так, как в дни Тэта 1968 года, когда мы смогли продержаться там лишь 25 суток.

Я представил себе, как несказанно обрадуются этой вести товарищи Чан Ван Куанг, Ле Куанг Дао, Чан Куй Хай и другие военачальники, бойцы и офицеры всех частей и соединений, участвовавших весной 1968 года в генеральном наступлении и восстании в Хюэ, Куангчи, Кхесане и в районе дороги № 9. Не в силах сдержать охватившие меня чувства, закурил, хотя курить бросил давно, но каждый раз, когда благополучно разрешался какой-нибудь сложный вопрос, когда одерживалась большая победа или поступало известие о замечательном боевом подвиге, я с удовольствием затягивался сигаретой.

Координируя действия с Тайнгуенским фронтом, вооруженные силы 5-го военного округа во главе с командующим генерал-полковником Тю Хюи Маном и политкомиссаром Во Ти Конгом перерезали дорогу № 19 силами 3-й дивизии, освободили Тиенфыок и Фьюклам, отразив контратаки противника и вынудив его отойти из Шонха и Чабонга. В результате мы овладели всеми районами, еще недавно считавшимися «пограничными». Одновременно на равнинах, особенно в провинциях

Куангнгай и Биньдинь, усилилась борьба за срыв вражеских операций по «умиротворению».

После нашей крупной победы в Тайнгуене зональный партийный комитет и командование 5-го военного округа, чутко уловив перемену в общей обстановке, внесли коррективы в план развертывания военных действий, перенеся основные усилия с юга на север, чтобы создать условия для освобождения Дананга.

После 18 марта Военный комитет при ЦК партии и Главное командование дали командованию 5-го округа указание не упустить благоприятного момента, со всей решительностью и смелостью развивать наступление, в кратчайший срок прорваться к дороге № 1, перерезать ее на участке между Данангом и Тамки, разгромить 2-ю пехотную дивизию противника, не дав ей отойти к Данангу, приступить к артобстрелу Дананга и активно и быстро подготовиться к боям за овладение городом.

Во исполнение этого указания один из полков нашей 2-й дивизии 21 марта атаковал Туанзыонг, перерезал дорогу из Тамки в Дананг, нанес сокрушительное поражение 5-му полку 2-й дивизии противника, создав угрозу городу Тамки, навязал частям 2-й дивизии противника, дислоцировавшейся в Куангнгай, бой за пределами города, в то время как другая наша часть стремительным ударом освободила его.

22 марта Военный комитет при ЦК партии и Главное командование указывали: «Враг оставляет Хюэ. Не исключена возможность его отступления из Дананга». Войска 5-го военного округа получили приказ активно готовиться к боям за Дананг в соответствии с ранее разработанным планом.

На следующий день, когда в соответствии с директивами Политбюро и Военного комитета при ЦК партии бурно развернулись боевые действия в Чи-Тхиене, бюро партийного комитета 5-го военного округа собралось на расширенное заседание, где было принято решение «мобилизовать всю партийную организацию и население на борьбу, чтобы в кратчайший срок полностью освободить 5-й военный округ». В течение 24 и 25 марта 2-я дивизия НВСО совместно с местными формированиями разгромила 4-й и 5-й полки 2-й дивизии противника,

освободила Тамки и Туанзыонг. Во взаимодействии с восставшим народом местные формирования Куангнгай освободили северную часть своей провинции.

Войска регулярной армии атаковали базу Чулай, а тем временем местные формирования и отряды народного ополчения Куангнгай, непрерывно наступая, полностью очистили от врага провинцию. Освобождение Куангнгай, Тамки, Туанзыонга и разгром крупных сил противника в этом районе создали непосредственную угрозу обороне марионеточной армии на южных подступах к Данангу. В Сайгоне Тхиеу снова призвал «грудью защищать Дананг». В случае невозможности удержать город сайгонская администрация намеревалась «отсрочить» его падение на два месяца, чтобы перестроить трещавшую по всем швам стратегическую оборону и одновременно эвакуировать из города население численностью миллион человек, рассчитывая вызвать неблагоприятный для нас политический эффект, усилением дипломатической деятельности оказать на нас давление и вынудить прервать наступление. Заместитель начальника генерального штаба марионеточной армии генерал-майор Нгуен Суан Чанг получил приказ срочно совершить инспекционную поездку в Дананг и лично проследить за отправкой со склада в Лонгбиен дополнительно 20 тысяч единиц оружия, предназначенного для обороняющих город войск. План обороны Куангнгай, Дананга предусматривал сокращение фронта и сосредоточение дивизии морской пехоты, 3-й пехотной дивизии и боевых частей других родов войск для прочного удержания Дананга.

25 марта Военный комитет при ЦК партии и Главное командование, исходя из предположения, что, «потеряв Хюэ, Тамки, Куангнгай и Чулай, противник при всем желании не сможет удержать Дананг», решили начать наступление на город «в самый подходящий момент, самым стремительным и смелым образом, обеспечивая полную внезапность и непоколебимый успех». Войскам 2-го армейского корпуса и 5-го военного округа был отдан приказ «действовать с такой смелостью и внезапностью, чтобы противник не мог оказать сопротивление, сосредоточить силы для нанесения противнику, обороняющему Дананг, значительных потерь, разгромить прежде всего дивизию морской пехоты и 3-ю пехотную дивизию, добиться

крупной победы в этой решительной схватке, создав условия для проведения в дальнейшем решающего стратегического сражения».

Для руководства этой важной военной операцией 25 марта Политбюро и Военный комитет при ЦК партии решили образовать командование фронта Куангда, которое возглавили командующий генерал-лейтенант Ле Чонг Тан и политкомиссар генерал-полковник Тю Хюи Ман. Ле Чонг Тан немедленно вылетел из Ханоя в Золинь. В это время Тю Хюи Ман командовал группой войск, действовавшей в районе Куангтин, Куангнгай, то есть на значительном удалении от района проведения предстоящей операции. Для руководства действиями войск необходимо было развернуть командный пункт западнее Дананга, куда из Куангчи через Алыой и прибыл генерал Ле Чонг Тан. В пути он по телефону установил связь с различными соединениями и по радио согласовывал их действия с Тю Хюи Маном. Командующий фронтом и политкомиссар все еще никак не могли встретиться друг с другом.

В эти дни я тоже был чрезвычайно обеспокоен положением дел в 5-м военном округе. Находясь в отдалении и не зная конкретной обстановки, я послал радиogramму заместителю начальника Генштаба генералу Хоанг Ван Тхаю, чтобы он дал указание 2-му армейскому корпусу, имевшему в своем составе 304, 324 и 325-ю дивизии, с помощью дальнобойной артиллерии немедленно подвергнуть блокаде аэродром и порт в Дананге и совместно с силами 5-го военного округа быстро уничтожить сосредоточившуюся в городе группировку войск противника. Успешное выполнение этой задачи помогло бы нашим войскам на фронте в Намбо, перешедшим в наступление. Следовало также усилить руководство этими важными боевыми действиями.

С 25 марта в Дананге начались беспорядки. Силы НВСО быстро приближались к городу. Противник был вынужден отказаться от сосредоточения войск в Дананге и приступить к эвакуации американских советников и части сил марионеточной армии на самолетах «Боинг-727» и вертолетах. У самолетов, готовых покинуть Дананг, те и дело возникали настоящие драки за место. На аэродроме царил невиданный беспорядок. Люди выбегали на взлетно-посадочную полосу и попадали под шасси самолетов, застревали на подножках вертолетов. Солдаты, офицеры и их семьи в панике покидали город. Перед бегством морские пехотинцы бесчинствовали,

грабили население и насиловали женщин. 3200 новобранцев в учебном центре Хоакан подняли мятеж, часть из них перешла на сторону революции, другие разошлись по домам. Наша тяжелая артиллерия начала обстрел данангского аэродрома, базы Хоакхань, где размещался штаб 3-й дивизии, порта Шонча, командного пункта дивизии, дислоцировавшейся в Нонныюке, и это вызвало еще большее смятение в стане противника. Заключенные тюрьмы Нонныюк подняли восстание и вырвались на свободу. Освободив Тиенфыюк, Фыюклам и Тамки, 2-я дивизия войск 5-го военного округа во главе с Героем Народной армии старшим полковником Нгуен Тьоном повела наступление на Дананг с юга. 29 марта пехота и бронетанковые части войск 2-го армейского корпуса совместно с войсками 5-го военного округа с четырех сторон — с севера, северо-запада, юго-запада и юга — стремительным ударом прорвали оборону города, заняли аэродром и другие важные объекты, в том числе полуостров Шонча. Тем временем один из отдельных полков из состава войск 5-го военного округа захватил Нонныюк и аэродром Ныюкман. Наши подпольные группы и отряды специального назначения заняли мост Чиньминтхе и водрузили над городской ратушей флаг. Ополченцы и население помогли бойцам быстро овладеть положением в городе и организовать преследование отходившего противника. За 32 часа мы разгромили и разоружили 100-тысячную группировку в Дананге, освободив второй по величине город в Южном Вьетнаме и овладев крупнейшей военной базой. С освобождением Дананга завершился разгром войск 1-го корпусного района противника. Это поражение резко ускорило процесс разложения марионеточной армии. Избежав смерти во время захвата нами военно-морской базы Шонча, генерал Иго Куанг Чьонг спешно вылетел на вертолете на военный корабль, который доставил его в Сайгон, а там он сразу лег в военный госпиталь.

Полный успех Хюэ-Данангской операции имел исключительно важное стратегическое значение. Наряду с победой в Тайнгуене победа в районе Хюэ, Дананг в стратегическом отношении коренным образом изменила соотношение сил в нашу пользу, окончательно сорвала вражеский план стратегического сосредоточения войск, подорвала силы сайгонского режима и позволила нам собрать превосходящие силы для последней решающей битвы.

Из сообщения командующего войсками в Намбо и 6-м военном округе (или зоне Б-2) генерала Чан Ван Ча мы узнали о положении дел в самой южной части страны. После освобождения Динькуана, Хоайдыка и Зарая мы двинули главные силы 7-й дивизии с артиллерией и танками в район Лонгкхань, дорога № 20 с целью атаковать Ламдонг и овладеть им. Момент был благоприятный, и эта дивизия без промедления приступила к выполнению поставленной задачи. Впервые ей были приданы подразделения различных родов войск. Впереди шли бронетранспортеры, за ними следовали танки, артиллерия, подразделения тылового обслуживания и обеспечения. Продвигались по дороге № 20 с невиданным воодушевлением, по пути уничтожая встречавшиеся части противника. Солдаты марионеточной армии растерялись и впали в панику. Одни бежали куда глаза глядят, другие группами сдавались в плен, удивленно посматривали на стремительно двигавшиеся колонны наших войск. За кратчайший срок 7-я дивизия освободила провинцию Ламдонг и административный центр Баолок.

Генерал Чан Ван Ча очень сожалел о том, что после овладения Ламдонгом у нас не хватило сил сразу освободить Лиенкханг, Дранг и Далат.

На направлении Заутиен, дорога № 22 мы разгромили силы врага в военном подокруге Заутиен, ликвидировали его опорные пункты Бепкуй, Онгхунг, Каукхой, закрепились на дороге № 26 в районе узла дорог Каудат. После этого наши части перерезали дорогу № 22 и, блокировав город Тэйнинь, вынудили войска противника дать нам бой за пределами города, тем самым облегчив для других наших частей выполнение задачи по освобождению этого провинциального центра. На другом направлении, где наступательные бои вели 5-я и 3-я дивизии, нам удалось проложить коридор в 8-й военный округ, расположенный в дельте Меконга. Вслед за этим 5-я и 3-я дивизии изменили направление ударов, повернув в сторону Мокхоа, чтобы разгромить находившиеся в этом районе 9-ю пехотную дивизию и 4-ю бронетанковую бригаду, нанести противнику поражение во всем этом военном округе. В результате мы расширили освобожденную зону на север от Кайбэ (провинция Митхо), на восток от Киенфонга и вдоль канала имени Нгуен Ван Тьепа.

Что касается 9-го военного округа (Западный Намбо), то в провинции Виньлонг бои шли успешно, но в провинции Хаузанг дела обстояли не так уж хорошо. В целом в Намбо марионеточных войск было еще много. Крупные поражения, которые противник потерпел в 1-м и 2-м корпусных районах, конечно, оказали на него определенное влияние. Однако здесь у нас пока не было ошеломляющих побед, и поэтому в рядах противника еще не наблюдалось признаков дезорганизации.

Чтобы в корне изменить ситуацию, необходимо было провести крупные операции, нанести противнику ряд сильнейших внезапных ударов, которые бы не оставили ему возможности сосредоточения сил, вызвали бы в его рядах дезорганизацию. Одним из основных законов войны является уничтожение боевых сил противника, как живой силы, так и боевых средств. Наш противник располагал различными родами войск и видами вооруженных сил. Только правильно выбрав направление удара и разгромив главные силы противника, мы смогли бы вызвать быстрый развал его военной машины, изменить соотношение сил в нашу пользу и дать импульс цепной реакции победы. В данный момент основным объектом ударов являлись регулярные войска марионеточной армии, особенно ее высшие штабы. Меткий удар по ним повлек бы за собой распад всей системы обороны и разложение марионеточной администрации во всех районах Юга. Враг сохранит свои силы и не обратится в бегство, если не нанести ему сокрушительные удары, не бить его быстро, изо всех сил и непрерывно.

18 марта, когда враг еще только начинал отвод своих сил, мы собрались в штабе Тайнгуенского фронта, чтобы обсудить планы дальнейших боевых действий тайнгуенской группировки наших войск, подробно проанализировали состояние наших сил и положение в лагере противника.

Наша победа в Тайнгуене оказала очень сильное влияние на стратегическую расстановку сил противника и моральный дух его войск. Наши мощные, молниеносные атаки привели к быстрому развалу марионеточной армии. Чтобы не попасть в окружение и попытаться избежать полного разгрома, враг был вынужден поспешно отходить из Тайнгуена. Кроме того, перед ним встала задача оборонять оставленные почти без присмотра приморские провинции,

входящие во 2-й корпусной район. В Биньдине противник, правда, держал 22-ю дивизию, однако в других провинциях у него имелись только местные формирования. Силы противника вокруг Сайгона оставались прежними и могли получить подкрепления. Из всех объединений марионеточной армии самые большие потери в живой силе понесли войска 2-го корпусного района, в результате чего сайгонские войска были вынуждены оставить важнейший стратегический плацдарм — Тайнгуен, охватывающий пять провинций. Такого еще никогда не случалось в ходе войны во Вьетнаме. Моральный дух личного состава частей и соединений 2-го корпусного района пал так низко, как ни в каком другом. Теперь было маловероятно, чтобы войска 2-го корпусного района смогли организовать контрнаступление на Тайнгуен вообще и на Буонметхуот в частности. Поражения на плато Тайнгуен и на других фронтах значительно ухудшили положение администрации Тхьеу. Еще несколько таких поражений — и продажный режим мог бы пасть окончательно.

Победа, одержанная нами в Тайнгуене, являлась исключительно крупной и превзошла «плановые ожидания». У нас появилась возможность развить успех. Противник, преследуемый по пятам, впал в панику и замешательство, наши же войска в боях еще больше возмужали и набрались новых сил. Сильно возрос моральный дух бойцов. Армия получала все необходимое. Не только не были израсходованы боеприпасы, запланированные для проведения операций, но были еще захвачены многочисленные военные трофеи. По стратегическим дорогам шло бесперебойное и значительно более интенсивное, чем раньше, движение грузовых автомашин. Для продолжения боевых действий оставалось примерно полтора месяца сухого сезона. Между всеми фронтами Юга было налажено эффективное взаимодействие.

Встал вопрос о том, в каком направлении нам следует развивать наступление силами войск Тайнгуенского фронта, чтобы наносить врагу непрерывные разящие удары, действовать стремительно и успешно, обеспечивая наибольшую эффективность использования своих сил и выигрывая как можно больше времени для новых свершений. Это наступление должно иметь целью нанести противнику

значительный урон в живой силе, расколоть его стратегическую группировку и разобщить контролируемые марионеточным режимом районы, ускорить процесс дезорганизации сайгонской армии и политического банкротства режима Тхьеу. Если приостановить наступление или поставить перед ним другие цели, то враг сумеет сосредоточить свои силы.

После бурного обсуждения мы пришли к единому мнению, что силы Тайнгуенского фронта должны повести наступление в восточном направлении. То есть мы должны были двинуться к приморью и вместе с войсками 5-го военного округа очистить от врага провинции Биньдинь, Фуйен и часть провинции Кханьхоа, нанести ему значительные потери в живой силе и освободить территорию с населением более миллиона человек. Нашим бойцам после только что одержанной победы не терпелось поскорее выйти к равнинам, а население равнинных районов, как нам стало известно, с таким же нетерпением ожидало прихода НВСО.

Согласно плану нам предстояло держать под контролем три стратегические дороги — № 7, 19 и 21, — соединяющие горные районы с равнинными, малонаселенный Тайнгуен с густонаселенным побережьем 5-го округа. Наступление на равнины имело также целью окончательно разгромить 22-ю дивизию, входившую в состав войск 2-го корпусного района, а также части сил специального назначения и местные формирования трех провинций — Биньдинь, Фуйен, Кханьхоа. Нужно было быть в готовности разгромить идущие на подкрепление два-три полка из состава сил 1-го или 3-го корпусных районов. Сделав это, мы смогли бы довершить разгром войск 2-го корпусного района противника, рассеять всю оборонительную систему сайгонской армии и изолировать силы, расположенные на севере 1-го корпусного района.

В дальнейшем мы дополнили наш план: после освобождения Кханьзыонга двигаться по дороге № 21 к перевалу М'Драк, подготовить условия для освобождения Ниньхоа, а затем Нячанга и Камраня.

А пока предстояло выполнить две задачи: во-первых, срочно укрепить наши войска, дополнительно снабдить их оружием и, во-вторых,

научить личный состав новым способам ведения боя. С организацией снабжения войск не существовало никаких проблем, так как имелись три стратегических шоссе, ведущих на равнины, по которым могли осуществляться перевозки войск, продуктов питания, оружия и боеприпасов. Главное политическое управление направило на Юг много кадровых работников не только для ведения идейно-воспитательной работы в войсках, но и для оказания активной помощи в создании органов власти на освобожденных территориях. Главное техническое управление послало на фронт дополнительно 300 инженеров и рабочих для ремонта танков, артиллерийских орудий и автомобилей.

19 марта я встретился с членами бюро парткома 5-го военного округа Буй Шаном, Нгуен Туан Таем и секретарем парткома провинции Дарлак, членом парткома округа Хюинь Ван Маиом. Мне сообщили, что положение в Буонметхуоте и его окрестностях постепенно нормализуется. Почти все население провинции поддерживает революцию. Открылись базары и больницы. В городе возобновилось водоснабжение. Проходят многолюдные митинги, народ приветствует освобождение своего родного края. Наибольшей активностью отличаются рабочие и учащаяся молодежь. Многие добровольно занимаются уборкой улиц, ремонтом оборудования на электростанциях, радиостанциях и в коммунальном хозяйстве, охраной общественного порядка.

На собраниях население задает многочисленные вопросы: как теперь организовать труд? можно ли работать на полях с утра до ночи? допустима ли рубка леса? можно ли изъять деньги из банка? сохранится ли жалованье служащим и учителям? когда откроются школы и по какой программе будут учиться дети?

Я посоветовал местным руководителям и дал указание командованию Тайнгуенского фронта оказать народу помощь в решении больших задач: создании местных органов власти и местных военных формирований, проведении в жизнь политических установок партии в области экономики, культуры и просвещения, в налаживании снабжения продовольствием 100 тыс. жителей Буонметхуота и его пригородов, а также 50 тыс. беженцев в окрестных районах, строгом соблюдении государственной политики в отношении малых

народностей, буржуазии и иностранных подданных. На местах ощущалась острая нехватка кадров, и мы ожидали возвращения в родные края специалистов — представителей национальных меньшинств, получивших образование на Севере, а также приезда работников из других районов страны. На первых порах мы решили создать новую военную зону, командование которой выполняло бы обязанности военной комендатуры трех провинций Тайнгуэна и одновременно направляло работу в других областях жизни. В состав руководства военной зоны вошли как профессиональные военные, так и представители партийных и государственных органов, а также общественных организаций. Было приблизительно подсчитано, что в предстоящие годы в этом районе страны можно будет освоить сотни тысяч гектаров земли. Некоторые из бойцов с воодушевлением говорили: «Проезжаешь мимо Буонметхуота — на душе становится радостно. Боже мой! Какая благодатная земля! Кто теперь скажет, что наша страна маленькая и бедная!»

Наступление по дорогам № 19, 7 и 21 в направлении приморских равнин Чунгбо развивалось с начала марта до начала апреля 1975 года. На дороге № 19 произошли ожесточенные бои, в ходе которых наша 968-я дивизия совместно с 3-й дивизией 5-го военного округа разгромила и рассеяла силы 22-й дивизии противника в Фулонге, Лайнги и Фукате (провинция Биньдинь). Население провинциального центра Куинён подняло восстание и, поддерживаемое местными воинскими формированиями, освободило свой город и острова Фьюкли, Фьюкхай. Корабли противника не смогли подойти к берегу, чтобы взять на борт остатки разгромленных войск. В тот же день мы овладели аэродромом Гокуань, взяв в плен 1000 солдат и захватив 30 неповрежденных самолетов. Таким образом, замысел противника покинуть Куинён, вывезти на кораблях часть сил 41-го и 42-го пехотных полков для усиления обороны Нячанга был сорван. На берегу в Куинёне многотысячные войска противника были окружены и сдались в плен. Вся провинция Биньдинь стала свободной.

320-я дивизия по дороге № 7 вошла в Кунгшон, затем быстро овладела городами Туйхоа, Туйан, Шонгкау, освободив всю провинцию Фуйен. В районе Нячанга командование войск специального назначения 2-го корпусного района получило приказ

сформировать из остатков разбитых на плато Тайнгуен боевых групп и курсантов центра подготовки Зукми две боевые группы войск специального назначения и направить их на помощь 3-й воздушно-десантной бригаде, занявшей оборону в районе Кханьзыонг. В этот же район был переброшен и 72-й батальон, сформированный из новобранцев. По приказу заместителя начальника генштаба марионеточной армии генерал-лейтенанта Ле Нгуен Кханга туда же были направлены подразделения разгромленных частей армии противника, только что высадившиеся в Камране. Командующий 2-м корпусным районом генерал Фам Ван Фу снова призвал «стоять в Нячанге насмерть». А в это время американское консульство спешило оставить город. Солдаты и офицеры старались эвакуировать свои семьи. 3000 курсантов учебного центра Ламшон и военного училища бежали в провинциальный центр, даже полицейские, несшие охрану тюрем, побросали свои посты. 2000 находившихся под стражей солдат марионеточной армии, вырвавшись на свободу, тотчас вооружились и принялись грабить население, усиливая и без того немислимый хаос, царивший в городе. Тем временем 10-я дивизия во главе с Ву Лангом и Нгуен Хиепом преследовала по дороге № 21 отступавшие к морю части противника. Ву Ланг всем сердцем стремился принять участие в освобождении Ниньхоа, где 29 лет назад он сражался в рядах добровольцев Севера против французских захватчиков. Прибыв на перевал Фыонгхоанг, он получил приказ вернуться в Представительство Главного командования, чтобы принять на себя новые обязанности. Освободив Кханьзыонг и Ниньхоа, 10-я дивизия вступила в провинциальный центр Нячанг. Жители города вышли на улицы, чтобы встретить бойцов-освободителей. Они указывали путь к военным объектам и учреждениям марионеточной администрации. Наши солдаты ворвались в дом Фам Ван Фу. На столе стоял поднос с едой, самого хозяина не было: он удрал, не успев пообедать. Марионеточные войска, бежавшие из Нячанга в Камрань, отходили оттуда в Фанранг. Продолжая победоносное шествие, 10-я дивизия с боями вошла в Камрань, один из крупнейших и важнейших портов Юга, освободив всю провинцию Кханьхоа.

Сбежав в Фантхиет, Фам Ван Фу встретился там с заместителем командующего 3-м корпусным районом, который сообщил ему, что

Тхьеу собирается присоединить две южные провинции 2-го корпусного района, то есть Ниньтхуан и Биньтхуан, к 3-му корпусному району с целью обеспечить оборону Сайгона на дальних подступах. Таким образом, с карты исчез 2-й корпусной район марионеточной армии.

Следует добавить, что, поскольку в Тайнгуене остались значительные резервы, мы поручили одной из наших частей освободить Далат. Освобождение Далата открыло бы нашим войскам путь к аэродрому Тханьшон (г. Фанранг), важной военно-воздушной базе противника, мешавшей нашему продвижению в Намбо с востока. Это задание должен был выполнить полк специального назначения. Далат не только славится своими овощами и фруктами, но и является курортным городом, культурным и научным центром. Здесь находился центр ядерных исследований и ряд учебных заведений и учреждений. Перед вступлением в город необходимо было воспитать бойцов в духе высокой дисциплинированности и организованности, чтобы они берегли и охраняли оборудование предприятий, школ и другие материальные ценности. 198-й полк специального назначения под командованием майора Чан Киня, усиленный танками и артиллерией, пройдя через всю провинцию Куангдык, совместно с силами 6-го военного округа быстро овладел Далатом.

Офицеры штаба фронта, которые вели оперативные карты, в эти дни то и дело жаловались: «Не успеваем за нашими войсками!»

Окрыленные победой, бойцы всех фронтов продолжали наступление.

10. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБСТАНОВКЕ И НОВЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ

20 марта, в то время когда наши войска в Тайнгуене по трем стратегическим дорогам вели наступление в равнинные провинции, к нам поступила радиограмма о только что состоявшемся совместном заседании Политбюро и Военного комитета при ЦК. На заседании была дана следующая характеристика создавшегося положения: одержанная нами победа имеет стратегическое значение, знаменует собой перелом в войне на Юге, новое, резкое изменение общей обстановки. Американские агрессоры и их приспешники сделали еще один шаг, приблизивший их к полному крушению. В данный момент

враг пытается стянуть с дальней периферии свои силы и сосредоточить их в районе Сайгона, в части районов дельты Меконга и, возможно, в Дананге и Камране, чтобы укрепить свои стратегические позиции в этих районах и на этой основе попытаться добиться политического урегулирования путем либо создания коалиционного правительства, либо раздела Южного Вьетнама. Поэтому мы должны наилучшим образом использовать фактор времени, действовать быстро, решительно и смело, добиваясь полной внезапности своих действий как с точки зрения выбора момента и направления удара, так и с точки зрения количества привлекаемых в бою сил, обеспечивая самые высокие шансы на победу. Руководствуясь этими соображениями, Политбюро ЦК партии после всестороннего обсуждения приняло решение привести в исполнение план освобождения Сайгона в более сжатые сроки, чем предусматривалось первоначально.

Чтобы довести и разъяснить директиву, Политбюро направило к нам в Тайнгуен товарища Ле Дык Тхо. Он должен был выехать 28 марта. Одновременно было дано указание товарищам Фам Хунгу и Чан Ван Чану из Намбо, Во Ти Конгу и Тю Хюи Ману из 5-го военного округа немедленно отправиться к нам в Тайнгуен на совещание. Участники совещания должны были заслушать сообщение о решении Политбюро и обсудить план его претворения в жизнь.

В стране сложилась совершенно новая обстановка. Опираясь на анализ военных событий, партия — великий рулевой — поставила перед нашим народом новые задачи. Стало ясно, что наступил исторический переломный момент.

Нам не терпелось поскорее увидеть товарища Ле Дык Тхо и узнать от него о важных решениях Политбюро, принятых в эти исторические в судьбе нашей страны дни.

25 марта состоялось еще одно совещание Политбюро. На этом историческом совещании было отмечено: «С операции в Тайнгуене началось наше генеральное наступление. В стратегическом плане создалась новая ситуация. Сегодня мы имеем все возможности в скором времени осуществить нашу решимость освободить Южный Вьетнам». Политбюро решило в кратчайший срок сосредоточить

боевые силы и материальные средства для освобождения Сайгона до начала сезона дождей. Воспользовавшись тем, что по стратегическим соображениям враг отводит свои силы, надо было постараться полностью разгромить войска 1-го корпусного района и большую часть сил 2-го корпусного района, не дать им стянуться к Сайгону.

На основе научного анализа сложившейся обстановки, чутко уловив появление новых факторов, Политбюро констатировало, что создан благоприятный исторический момент, и приняло решение во что бы то ни стало довести всеобщее наступление до окончательной победы.

Как совершенно правильно отметило Политбюро, обстановка менялась чрезвычайно быстро, не по дням, а по часам. Противник находился в сильном замешательстве и смятении. Не теряя времени, надо было наносить ему непрерывные удары и не дать возможности оправиться. Положение могло значительно осложниться, если бы противнику удалось продержаться до начала сезона дождей.

25 марта Политбюро радирировало нам о своем решении в кратчайший срок перебросить три пехотные дивизии и части усиления из районов дорог № 7 и 21 в район Буонметхуота, чтобы там провести необходимые приготовления к операции по освобождению Сайгона. Вся подготовку нужно было завершить в месячный срок. В радиограмме говорилось: «Таким образом, мы продолжаем твердо придерживаться плана освобождения Сайгона в течение сухого сезона, ибо сильные дожди пойдут только через два месяца. В худшем случае дожди застанут наши войска уже на ближайших подступах к Сайгону. Но тогда они уже не будут большой помехой. Необходимо всемерно преодолевать трудности. В зависимости от развития обстановки могут появиться и новые инициативы...

В настоящее время события сменяют друг друга с молниеносной быстротой. Мы являемся свидетелями своеобразного скачка. Весьма важно не терять времени и не упустить благоприятный момент».

Нам стало известно, что по решению Политбюро был образован Совет по вопросам помощи фронту. Его возглавил наш уважаемый премьер-министр Фам Ван Донг. В состав Совета вошли два заместителя премьер-министра: Ле Тхань Нги (в качестве заместителя

председателя Совета) и Фан Чонг Туэ. Членами Совета были назначены и другие ответственные товарищи.

Сразу же после получения указаний Политбюро мы стали обдумывать, как бы лучше их выполнить. В то время 320-я и 10-я дивизии вели преследование противника. Вопрос состоял в том, остановить их и направить в Намбо или же дать им возможность выйти к морю, освободить провинции Фуйен, Кханьхоа, затем захватить Нячанг и Камрань, а уж после этого повернуть 320-ю дивизию по дороге № 7 в Тайнгуен, а 10-ю направить в Намбо. Конечно, было бы лучше, максимально используя благоприятную обстановку, продолжать преследование противника, постараться уничтожить как можно больше его сил, завершить разгром вражеских войск во 2-м корпусном районе. Этим мы создали бы хорошие предпосылки для успеха в предстоящей решающей битве за Сайгон-Задинь. Мы тщательно рассчитали время, необходимое для осуществления нашего плана, продумали вопрос о средствах переброски войск и их материального обеспечения, прикинули вероятные сроки подготовки к операции и ее проведения с учетом времени, оставшегося до начала сезона дождей. По нашим расчетам, времени еще имелось достаточно, чтобы до переброски в Намбо 320-я дивизия могла освободить Фуйен, а 10-я — Камрань.

В только что закончившихся боях дивизии, входящие в Тайнгуенскую группу войск, одержали большие победы, стремительными ударами захватили ряд провинциальных центров. Дела у них пока шли гладко, без единой заминки. Поэтому мы верили в их боеспособность и возлагали на них большие надежды.

В своем очередном докладе я изложил наш план и просил Политбюро разрешить войскам Тайнгуенского фронта еще несколько суток продолжать продвижение к морю, так как наши соединения буквально по пятам преследуют противника и преисполнены решимости к победе. Я доложил, что мы имеем все возможности разгромить значительные силы противника, охваченного паникой, освободить обширные, жизненно важные территории, тем самым облегчить выполнение предстоящих задач в Намбо. Заодно мы смогли бы ввести противника в заблуждение относительно направления главного

удара. Я заверил Политбюро, что мы уложимся в установленный срок и выполним поставленную перед нами задачу.

С большой радостью мы узнали, что наши планы одобрены Политбюро и Военным комитетом при ЦК. В своей ответной радиограмме руководство не преминуло напомнить, что хотя дела у Тайнгуенской группы идут как нельзя лучше, но все же необходимо в соответствии с новым стратегическим замыслом подумать и о своевременном сосредоточении сил, быстрее их подготовке и переброске в Намбо для решающего удара в самое сердце врага.

Перед нами возникала масса сложных проблем, связанных с подготовкой боевых действий за овладение морским побережьем. В первую очередь необходимо было создать в Тайнгуене местные формирования — один полк и несколько батальонов на каждую провинцию, достаточно хорошо вооруженные, способные защитить свои только что освобожденные родные края после ухода частей и соединений регулярной армии. 25-й полк, усиленный подразделениями полевой и зенитной артиллерии, прикрывал дорогу № 21. 29-й полк оборонял Буонметхуот, там же формировался Дарлакский полк из местных жителей. В Контуме и Плейку дислоцировались подразделения Чыонгшонской группы, а оборона Фубона была доверена батальону народного ополчения.

В связи с новыми изменениями в обстановке 27 марта западнее дороги № 14 на новом командном пункте мы провели совещание с командованием Тайнгуенского фронта. Присутствующие были ознакомлены с решением Политбюро и Военного комитета при ЦК. Все встретили это сообщение с большим воодушевлением, выразили свое полное одобрение решения Политбюро и заверили ЦК партии в своей решимости неукоснительно претворять его в жизнь. Мы обсудили вопросы о том, как выполнить две наиболее важные задачи: во-первых, сосредоточить в одном районе войска, предназначенные для участия в операции, доукомплектовать их и уточнить организацию; во-вторых, перебросить из Тайнгуена в Намбо войска общей численностью свыше 50 тыс. человек и десятки тысяч тонн их имущества. Затем я огласил решение Главного командования о создании 3-го армейского корпуса, в который вошли 10, 320 и 316-я дивизии, разъяснил задачи, возлагаемые на новое объединение,

возглавляемое генерал-майором Ву Лангом (командующий корпусом) и старшим полковником Нгуен Хиепом (политкомиссар). 968-я дивизия и несколько отдельных полков передавались в состав 5-го военного округа. Бывшему заместителю командующего 5-м военным округом генералу Хоанг Минь Тхао, выполнявшему обязанности командующего войсками в Тайнгуенской операции, было дано указание вернуться в свою зону. В его подчинение переходили 968-я и 3-я дивизии, которым была поставлена задача сменить в боях за приморские провинции и город Камрань соединения и части Тайнгуенской группы, тем самым высвободив их для выполнения других задач. Мы организовали для Хоанг Минь Тхао небольшой штаб и снабдили его радиотехническими средствами, чтобы можно было поддерживать друг с другом непосредственную связь.

Грустно было расставаться с Хоанг Минь Тхао после совместно пережитых волнений и радостей в Тайнгуене. Обнявшись на прощание, мы пожелали друг другу крепкого здоровья, чтобы добыть окончательную победу над врагом.

Формирование 3-го армейского корпуса происходило в поворотный момент войны. Во многом примечательно, что это было сделано в ходе нашего развивающегося наступления. Впервые за всю войну наши силы росли и крепились непрерывно, с каждым боем, и не только в рамках одной операции, но и на протяжении осуществления всего стратегического замысла. До сих пор после каждого сезона боевых действий или после каждой крупной операции мы располагали временем для отдыха, для пополнения сил, анализа и обобщения уроков прошедших боев и всесторонней подготовки к последующим. Как правило, наше последующее наступление бывало мощнее предыдущих. Однако в пределах одной крупной операции или кампании наши силы не становились с каждым боем сильнее, как того хотелось. В 1971 году в контрнаступательной операции в районе дороги № 9, после сорока трех суток боев, мы не смогли продвинуться сразу к Кхесаню, несмотря на то что обстоятельства этому благоприятствовали. В 1972 году в весенне-летней кампании в районе Куангчи, Тхыатхиен нам удалось захватить город Куангчи, однако нашим войскам пришлось все же остановиться у реки Митянь. Совсем иное положение складывалось в 1975 году. Мы провели подряд

несколько крупных операций, а наши силы не только не убыли, но и заметно выросли и окрепли. Войска Тайнгуенской группы, начав операцию силами полков и дивизий, после неполного месяца боевых действий выросли в мощное мобильное объединение со всеми частями усиления и обслуживания. Наши вооруженные силы в Куангчи, Тхыатхиене, 5-м военном округе и Намбо также значительно окрепли не только в моральном и материально-техническом отношении, но и в искусстве организации и ведения боевых действий. Впервые в истории каждый батальон в Тайнгуене насчитывал более четырехсот солдат, наша дивизия по огневой мощи превосходила соответствующую дивизию противника.

Наставал момент освобождения Сайгона. Политбюро нашей партии, на научной основе проанализировав сложившееся положение и проявляя последовательную революционную решимость, активность и напористость, исключительную дальновидность и чувство нового, решило во что бы то ни стало воспользоваться этим удобным моментом для расширения и усиления генерального наступления. Таким образом, были своевременно разрешены животрепещущие проблемы, возникавшие в стремительно менявшейся обстановке. В подобных случаях всякие колебания, нерешительность и медлительность были бы серьезнейшей ошибкой.

28 марта начальник штаба сухопутных войск США генерал Уианд прибыл в Сайгон для разработки плана обороны оставшейся территории марионеточного государства. Прошло лишь два года с того дня, когда он на официальной церемонии спустил с флагштока и свернул государственный флаг Соединенных Штатов, затем с последней группой американских солдат покинул Южный Вьетнам. Теперь, снова приехав сюда, он увидел совсем иную картину: войска 1-го и 2-го корпусных районов сайгонского режима разгромлены и рассеяны, а территория от Камраня к северу полностью находилась в руках противника. Уианду ничего не оставалось, как посоветовать своим подопечным генералам в спешном порядке создать сильно укрепленную оборонительную линию на дальних подступах к Сайгону, в районе города Фанранг. Одновременно он запросил в Вашингтоне срочную дополнительную военную помощь марионеточному режиму. Президент США Дж. Форд отдал приказ установить между Бангкоком и

Сайгоном воздушный мост для переброски вооружения. Ежедневно на аэродром Таншоинят приземлялись огромные транспортные самолеты «С-5 Гэлакси», доставлявшие из Таиланда сотни артиллерийских орудий, множество боеприпасов и другой военной техники. В территориальных водах Вьетнама наготове стояли четыре крупнотоннажных транспорта и авианосец «Хэнкок» с пятнадцатью вертолетами большой грузоподъемности и 300 пехотинцами на борту.

В то время американцы и их ставленники считали, что после освобождения провинций, входящих в 1-й и 2-й корпусные районы, нам придется выделить для их обороны крупные военные силы, по крайней мере по полку на каждую провинцию. По их предположению, мы могли перебросить в восточную часть Намбо не более одного армейского корпуса, и не быстрее чем за два месяца. Предположение было не лишено оснований: подобная перегруппировка войск марионеточного режима при наличии авиации, транспортных судов и большого автомобильного парка занимала как минимум один месяц.

До последних своих минут враг оставался самонадеян, недооценивал наши возможности. Разумеется, наше всеобщее и непрерывное наступление по всему Южному Вьетнаму уже не было для него неожиданностью, но все же он оставался в совершенном неведении в отношении вероятного направления наших ударов, времени их нанесения, состава сил, привлекаемых к этим боевым действиям, тактики наших действий и стратегических целей проводимых операций. Враг не знал и о том, какие титанические усилия прилагает вся наша страна, чтобы одержать победу в этот переломный исторический момент.

Если в Тайнгуене противник был застигнут врасплох, в Хюэ и Дананге с ним случилось непредвиденное, то в Сайгоне-Задине его подстерегали еще большие неожиданности.

2 апреля начальник генерального штаба марионеточной армии Као Ван Вьен исступленно призвал своих солдат «до последней капли крови защищать оставшуюся территорию к югу от Фанранга». В тот же день в Фанранге был создан передовой командный пункт 3-го корпусного района во главе с генерал-лейтенантом Нгуен Винь Нги.

На совещании в генеральном штабе Донг Ван Кхюен сообщил присутствующим: «Господин Нгуен Ван Тхьеу лично приказал любой ценой закрепиться на территории к югу от Ниньтхуана, если даже для этого понадобится бросить туда все имеющиеся в нашем распоряжении силы». В Фанранг спешно прибывали подкрепления: воздушно-десантная бригада, боевая группа войск специального назначения, несколько артиллерийских и бронетанковых подразделений и частей. У побережья Фанранга патрулировала эскадра военных кораблей, готовая в любую минуту поддержать огнем своей артиллерии действия наземных войск. Бомбардировочная авиация противника также сосредоточила свои усилия на районе Фанранга. 3 апреля Нгуен Винь Нги собрал подчиненных ему генералов и офицеров частей ВВС, воздушно-десантных войск, войск специального назначения и Ниньтхуанского военного округа и изложил им план обороны города, подчеркнув при этом особое значение фанрангской оборонительной линии в прикрытии дальних подступов к Сайгону.

Войскам было приказано всеми силами удерживаться на оборонительных рубежах до начала сезона дождей, то есть до июня 1975 года. К этому времени дожди сковали бы нашу боевую активность, а противник смог бы оправиться: по его плану учебные центры должны 15 мая обеспечить выпуск достаточного контингента солдат для воссоздания нескольких разгромленных дивизий.

Генеральный штаб марионеточной армии планировал усилить мобилизацию, доукомплектовать разгромленные соединения и вместе с имеющимися в 3-м корпусном районе войсками сформировать четыре новые дивизии войск специального назначения. В ближайшее время предполагалось привлечь к участию в боевых действиях 101-ю и 106-ю дивизии. Ставилась также задача быстро укомплектовать восемь бронетанковых полков, сформировать три пехотные дивизии и одну дивизию морской пехоты. Предусматривалось также активизировать действия авиации и флота с целью блокировать захваченные нашими войсками порты, увеличить количество кораблей в районах к югу от Нячанга для оказания своевременной огневой поддержки гарнизонам в провинциях Ниньтхуан, Биньтхуан и Биньтуй. Командование марионеточной армии намеревалось также досрочно

произвести выпуск солдат и офицеров из учебных центров и попросить Вашингтон в неотложном порядке поставить Сайгону большое количество пушек, танков и бронетранспортеров...

С начала генерального наступления наши воины знали только победы. Особенно велико было их воодушевление после сокрушительного удара по Буонметхуоту и последующего разгрома отступавших в панике войск 1-го и 2-го корпусных районов. Поистине «мы валили врага, как рубят бамбук». Но было бы неправильно думать, что оставшиеся в 3-м и 4-м корпусных районах силы врага, особенно в Сайгоне — «мозговом центре» марионеточного режима, сами собой распадутся, развалятся. Было бы большой ошибкой полагать, что можно мимоходом, без тщательной подготовки и не создав превосходства в силах, разгромить противника.

Реакционнейший и безрассудно упорствующий противник в своем логове, на последнем рубеже обороны, сосредоточил крупнейшие силы. Поэтому битва за Сайгон-Задинь должна была быть решающей схваткой между революцией и контрреволюцией, между нашим народом и американским империализмом. Историческое значение этого решающего поединка не допускало как недооценки врага, так и головокружения от недавних успехов, не позволяло нам смотреть на противника просто как на толпу бегущих в панике солдат.

Мы попросили Политбюро и Военный комитет при ЦК направить на Юг еще одну-две усиленные дивизии, которые вместе с войсками 5-го военного округа должны составить наш резерв в предстоящей операции, разместившись вдоль дорог № 1 и 20. В нашем распоряжении еще имелись подкрепления, ранее присланные Главным командованием. Однако мы решили оставить их для удара по Сайгону, а не распределять между 5-м военным округом и районом Куангчи, Тхыатхиен, где мы могли обойтись силами местных формирований. Поскольку радиус действий авиации противника, базировавшейся на аэродроме Тханьшон (Фанранг), не превышал 400 км и, значит, Дананг и Контум находились вне пределов ее досягаемости, мы предложили смело использовать сухогрузные суда и самолеты для переброски войск и снаряжения в Дананг и Плейку.

Улучив несколько свободных часов, мы совершили поездку в Буонметхуот, Фубон и Буонхо, осмотрели оставленные противником оборонительные сооружения и пути продвижения наших войск в недавней операции. На земле Тайнгуена отгремели бои, положившие начало перелому в войне. Кругом стояла полная тишина. На разрушенных оборонительных сооружениях противника победно развевались наши знамена. Поездка помогла нам еще яснее представить себе врага, которого в ближайшие дни предстояло добить. Наши сердца наполнились чувством бесконечной гордости за мудрость, гибкость, решительность и оперативность, с которыми Политбюро нашей партии и Военный комитет при ЦК руководили боевыми действиями, за ту деловитость и творческий подход, которые проявили наши командиры при выполнении поставленных перед ними задач, и за ту значительную революционную отвагу, с которой шли в атаку наши бойцы.

Показания взятых в плен офицеров, а также захваченные военные документы противника в срочном порядке изучались нами в интересах подготовки и проведения новой операции.

В Буонметхуоте мы посетили тюрьму, в стенах которой находились многие наши революционеры, в том числе Нгуен Ти Тхань, Нгуен Тянь, То Хыу. Несмотря на истязания и пытки, наши товарищи сохранили оптимизм и веру в светлое будущее революции. В том же Буонметхуоте мы не без грусти вспомнили о многих боевых соратниках из когорты первых выпускников пехотных курсов, что двадцать пять лет назад пали здесь смертью храбрых, защищая город от нападения французских захватчиков.

Для встречи товарища Ле Дык Тхо, прибывавшего разъяснить решения Политбюро, мы первоначально выбрали Тилео, у дороги № 14, недалеко от Тхуанмана. Здесь были наспех возведены несколько домиков из бамбука. Ввиду того что с освобождением всей прибрежной полосы Чунгбо обстановка быстро менялась, мы попросили Политбюро разрешить перенести встречу в Намбо и известить об этом Ле Дык Тхо.

Как мы узнали позднее, Ле Дык Тхо вылетел в Донгхой 28 марта. Покидал он Ханой в самом приподнятом, праздничном настроении. В

первую же ночь в Куангбине он сочинил следующие стихи, которые посвятил товарищу Ле Зуану:

Ты сказал на прощанье:

«Иди, с победой вернешься».

От волнения не мог я и слова сказать,
Наказ твой — наказ Отчизны родной —
Я в сердце храню, тысячемильных дорог
Чыонгшона не страшась.

Сколько радостных вестей приходит с фронта!
Вся страна ликует и ждет новых побед.
Спеши, товарищ, путь предстоит дальний,
Нам успеть надо — час долгожданный настает...

31 марта Ле Дык Тхо, находившийся тогда в пути в горах Чыонгшона, и я получили одновременно телеграмму-молнию от товарища Ле Зуана. В ней говорилось: «Надо выиграть время для безотлагательных действий. Поэтому Туану необходимо срочно отправиться в Намбо для совещания с Бай Кыонгом (Фам Хунг). Туда же должен направиться товарищ Шау (Ле Дык Тхо). Бай Кыонгу и Ты Нгуену (Чан Ван Ча) отменить поездку в Тайнгуен». Указание об отмене совещания в Тайнгуене получили также товарищи Во Ти Конг и Тю Хюи Ман в 5-й зоне.

Как нам стало известно позднее, сразу же после освобождения Тайнгуена Во Ти Конг выехал из 5-го военного округа в Контум, но, в пути узнав о стремительных переменах в общей обстановке, о том, что в равнинных районах руководимой им зоны складывается благоприятная для революции ситуация, спешно повернул назад. Уже у себя, в 5-м округе, он получил радиogramму от товарища Ле Зуана. К счастью, товарищ Буй Шан, после совещания выехавший со мной из Буонметхуота в Контум, еще застал там Во Ти Конга и успел коротко переговорить с ним. Затем они снова расстались: каждого ждали неотложные дела. Вслед за этим Во Ти Конг встретился с Ле Дык Тхо, направлявшимся в Намбо, в местечке Бензанг, на западе провинции Куангнам. На этой встрече Ле Дык Тхо сообщил о решении Политбюро освободить Южный Вьетнам до начала сезона дождей. Товарищ Во Ти Конг и Нгуен Суан Хыу (Бай Хыу) от имени зонального комитета

партии и всей партийной организации 5-го военного округа заверили товарища Ле Дык Тхо, что коммунисты приложат все силы для освобождения оставшихся оккупированными провинций округа и сделают все, что потребуется, для победы в решающей битве за освобождение Сайгона-Задняя. Все отлично понимали, что в сложившейся обстановке нельзя терять ни минуты.

Новая обстановка, новые стратегические замыслы руководства вызвали в рядах нашей партии, в народе и вооруженных силах небывалый подъем патриотических чувств. Все были бесконечно воодушевлены, все были готовы без остатка посвятить общему делу свои силы и знания, выполнить во имя победы любое задание партии.

Лозунг «Все для фронта, все для победы» стал реальной действительностью на последнем этапе и в кульминационный момент войны Соппротивления американским агрессорам, за спасение Родины. Большой тыл — социалистический Север мобилизовал все материальные и людские ресурсы для большого фронта — Юга. Днем и ночью по дорогам страны безостановочным маршем двигались на Юг, в Намбо, подразделения и части наших вооруженных сил. В сердцах у всех воинов была вера в скорую победу, все горели одним желанием — быстрее, стремительнее вперед, на фронт.

11. СТРЕМИТЕЛЬНОСТЬ

Если сама по себе война — это ожесточенная борьба, в которой решается вопрос о существовании борющихся сторон, то в последнем, решающем сражении это противоборство достигает предельной остроты. В последней схватке напряжение сил, как правило, доходит до крайней черты. Это проявляется и в руководстве боевыми действиями, и непосредственно на полях сражений.

В первой половине дня 31 марта состоялось заседание Политбюро, на котором был заслушан доклад Военного комитета при ЦК о развитии нашего наступления в течение трех прошедших недель, и в особенности в последние дни. Политбюро единодушно констатировало: после боевых успехов в 9-м военном округе и освобождения провинции Фьюклогнг в Восточном Намбо разгром группировки противника в Тайнгуене фактически явился началом

всеобщего стратегического наступления, в короткий срок принесшего крупнейшие победы. За это время нам удалось вывести из строя более 35 процентов живой силы противника, причем впервые были полностью выведены из строя войска двух его корпусных районов. Враг потерял более 40 процентов современной боевой техники, более 40 процентов его военных баз и тыловых складов либо разрушено, либо захвачено. Мы освободили 12 провинций. Численность населения, проживающего в освобожденной зоне, достигла восьми миллионов человек.

Следует отметить важное явление, явно давшее о себе знать при освобождении Дананга, — тесную согласованность боевых действий армии с выступлениями местного населения, которое только и ждало случая восстать против ненавистного марионеточного режима. Это и обескуражило сразу врага, вызвало катастрофическое падение морального духа солдат и офицеров его армии. В результате Дананг, морской порт и крупнейший в Южном Вьетнаме военный комплекс, был освобожден удивительно быстро — за какие-нибудь 30 часов, причем наступающие (действовали они необыкновенно смело, дерзко) значительно уступали обороняющимся в численности.

Наши вооруженные силы значительно выросли и возмужали в боях. Обогатился боевой опыт нашей армии, возросло мастерство ее командиров в деле подготовки и ведения боевых действий. Если учесть масштабы одержанных побед, то потери в людях и в вооружении с нашей стороны были крайне незначительны, а расход боеприпасов — небольшим. Напротив, наши запасы военных средств значительно пополнились за счет огромного количества трофейного оружия и боеприпасов.

В общей обстановке обозначился резкий перелом, соотношение военных и политических сил явно изменилось в нашу пользу. Мы прочно завладели стратегической инициативой. Враг же очутился в положении обороняющегося, утратил всякую активность, бился в безвыходном стратегическом и тактическом тупике. В этом положении даже США были бессильны помочь своим марионеткам. Но и дополнительная военная поддержка не могла спасти продажный режим от неминуемой и близкой гибели.

Исходя из этого, Политбюро ЦК партии на своем заседании 31 марта сделало следующий вывод: «Революционная война в Южном Вьетнаме вступила в фазу, когда ее развитие приобретает скачкообразный характер. Назрели все условия для развертывания всеобщего наступления и всенародного восстания с целью разгрома последних пристанищ врага. С этой минуты начинается в стратегическом плане последнее сражение, в результате которого завершается национальная народно-демократическая революция в Южном Вьетнаме и открывается путь для мирного воссоединения нашей Родины.

На нынешнем этапе революция развивается такими бурными темпами, при которых один день равноценен двадцати годам. Поэтому Политбюро считает целесообразным ни в коем случае не упустить благоприятный исторический момент, без промедления, как можно быстрее, лучше всего в апреле, осуществить генеральное наступление и всеобщее восстание. Наши действия должны носить молниеносный, дерзкий и неожиданный характер и гарантировать победу.

Для обеспечения победы и достижения внезапности необходимо, не теряя времени, атаковать врага в тот самый момент, когда он находится в состоянии смятения или разлагается организационно. Надо сосредоточивать силы для своевременного нанесения удара по главным в данный момент и на данном направлении объектам.

В стратегическом плане следует придерживаться взятого курса и наращивать мощь «трех стратегических ударов», повсеместно сочетать вооруженные выступления с восстаниями населения, наносить врагу удары не только на фронте, но также в тылу. На каждом направлении и в каждый отдельный момент надо обеспечить себе подавляющее превосходство в силах, всячески создавать выгодную для нас обстановку и использовать ее, чтобы в нарастающем темпе достигать все больших успехов.

Надо срочно укрепить наши силы к западу от Сайгона, окружить город, изолировать его от западной части Намбо, а для этого необходимо окончательно перерезать дорогу № 4, одновременно сосредоточить войска на восточных подступах к Сайгону, овладеть важнейшими

опорными пунктами и блокировать город на направлении Бариа, Окап, держать в состоянии постоянной готовности крупные силы, включая части и подразделения, оснащенные тяжелой боевой техникой, чтобы в подходящий момент нанести удар по жизненно важным для врага объектам в центре Сайгона».

В сложившейся к тому времени обстановке бросались в глаза два обстоятельства, почти противоречащие друг другу. С одной стороны, время не терпело, нельзя было упустить редкостную историческую возможность, с другой — необходимо было всесторонне подготовить крупные силы для последнего решающего стратегического наступления, которое предстояло вести массированно, на обширной территории, применяя новые, оригинальные тактические приемы. Если первое обстоятельство требовало неотложных действий, то второе вызывало необходимость огромной по размаху и разнообразию осуществляемых мер подготовительной работы, которая заняла бы значительное время. Между тем марионеточная администрация и ее заокеанские покровители не сидели сложа руки. Они использовали малейшие возможности, чтобы приостановить наше наступление, заставить нас потратить больше времени на подготовку к последнему сражению за Сайгон-Задинь.

Политбюро ЦК партии решило сосредоточить все свое внимание на руководстве предстоящей операцией, отмобилизовать все людские и материальные ресурсы страны, чтобы обеспечить непременно победу в этом историческом сражении. Всем военным округам, местным властям и государственным органам во всей стране было дано указание рассматривать удовлетворение нужд фронта как первоочередную задачу. Все органы, находящиеся в непосредственном подчинении Главного командования нашей армии, круглосуточно были заняты подготовкой к предстоящему решающему сражению и разрешением проблем, связанных с организацией управления новыми освобожденными районами.

Вся наша партия, весь наш народ и наши вооруженные силы были полны решимости претворить в жизнь новый стратегический замысел Политбюро. С начала апреля 1975 года на всех путях сообщения нашей страны — шоссейных, речных, морских и воздушных — царило необычное оживление. Казалось, весь народ вышел в поход под

девизом: «Наступить стремительно и дерзко, застичь врага врасплох и победить». Неукротимый людской поток лился на юг. Туда же с севера днем и ночью мчались машины самых различных типов. Обгоняя время, минуя кордоны и заставы, они везли на фронт солдат и боевые грузы. Достигнув города Донгха, поток машин раздваивался: часть направлялась в сторону горного хребта Чыонгшон, по склонам которого, восточным и западным, были проложены стратегические дороги, а часть по дороге № 1 устремлялась прямо на юг, через Хюэ, Дананг, Куангнгай, Куинён, догоняя находившиеся на марше войска.

До начала сезона дождей осталось совсем мало времени. Нескончаемые потоки машин, поднимая за собой не оседающие облака бурой пыли, двигались на юг по дорогам Чыонгшона и, миновав Дыклап, Бузамап, Донгсоай, Локнинь, растекались по каучуковым рощам Заутиенга, по дебрям партизанской военной зоны «Д», вдоль рек Сайгон, Бэ, Вамкодонг.

Горцы Тайнгуена не могли налюбоваться на молодых, здоровых, красивых и веселых бойцов НВСО, на бесчисленные колонны самоходных орудий, ракетных установок, танков, бронетранспортеров, тягачей с зенитками, грузовиков с понтонами, что проносились, как на параде, перед их удивленным взором. Обманутые вражеской пропагандой, они раньше не могли и подозревать, что у «солдат Хо Ши Мина» так много военной техники, интересно отметить, что крупные ракеты ПВО были приняты ими за «самолеты со снятыми крыльями».

Сотни, тысячи машин круглосуточно мчались на юг. Движение было так интенсивно, что на некоторых участках от пыли невозможно было разглядеть дорогу. Водителям приходилось зажигать фары днем и давать непрерывные гудки. Густой слой пыли покрыл чащобы Тайнгуена, зеленые луга Бупранга и бамбуковые рощи Бузамапа, через которые проходила линия снабжения войск.

На одном из перевалов, где пересекаются восточно — и западночыонгшонская дороги, расположил свой командный пункт заместитель начальника Генерального штаба Фунг Тхе Тай. Отсюда он со своими помощниками — представителями инженерных и транспортных служб и военной милиции — следил за тем, чтобы все

проходящие воинские части точно соблюдали график движения, принимал меры для быстрой ликвидации пробок, давал разрешение на внеочередной проезд тем или иным подразделениям различных родов войск, той или иной колонне автомашин. Так несколько недель безотлучно провели Фунг Тхе Тай и его товарищи на своем боевом посту, над которым был повешен броский плакат с надписью-лозунгом: «Стремительность и еще раз стремительность, дерзость и еще раз дерзость!» Вся деятельность его маленького штаба преследовала одну цель — своевременно, до того, как в Тайнгуэне пойдут дожди, переправить через горы на фронт необходимые сотни тонн боевой техники, боеприпасов и продовольствия. За самоотверженность и решительность, за строгость и требовательность в работе водители, не знавшие в лицо Фунг Тхе Тая, в шутку прозвали его «господин Стремительный», «господин Быстрой Езжай». Среди водителей ходило четверостишие:

Если Стремительного встретишь невзначай,
На всех наших орущего: «Езжай!» —
Газку тогда, друг, прибавь, не зевай,
А то бога вспомнишь не раз, так и знай!

В это время на дорогах помимо военных машин, наших и трофейных, можно было увидеть и гражданские автобусы, и грузовики из Северного Вьетнама, и даже частные автомобили из недавно освобожденных городов и провинций.

Чтобы своевременно обеспечить победу в последнем сражении, 5-й военный округ организовал специальную автоколонну с трофейным оружием и с тем нашим вооружением, что осталось не использованным при освобождении Дананга и других южных провинций округа. Эта автоколонна, руководство которой было доверено заместителю командующего 5-м военным округом генерал-майору Во Тхы, направлялась из приморского равнинного района сначала в Тайнгуэн, а затем поворачивала на юг, в Восточное Намбо.

В те дни было особенно оживленно на аэродромах Залам, Виньфу, Донгхой, Фубай, Дананг и Контум. С их бетонных полос взлетали вертолеты всех типов, от самых тяжелых до самых легких, транспортные самолеты и даже пассажирские лайнеры специального

назначения. Они везли на юг не только людей и вооружение, но и печатные издания, киноленты, изобразительную продукцию, ноты и т. д. Один самолет завез к нам несколько тонн карт района Сайгон-Задинь, только что напечатанных в типографии Генерального штаба в Ханое.

Работа кипела на вокзалах и пристанях рек Красной, Зань, Ма, Хан, в портах Хайфон, Кыахой, Тхуанан, Дананг... Круглосуточно шла погрузка войск и снаряжения на корабли ВМФ и на суда министерства путей сообщения и транспорта. Протяженность морских путей с каждым днем увеличивалась: наши корабли пришвартовывались уже в освобожденном Куинёне и Камране.

Только при наличии таких путей и средств доставки было возможно выполнение небывалой в истории нашей революции задачи по переброске больших контингентов войск, огромного количества техники и снаряжения в такой короткий срок.

Все, что было нами сбережено за долгие годы ценой лишений и жертв, все, что с таким упорством и терпением было накоплено нашим народом, — все это теперь вылилось в мощный поток, сметающий на своем пути последние бастионы неокOLONиализма на нашей земле. Подобно легендарному богатырю Фу Донгу, вьетнамский народ в 1975 году встал и, расправив свои могучие плечи, вскочил на быстроногого железного коня. А сев на коня, тотчас же помчался вперед стремительным, дух захватывающим галопом, ибо прекрасно сознавал, что каждая минута дорога, что время для него — это сила.

В этот период Генеральный штаб не только выполнял сложную задачу по координации действий наших войск на фронтах, но и следил за тем, чтобы из разбросанных по всей стране складов своевременно отгружались боеприпасы для частей и соединений, привлеченных к предстоящему сражению за Сайгон. В то время на фронте было довольно трудно со снарядами для пушек, безоткатных орудий, минометов и зенитных установок. Особенно остро чувствовался недостаток боеприпасов в 1-м армейском корпусе и 232-й группе войск{6}, в которую наряду с войсками 8-го военного округа вошли ранее действовавшие самостоятельно южновьетнамские дивизии и

полки. Эту группу возглавляли генерал-лейтенант Ле Дык Ань (командир) и генерал-майор Ле Ван Тьонг (Ле Тян, политкомиссар).

Наши инженерные войска при участии населения быстро отремонтировали и расширили участки дорог в районах Донгсоая, Кайгао и Бенбау, восстановили разрушенный мост Нябик, починили искусственно сооруженные броды в Мада и Бенбау, подготовили пути маневра для нашей артиллерии до самого Сайгона и для вторжения механизированных частей в центр города.

Приказ о молниеносной переброске на юг для выполнения боевых заданий пришел в 1-й армейский корпус 25 марта, когда он занимался ремонтом дамб в провинции Ниньбинь. Без промедления выступив в поход, этот корпус, во главе которого стояли генерал-майор Нгуен Хоа (командир) и генерал-майор Хоанг Минь Тхи (политкомиссар), уже в середине апреля прибыл в Намбо, преодолев в общей сложности 1700 км по дорогам № 12, 15 и 14 (через Буонметхуот и Плейку).

2-й армейский корпус (командир — генерал-майор Нгуен Хыу Ан, политкомиссар — Ле Линь) после освобождения Дананга без задержки двинулся вдоль морского побережья в Восточное Намбо. По директиве Главного командования он должен был за 18 суток совершить 900-километровый марш и своевременно занять исходные позиции для наступления в районе Бьенхоа, Бариа. По пути следования войскам корпуса приходилось вступать в бой с противником близ городов Фанранг и Фантхиет и форсировать целый ряд рек, мосты через которые были разрушены противником. Только на участке Дананг, Куангнгай враг успел взорвать 6 мостов. Все это значительно усложняло задачу корпуса, совершавшего марш на двух тысячах автомашин. Надо сказать, что, располагая в 1962 году значительно меньшим автопарком (400 машин), 308-я дивизия в ходе учений с трудом справилась с пробками на дорогах.

Чтобы выполнить директиву руководства, командование 2-го армейского корпуса организовало передвижение войск поэшелонно: в авангарде шли подразделения саперных войск, в задачу которых входил ремонт поврежденных мостов и участков дорог, за ними следовали танковые части, выполнявшие задачу подавления сопротивления противника, предпринимающего попытки помешать

движению корпуса, и, наконец, замыкали колонну пехотные и артиллерийские части. Прикрытие каждого эшелона от нападения с воздуха осуществляли подразделения и части зенитной артиллерии. Запас продовольствия для войск 2-го корпуса был рассчитан на месяц, а боеприпасов должно было хватить на то, чтобы сразу же после прибытия на исходные позиции вступить в бой.

Помимо 2-го армейского корпуса по побережью Чунгбо на юг продвигались также другие части и соединения. Вместе они составляли «приморскую группу войск», во главе которой стояли генерал-лейтенанты Ле Чонг Тан и Ле Куанг Хоа. Впереди колонны двигалась группа офицеров — представителей Главного командования, которые с помощью местных работников собирали сведения о районах предстоящих боевых действий, решали вопросы, связанные с материальным обеспечением войск.

На всем пути следования «приморскую группу войск» с восторгом встречали жители близлежащих населенных пунктов. Старики, женщины, дети выносили солдатам кокосовые орехи, сахарный тростник, предлагали выпить чашку чая. Но наши бойцы нигде не могли остановиться хотя бы на минуту, чтобы поговорить с народом. В ответ на восторженные приветствия они лишь улыбались и махали руками. И никто не оставался в обиде: на шлемах солдат, на бортах их машин можно было прочесть один и тот же лозунг:
«Стремительность, дерзость!»

13 апреля части и соединения 2-го армейского корпуса подошли вплотную к Фанрангу, где враг намеревался держаться до последнего.

14 апреля 3-я пехотная дивизия 5-го военного округа совместно с 25-м полком, прибывшим из Тайнгуена, перешла в наступление на Фанранг в полосе обороны войск 3-го корпусного района противника. После двухдневных ожесточенных боев нашим войскам удалось продвинуться лишь к предместьям города. Враг укрылся в сильно укрепленных опорных пунктах и при массированной поддержке авиации яростно сопротивлялся. В создавшейся обстановке Ле Чонг Тан и Ле Куанг Хоа решили ввести в бой часть сил 2-го корпуса. К тому времени для усиления руководства «приморской группой войск» из тыла прибыл заместитель ректора военной академии генерал-майор

Нам Лонг с группой штабных офицеров, офицеров политуправления и службы тыла.

На рассвете 16 апреля после артиллерийской подготовки часть сил 325-й дивизии 2-го армейского корпуса при поддержке танков во взаимодействии с 3-й дивизией и 25-м полком с трех направлений атаковали Фанранг и аэродром Тханынон. Не выдержав мощного артиллерийского огня и дерзкой атаки пехоты и танков, враг обратился в паническое бегство.

В результате Фанрангской операции наши войска разгромили передовой командный пункт 3-го корпусного района и штаб 6-й авиационной дивизии, взяв в плен генерал-лейтенанта Нгуен Винь Нги и бригадного генерала Фам Нгок Шанга. Разгромлены были также штаб 2-й пехотной дивизии, 2-я воздушно-десантная бригада, 31-я боевая группа войск специального назначения, один из полков вновь сформированной 2-й дивизии. В плен сдалось большое количество старших офицеров марионеточной армии. Наши войска захватили около 40 полностью исправных самолетов противника.

Движение войск нашего 2-го армейского корпуса на юг по дороге № 1 не осталось незамеченным. Пытаясь преградить нам путь, враг стал бомбить колонны наших войск с воздуха и обстреливать их с моря. Была предпринята попытка высадить группу диверсантов в тылу войск 2-го корпуса в уезде Туйфонг, севернее Фантхиета. Однако эта попытка не увенчалась успехом: наши пехотинцы за два часа выловили всю диверсионную группу, насчитывавшую до роты. Тем временем наши артиллеристы и зенитчики, развернувшись в боевой порядок прямо у дороги, успешно отражали удары самолетов и военных кораблей противника. Развивая успех предыдущих боев, 2-й армейский корпус вместе с войсками 6-го военного округа с ходу овладел Фантхиетом, а затем освободил Хамтан.

2 апреля 1975 года после полудня мы выехали из Тайнгуена в Восточное Намбо. Перед этим я побывал в 316-й дивизии и провел совещание с ее командованием. Командир дивизии Герой вооруженных сил старший полковник Дам Ван Нгуй в тот день находился в частях дивизии. Политкомиссар дивизии полковник Ха Куок Тоан и заместитель командира дивизии полковник Хай Банг

доложили о полной готовности дивизии к выполнению новых заданий в Намбо. Из соединений Тайнгуенской группы войск эта дивизия отправлялась туда первой. Вместе с ней собиралась в дорогу немногочисленная группа ответственных офицеров штаба 3-го армейского корпуса. Выслушав доклад товарищей из командования дивизии, побеседовав с ее бойцами и осмотрев их вооружение, я остался очень доволен: дивизия заметно окрепла и набралась новых сил. Я распорядился срочно закончить последние приготовления к походу. В этой дивизии перед Тайнгуенской операцией отдельные товарищи высказывали сомнение в способности их соединения овладеть крупным городом в непривычных условиях местности; к тому же вести бой во взаимодействии со многими современными родами войск дивизии приходилось впервые. Но действительность показала, что дивизия хорошо справилась с задачей. В жестоких боях она быстро окрепла, и сегодня, перед отправкой в Намбо, располагала всеми необходимыми видами вооружения, ее личный состав был настроен по-боевому, был полон решимости бить врага и уверен в окончательной победе.

316-я дивизия должна была выступить из Буонметхуота и по дороге № 14 прибыть в район, прилетающий к Сайгону с северо-запада. Вслед за 316-й двинулась 320-я дивизия под командованием старшего полковника Ким Туана (командир дивизии) и полковника Буй Хюи Бонга (политкомиссар). Эта дивизия после освобождения города Туйхоа и всей провинции Фуйен получила приказ вернуться в Тайнгуен по дороге № 7 и оттуда по дороге № 14 направиться в Восточное Намбо.

Что касается 10-й дивизии (командир — старший полковник Хо Дэ, политкомиссар — старший полковник Ле Нгок Тяу), то ее путь в Намбо был весьма труден. Очистив от врага перевалы Фьонгхоанг и М'Драк и приняв участие в освобождении Нячанга и Камраня, дивизия двинулась на северо-западные предместья Сайгона сначала по провинциальной дороге № 2, а потом по дороге № 20.

Состояние дорог было неважное, приходилось посылать вперед отряды саперов для ремонта многих непроходимых участков и для наведения временных мостов. Тем временем враг обнаружил движение дивизии и попытался помешать этому бомбардировками с

воздуха и обстрелом с моря. Бойцам дивизии приходилось с боем расчищать себе путь.

Товарищ Динь Дык Тхиен в то время был круглосуточно занят организацией снабжения войск 3-го армейского корпуса и в особенности подготовкой тыла к предстоящему решающему сражению. В широком черном национальном костюме, какие носят мужчины в Южном Вьетнаме, его можно было застать то на армейских складах, то в воинских частях. Однажды начальник интендантской службы увидел на опушке леса близ Дыклапа двух неряшливо одетых водителей, занятых ремонтом автомашины.

Подойдя ближе, он спросил:

— Эй, ребята, из какой вы части? И почему одеты так неряшливо? Разве подобает победителям ходить в таком виде?

И услышал ответ:

— Разрешите доложить, господин начальник, мы — военнопленные.

К тому времени в наших войсках стали использовать бывших водителей — военнослужащих марионеточной армии для эксплуатации и ремонта трофейных машин. Наши бойцы в свою очередь на ходу изучали современное американское вооружение и разного рода боевую технику, учились обращаться с ними.

В наших походных колоннах появились плавающие бронемшины М-113, танки М-48 и М-41, 105– и 155-миллиметровые орудия, рации тактического назначения PRC-25 американского производства. Военные летчики учились летать на трофейных американских истребителях-бомбардировщиках А-37 и F-5. Наши возможности использовать военную технику врага против него самого никогда не были так велики, как в этот период. Это обстоятельство не только в громадной степени увеличивало наше преимущество перед противником в огневой мощи, но и позволяло с каждым днем наращивать темпы наступления.

После победы в Тайнгуене маршруты для поездки в Восточное Намбо сильно изменились. Можно было ехать по дороге № 14 через

Буонметхуот, Дыклап, Бупранг, Бузамап вплоть до Локниня. Участок между Бупрангом и Бузамапом, получивший название дороги № 14А, был в довольно хорошем состоянии, по нему можно было проехать на любой машине. После освобождения города Зангя и всей провинции Куангдык автомашины могли отправляться из Донлуана и добираться до Тёнтханя, через который проходит дорога № 13. Путь из Буонметхуота в Локнинь можно было проделать на легкой машине всего за день.

В первые годы антиамериканской войны было очень опасно двигаться через эти районы. Наши бойцы ежедневно, ежечасно могли попасть под артиллерийский обстрел противника, под бомбы, сбрасываемые с самолетов В-52, ведущих бомбежку по площадям, или подорваться на минах различных типов, установленных диверсантами. Кроме того, в здешних местах почти невозможно было достать питьевую воду, а малярийные комары летали тучами, поражая людей смертельно опасной тропической лихорадкой. Вдоль дорог, по которым мы проезжали, по обеим сторонам тянулись густые вереницы бомбовых воронок; то тут, то там на разрушенных вражеских укреплениях лежали искореженные остовы машин, разбитые пушки с искривленными стволами, кучи ржавой колючей проволоки. В памяти всплывали воспоминания о жарких схватках 1965, 1968 и 1970 годов, в ходе которых наша армия одну за другой срывала операции американских войск и войск стран-сателлитов по «поиску и уничтожению» и «переходу через границу».

На залитых солнечным светом холмах и опушках лесов можно было увидеть высокие бугорки, покрытые зеленой травой, — под ними спят вечным сном наши товарищи по оружию. Сколько их, кадровых офицеров и бойцов нашей армии, пало здесь, в этом далеком и суровом краю, чтобы сегодня наши дивизии могли ехать по широкой, очищенной от дотов и постов противника дороге прямо в Намбо, на последнюю решающую битву! Подвиги и высокий моральный дух павших товарищей — яркий пример для всех нас, и в предстоящей битве мы обещали быть достойными их светлой памяти.

Мы ехали среди зеленеющих под ярким весенним солнцем сочных лугов, среди покрывшихся молодой листвой плантаций гевеи, протянувшихся на десятки километров.

С ветвей старых деревьев свисали пышные гроздья цветов орхидеи.

Плانتации гевеи — прекрасное место для привала. Танки, тягачи, грузовики надежно укрывались под густыми кронами деревьев, а их стволы служили удобными опорами для походных гамаков — в них наши бойцы отдыхали после утомительного ночного перехода. На берегах протекающих в лесу ручейков располагались походные кухни с бездымными печами — изобретение повара Хоанг Кама.

Для разрежения потока автомашин и контроля за маскировкой военной техники на дорогах были расставлены диспетчерские и контрольно-пропускные пункты. Они же оповещали о воздушных налетах противника. На развилках и перекрестках дорог Восточного Намбо в те дни можно было видеть целый лес указателей всевозможных форм, размеров, почерков и расцветок, принадлежавших самым различным воинским частям и учреждениям. Посторонний вряд ли смог бы определить, кому предназначались эти указатели и что конкретно они означали.

При виде многочисленной боевой техники, движущейся в Намбо и укрытой вдоль дороги под густой листвой, я невольно вспомнил наши вылазки в оккупированные районы дельты реки Красной в годы антифранцузского Сопротивления. Тогда вместе с бойцами «Равнинной дивизии», в коричневых крестьянских рубашках и остроконечных шляпах из пальмовых листьев, опираясь на палку и цепляясь пальцами ног за малейшие выступы в скользкой грязи, я двигался в веренице солдат, змеившейся по межам рисовых полей и проселкам провинций Ханам и Ниньбинь. Вспомнилось, как мы, бывало, плавали на бамбуковых сампанах по залитым водой рисовым полям Тхайбиня и Намдиня мимо деревень, в которых хозяйничали полицаи — предатели Родины. До сих пор отчетливо помню мерцающий свет осветительных ракет, плеск воли безбрежного моря рисовых полей и неожиданные пулеметные очереди, наугад пущенные вражеским дозорным в невидимого врага. С рассветом мы прятали сампаны под водой и маленькими группами расходились по деревням и хуторам, где, как нам было заранее известно, население поддерживало движение Сопротивления. Там женщины готовили нам еду, а партизаны выставляли дозоры, охраняя наш покой до вечера, когда мы снова отправлялись в путь.

Тридцать лет наш народ был участником и свидетелем небывалого похода своих сыновей и дочерей за свободу и независимость Родины. Ни на один день не прекращался этот поход с Севера на Юг и с Юга на Север, наши воины устремлялись во все уголки страны, туда, где был враг, туда, где они были нужны Родине-матери. Теперь, весной 1975 года, в бесконечном потоке военных автомашин, державших путь на Сайгонский фронт, в деревнях, на вокзалах и пристанях и в боевых окопах Юга невозможно различить южан и северян. Везде и повсюду только граждане Вьетнама, рвущиеся в последний бой с американским империализмом и его прислужниками за независимость, свободу и единство Отечества. Вся страна находилась на необыкновенно стремительном марше, вся страна шла в атаку.

Весна в природе и весна в жизни нации соединились в эти исторические апрельские дни 1975 года.

12. ПОДГОТОВКА К ОПЕРАЦИИ «ХО ШИ МИН»

В полдень 3 апреля в 50 километрах севернее Бузамапа нас встретил заместитель начальника управления тыла Намбо полковник Май Ван Фук (Ты Фук). Мы стояли на вершине горы, поросшей редкими соснами, на земле, еще хранившей следы ожесточенных боев 1970 года, когда американские войска совершали пресловутый «переход через границу»{7}. Крепко пожимая друг другу руки, мы от волнения долго не могли сказать ни слова, и лишь глаза наши светились радостью. И эту радость можно было легко понять. Ведь в первый раз мы ступили на землю далекого героического Намбо, неприступной «бронзовой цитадели» Отечества, на ту землю, любовь к которой президент Хо Ши Мин всегда хранил в своем сердце и ради освобождения которой призывал партию, армию и народ пожертвовать всем. С вершины открывалась величественная панорама природы Намбо. Низкий поклон вам, горы, поля и реки многострадального Юга, который вступил в бой за Родину первым и приходит к победному финишу последним! Низкий поклон вам, соотечественники и бойцы, за то, что десятки лет без колебаний противостояли самым жестоким и могущественным захватчикам,

показывая немеркнущий пример несгибаемости, оптимизма и непрерывного революционного наступления!

Нам предложили отдохнуть на одной из баз снабжения войск Намбо. Неширокая дорожка, так хорошо замаскированная, что на ней не видно было следов автомашин, привела нас на поляну, где в тени деревьев стояло несколько добротных построенных деревянных домиков. Вокруг домов зеленели аккуратно возделанные грядки овощей, пестрели цветы на клумбах, и тут же поблизости паслось стадо домашнего скота. От домов убежали глубокие траншеи, тут и там разбросаны бомбоубежища и расставлены караулы. Все было скромно, неброско, но все говорило о том, что люди решили обосноваться на этой земле надолго, вопреки всем лишениям и опасностям, и надеялись главным образом только на свои собственные силы. И это было характерным для всех организаций и воинских частей Восточного Намбо, одного из партизанских районов Южного Вьетнама, вынесших наиболее тяжелые испытания.

Вечером мы поехали в ставку командования вооруженных сил Намбо. Дорога шла через каучуковые рощи, местами выжженные бомбами, между плантациями черного перца, хлебного дерева и недавно посаженных кокосовых пальм.

Наконец перед нашим взором предстал город Локнинь. Хотя кое-где еще остались следы разрушений, но за три года со дня освобождения город и его окраины заметно изменились: дороги стали шире, по сторонам выстроились ряды новых домов под соломенными кровлями, за ними на рисовых полях и на плантациях маниоки зеленели всходы, в каучуковой роще рабочие окучивали деревья, выпалывали сорную траву и собирали латекс. Освобожденный в 1972 году город Локнинь вместе с провинцией Фьюклонг представляет собой обширный и удобный плацдарм для предстоящего наступления на Сайгон.

По улицам города навстречу нам двигались колонны автомашин с улыбающимися солдатами, направлявшимися на передовую. На перекрестках, у контрольно-пропускных пунктов дежурили партизаны, строго проверяющие все машины, следовавшие в освобожденные районы. Я сердечно приветствовал этих мужественных парней и

девушек, издавна снискавших себе высокое признание своими славными подвигами в ожесточенных сражениях с врагом.

Пейзаж Локниня — широкие ясные поляны, рощи каучуконосной гевеи, сады плодовых деревьев, красноземные холмы — напомнил мне отрывок из поэмы «Дали Родины» То Хыу:

О мой Биньлонг, мое Намбо!
Вот и встретился я с вами.
В руке держу комок краснозема
И чувствую: сердце сжимается, как от глотка
крепчайшего вина.
Милый солдат Освобождения!
Обнимая тебя, вижу, как, овеянный славой,
Дойдешь ты до самого мыса Камау.

К вечеру 3 апреля мы прибыли в ставку командования вооруженных сил Намбо, расположенную западнее Локниня. Ехавший с нами Динь Дык Тхиен сразу же отправился в управление тыла.

Большинство членов Южновьетнамского бюро ЦК партии были уже на месте. Узнав, что секретарь бюро товарищ Фам Хунг живет в соседнем домике, за грядой деревьев, я сразу отправился к нему. Подойдя к дому, я увидел, что он, в рубахе нараспашку, сидел за столом при затемненном свете лампы и обмахивался веером из парашютной ткани. Увидев меня, он встал и, приветливо улыбаясь, шагнул навстречу: «Мы с нетерпением ждали тебя!» Мы крепко пожали друг другу руку и обнялись. Трудно описать, какую огромную радость я испытывал, когда рассказывал Фам Хунгу о наших крупных, стремительных победах, благодаря которым я и приехал сюда, в Намбо, раньше срока, намеченного в Ханое. Я выразил уверенность, что Сайгон будет освобожден в точном соответствии с планом Политбюро. Затем я кратко рассказал о наших военных успехах в Тайнгуене, в прибрежной равнинной полосе Чунгбо, о передислокации наших регулярных войск на Юг. В конце беседы мы договорились о плане работы в последующие дни, до прибытия товарища Ле Дык Тхо.

Командование уже заблаговременно подготовило помещения для работы и размещения нашей группы «А-75». Срочно были возведены

деревянные дома с кровлями из пальмовых листьев, дополнительно вырыты бомбоубежища и поставлены палатки из брезента для товарищей, которые должны были прибыть позже. С наступлением темноты в лесу становилось все оживленнее. В ночной тишине отчетливо слышались мерный шум дизельной электростанции, урчание моторов прибывающих и отъезжающих машин, звуки музыки из транзисторных приемников. Такой запомнилась мне первая ночь на земле Восточного Намбо.

Ночью вернулся генерал-полковник Чан Ван Ча из инспекционной поездки в 4-й армейский корпус, готовившийся к наступлению на Суанлок. На рассвете он уже был у меня. С огромным энтузиазмом мы поделились друг с другом своими впечатлениями о положении на фронтах. В заключение мы обменялись мнениями относительно организации совместной работы группы «А-75» и штаба вооруженных сил Намбо. Утром 4 апреля была установлена связь с Ханоем. В этом большая заслуга принадлежала батальону войск связи, недавно прибывшему из Тайнгуена и работавшему при содействии местных связистов. Созданный в начале 1975 года этот батальон получил задачу отправиться в Тайнгуен. Там на протяжении всей операции он обеспечивал бесперебойную связь между нашим Представительством и Ханоем. Блестяще выполнив поставленную задачу, батальон был переброшен в Намбо, где вместе с местными подразделениями связи должен был обеспечить надежную связь в последнем, решающем сражении. Надо сказать, что связистам приходилось нелегко. Нельзя было не проникнуться к ним уважением, когда видел, как сам заместитель командующего войсками связи полковник Хоанг Нием круглые сутки занимался то настройкой аппаратуры, то обучением новых бойцов.

Во избежание лишних жертв при вражеских воздушных налетах все органы, непосредственно подчиненные командованию вооруженных сил Намбо, были рассредоточены на большой территории. Сообщение между ними осуществлялось с помощью мопедов, на которых нас доставляли в соответствующие учреждения специально выделенные водители. С этим транспортным средством мы познакомились еще в Тайцгуене, куда на помощь нам командование Б-2 (так назывался район Намбо и 6-го военного округа) направило

специальный отряд мопедистов. Теперь этот отряд возвратился в Восточное Намбо. Помню, как эти мопедисты сопровождали нашу группу во время переезда из Тайнгуена. В клетчатых шарфах и с автоматами за плечами, они то на большой скорости обгоняли нас, чтобы обменяться информацией с водителями идущих впереди машин, то возвращались назад, чтобы помочь отставшим. По ночам, когда работала радиосвязь, на мопедах по ухабистым и извилистым лесным тропам на походные радиостанции доставлялись тексты радиোগрам. При этом мопедистам приходилось преодолевать значительные расстояния, так как эти станции всегда находились на большом удалении от места расположения штаба, чтобы авиация и разведка противника не могли засечь нас с помощью своих радиотехнических средств.

Члены Южновьетнамского бюро ЦК партии и Военного комитета при нем, долгие годы проработавшие в Намбо и досконально знавшие здешнюю обстановку, помогли нам быстро разобраться в положении на различных фронтах Намбо, и в частности в районе Сайгона-Задия. В течение нескольких дней мы заслушали доклады офицеров штаба вооруженных сил Намбо и 7 апреля провели совещание с членами Южновьетнамского бюро ЦК партии и Военного комитета при нем. На этом совещании присутствовали товарищи Фам Хунг, Нгуен Ван Линь (Мыой Кук), Чан Нам Чунг, Чан Ван Ча, Фан Ван Данг (Хай Ван), Во Ван Киет (Шау Зан), Нгуен Ван Со (Хай Со), а также заместитель командующего и начальник штаба вооруженных сил Намбо генерал-лейтенант Ле Дык Ань, заместитель политкомиссара генерал-майор Ле Ван Тьонг (Хай Ле), заместитель командующего генерал-майор Донг Ван Конг, генерал-майор Ле Нгок Хиен, старший полковник Лыонг Ван Нью и ряд других офицеров штаба, политуправления и управления тыла. Генерал-лейтенант Динь Дык Тхиен также присутствовал на совещании.

Секретарь Южновьетнамского бюро Фам Хунг, так же как все его товарищи, был прост в обращении, полон кипучей энергии, оптимизма, несокрушимой воли к победе. В комнате, где происходило совещание, царил атмосфера непринужденности, то и дело слышался смех. Мы тщательно проанализировали положение в Намбо, особенно в Сайгоне, после поражений противника в 1-м и 2-м

корпусных районах. Участники совещания изучили решение Политбюро и Военного комитета при ЦК партии, обсудили меры по активизации наших военных и политических выступлений, чтобы добиться новых побед, подготовить необходимые предпосылки для освобождения Сайгона и всей дельты реки Меконг в ходе генерального наступления армии и восстания масс.

Когда речь зашла о снабжении наших войск, товарищ Фам Хунг поинтересовался, как идет поставка боеприпасов. Динь Дык Тхиен сразу привел данные об уже полученных или отгруженных партиях боеприпасов и в заключение сказал:

— Доложу я вам, товарищи: боеприпасов у нас столько, сколько нужно, чтобы дать врагу острастку на всю жизнь.

В последующие дни всякий раз, давая то или иное указание, Фам Хунг любил повторять слова Динь Дык Тхиена: надо дать врагу острастку на всю жизнь. И эти слова неизменно вызывали взрывы веселого смеха у присутствующих.

Южновьетнамское бюро партии и Военный комитет при нем собрались в момент, когда по всему Югу происходили бурные, вдохновляющие перемены. Каждый день приносил новые известия о боевых успехах в провинциях и уездах 9-го и 8-го военных округов. Из Чавиня сообщили, что в провинции создано пять батальонов местных формирований вместо существовавших двух. В провинции Ратоза только одна община направила около 200 добровольцев в батальон местного формирования, а каждая община имела по роте партизан. Местные формирования 9-го военного округа захватили укрепленные пункты противника в Кайвон, Тегао, быстро расширилась освобожденная зона в провинции Лонган.

Вечером 7 апреля, во время нашего совещания, во двор въехал худощавый мужчина в голубой рубашке и брюках цвета хаки. На голове у него был армейский пробковый шлем, а через плечо перекинут большой черный кожаный планшет. Узнав в прибывшем товарища Ле Дык Тхо, все радостно зашумели, поднялись со своих мест и поспешили ему навстречу. Веселые и довольные, мы обнялись и расцеловались с Ле Дык Тхо. За 30 лет войны Соппротивления,

сначала против французских колонизаторов, а затем против американских агрессоров, Ле Дык Тхо уже дважды был на Юге. Нынешняя его поездка была третьей. Раньше ему порой приходилось идти пешком через дремучие леса, питаясь лепешками из вареного риса, а то и одними сухарями. На этот раз он сначала летел самолетом, потом ехал на автомашине и конец пути преодолел на мопеде. Усевшись, он стал увлеченно рассказывать о делах в стране, о зарубежных откликах на наши победы, об обстановке в нашем тылу — социалистическом Севере Вьетнама, о своей поездке сюда. Он сказал, что перед отъездом получил от Политбюро и президента Тон Дык Тханга строгий наказ: «Возвращайтесь только с победой!»

8 апреля на объединенном заседании Южновьетнамского бюро ЦК партии, Военного комитета при бюро и командования Б-2 в присутствии представителей Главного командования товарищ Ле Дык Тхо сделал сообщение о постановлении Политбюро от 25 марта. Он сообщил нам о тех выводах, к которым пришло Политбюро в результате всестороннего изучения расстановки сил на фронтах, анализа замыслов американско-марионеточной клики после недавних поражений, и обосновал неизбежность полного крушения продажного режима. В конце своей речи товарищ Ле Дык Тхо подробно остановился на решимости Политбюро осуществить стратегический план освобождения Южного Вьетнама и подчеркнул руководящие принципы, которым необходимо следовать для реализации этого плана. Затем товарищ Ле Дык Тхо огласил постановление Политбюро о составе командования в операции по освобождению Сайгона-Задия. В него вошли товарищи Ван Тиен Зунг (командующий), Фам Хунг (политкомиссар), Чан Ван Ча и Ле Дык Ань (заместители командующего). Ле Дык Ань одновременно возглавлял войска юго-западного направления, или 232-ю группу войск. Товарищ Ле Чонг Тан, командовавший войсками восточного направления, также был назначен заместителем командующего. Динь Дык Тхиен стал заместителем командующего по тылу. В его обязанности входило также оказание необходимой помощи управлению тыла вооруженных сил Намбо, возглавляемому генерал-майором Буй Фунгом. Генерал-лейтенант Ле Куанг Хоа, занимавший пост секретаря парткома войск восточного направления, был переведен на должность заместителя политкомиссара и начальника политотдела командования войсками в

предстоящей операции по совместительству. Товарищ Ле Нгок Хиен исполнял обязанности начальника штаба, непосредственно возглавлял оперативный отдел.

В своей деятельности командование войск Сайгонской операции использовало существовавшие штабные, политические и тыловые органы вооруженных сил Юга. В состав этих органов вошли приехавшие с группой «А-75» из Тайнгуена и направленные Генеральным штабом командующий артиллерией генерал-майор Зуан Туэ, командующий войсками специального назначения старший полковник Нгуен Ти Дьем, заместитель начальника управления разведки старший полковник Ле Куанг Ву, заместитель начальника управления боевой подготовки полковник Чыонг Динь Мау, заместитель командующего бронетанковыми войсками полковник Ле Суан Киен и другие. Южновьетнамское бюро ЦК партии, Военный комитет при нем и командование вооруженных сил Юга продолжали исполнять прежние функции, только отдельные товарищи были привлечены к руководству Сайгонской операцией.

Таким образом, для руководства последней стратегической операцией по освобождению Сайгона Политбюро ЦК нашей партии направило трех своих членов, которые должны были действовать непосредственно под его руководством.

В течение апреля Политбюро и Военный комитет при ЦК, как и мы на фронте, ежедневно и ежечасно следили за передислокацией наших войск, отмечая, какое расстояние еще отделяет ту или иную дивизию, ту или иную колонну автомашин, тот или иной артиллерийский полк или зенитный дивизион от места назначения. По утрам при смене дежурства выяснялись местонахождение отдельных дивизий, количество автомашин, имеющих в их распоряжении, маршруты движения каждого полка и количество пушек, которые данная часть брала с собой; запрашивались также сведения о количестве перевезенных снарядов для 130-миллиметровых полевых орудий и 100-миллиметровых танковых пушек.

На всех дорогах были расставлены специальные отряды организации движения, которые следили за выполнением графика движения,

указывали колоннам машин интендантской службы путь на склады, направляли отряды новобранцев к месту назначения.

На леса Локшгая хлынули первые тропические ливни. С этими ливнями росло наше беспокойство. Товарищ Ле Дык Тхо правдиво выразил наше настроение в следующих стихах:

Вот и запела птица туху,
Над лесами Локниня занимается заря.
Всю ночь не смыкали мы глаз,
В темноте считая капли дождя.
Тревожимся за наших солдат,
Что вязнут в грязи дальних дорог,
Тревожимся за танки и пушки,
Что медлят, запаздывают в пути,
Фронт их ждет с часу на час.
Прошу тебя, дождь, перестань,
Чтобы дороги подсохли,
Чтобы машины дошли.
Скоро, скоро грянут выстрелы
Последнего, исторического сражения!

Мы особенно беспокоились за 10-ю дивизию, которая в эти дни еще находилась в районе Камраня. Путь этой дивизии в Восточное Намбо был далек и еще не очищен от противника, и приходилось задумываться над тем, сможет ли она прибыть к месту назначения в срок. Мы отправили срочную радиogramму товарищу Хоанг Минь Тхао с просьбой срочно направить в Камрань войска 5-го военного округа на смену 10-й дивизии, а командованию этой дивизии приказали три раза в день докладывать нам о состоянии дел, графике движения частей на текущий и следующий день, организации движения и вообще обо всем, что происходит на марше. Мы также дали указание товарищу Донг Ши Нгуену, если потребуется, выделить дополнительное количество автомашин для быстрой переброски 10-й дивизии к месту назначения. В случае нехватки автотранспорта было предложено обратиться к командованию 5-го военного округа.

Время торопило. Политбюро требовало от нас как можно быстрее закончить приготовления, чтобы начать наступление на Сайгой.

Однако, учитывая, что к этому моменту еще не была создана достаточно мощная группировка сил и средств для решительного наступления на Сайгон в высоком темпе и что некоторые соединения и части регулярных войск находились на марше, Политбюро несколько удлинило сроки подготовки операции, но при этом твердо установило момент начала генерального наступления на Сайгон — не позже последней декады апреля 1975 года.

Все это время мы самым внимательным образом следили за событиями, разыгрывавшимися на политической арене в Сайгоне и в США. Разумеется, мы постоянно держали в поле зрения и военные мероприятия противника в районе Сайгона, во всем Намбо и во всей Юго-Восточной Азии, в особенности на Филиппинах и в Таиланде. Наше пристальное внимание привлекали и события в соседней Кампучии. Получилось так, что без предварительной договоренности наши кампучийские друзья прекрасно согласовывали с нами свои стратегические и оперативные планы.

В очередной радиограмме Политбюро говорилось: «При составлении общего плана операции необходимо иметь в виду, что наступление должно быть достаточно мощным и от начала до конца вестись в высоких темпах. Наряду с атаками внешнего оборонительного пояса надо подготовить достаточные силы, чтобы в благоприятный момент с разных направлений ударить непосредственно по центру Сайгона, следуя принципу: бить врага как изнутри, так и извне, всемерно создавать условия для выступлений населения».

В сложившейся к этому времени обстановке именно в этом и заключались молниеносность, дерзость и неожиданность. Это и был тот основной, самый верный путь к победе. Надо было иметь и соответствующий план на случай, если бы сражение затянулось на некоторое время.

В район расположения командования войск Сайгонской операции начали прибывать представители родов войск и армейских корпусов для получения боевой задачи. Во 2-й и 4-й армейские корпуса и 3-ю дивизию 5-го военного округа, которые вели бои на восточном направлении, был направлен заместитель начальника штаба старший полковник Динь Ван Нью (Хай Нью). Товарищ Нью должен был

передать лично генерал-лейтенанту Ле Чонг Тану приказ, подписанный товарищем Фан Хунгом и мной. В приказе говорилось, что все войска, наступающие с востока, отныне подчиняются Ле Чонг Тану и действуют в соответствии с единым планом операции.

Была поставлена боевая задача и войскам юго-западного направления, которыми командовал товарищ Ле Дык Ань.

12 апреля к нам прибыли командир 3-го армейского корпуса Ву Ланг, политкомиссар корпуса Нгуен Хиеп, вслед за ними, 14 апреля, — командир 1-го армейского корпуса Нгуен Хоа и политкомиссар корпуса Хоанг Минь Тхи. Они доложили, что 1-й армейский корпус получил приказ на марш 25 марта, а 2 апреля в поход выступила 320-я пехотная дивизия, за ней последовали другие соединения и части. Последнее подразделение войск корпуса должно было покинуть район постоянной дислокации 7 апреля. Таким образом, к 25 апреля войска корпуса должны были выйти на исходные позиции для наступления.

Отдавая приказания командирам армейских корпусов, я обращал их внимание на особенности противника, на те наши слабые стороны, которые могли дать знать о себе в незнакомых условиях и которые следовало непременно преодолеть в самом ходе боев. Я не забывал напомнить командующим о необходимости соблюдения установленных сроков выдвижения в назначенные районы, организации управления и связи, а также об обеспечении скрытности передвижения войск с таким расчетом, чтобы противник ничего не подозревал вплоть до начала наступления. Я особо подчеркивал необходимость довести до каждого солдата, что исход войны зависит от исхода этой операции, что необходимо поддерживать дисциплину и строго соблюдать установленные правила при вступлении в город.

Перед тем как командиры и полит комиссары армейских корпусов отправились в свои соединения для выполнения намеченных планов, к ним с очень душевной, искренней речью обратился товарищ Фам Хунг. Он сказал:

«Мы, товарищи, здесь, в Б-2, очень обрадовались, когда узнали о больших победах нашей армии в Тайнгуене и Чунгбо. Стало ясно, что назревают условия для освобождения всего Южного Вьетнама в этом

году. А если освободим Юг и воссоединим страну, американские империалисты уже никогда не смогут вернуться, чтобы попытаться поработить нас. Вы вместе с нами, с Южновьетнамским бюро ЦК партии и Военным комитетом Юга, со всем народом Южного Вьетнама и его вооруженными силами доведете до победного завершения национальную народно-демократическую революцию во всей нашей стране. Со дня образования партии это самые славные минуты. В старину Куанг Чунг тоже совершал стремительные походы на чужеземных захватчиков, однако ему приходилось делать передышки. Теперь же наши войска с Севера наступают без всяких остановок, без всяких передышек и вместе с вооруженными силами Юга повсеместно одерживают молниеносные, крупные победы. Вот какой силой обладают наша партия, патриотически настроенное население и наши вооруженные силы.

Наша партия всегда была тесно сплоченной. Сплочение — традиция нашего народа и его вооруженных сил, Юг и Север — одна семья, Вьетнам — единая страна. В сплочении — залог наших побед. Мы приветствуем ваши боевые успехи, ваше своевременное прибытие на южновьетнамский фронт, вашу готовность участвовать в этом историческом штурме последнего бастиона неокOLONиализма в нашей стране. Желаю вам новых побед, желаю всем окончательной победы!»

С глубоким чувством товарищ Фам Хунг выразил пожелание, чтобы ко дню рождения Дяди Хо мы уже находились в Сайгоне.

Затем к собравшимся обратился товарищ Ле Дык Тхо. «ЦК партии, — сказал он, — доверил Южновьетнамскому бюро, всем нашим вооруженным силам дело освобождения родного Юга. У нас сформированы армейские корпуса. Это сильные общевойсковые соединения, хорошо оснащенные современной техникой. Свои боевые действия они ведут в тесном взаимодействии с местными формированиями, при поддержке других видов и родов войск. Поэтому они непременно должны успешно выполнить возложенные на них задачи. Мы наступаем на Сайгон в то время, когда противник уже не так силен, он, можно сказать, стоит на грани краха. Но этот город — последнее его убежище. Бежать уже некуда, ему остается одно — собрать все свои силы и сопротивляться. У противника пять дивизий,

мы же имеем пятнадцать, не считая резервов. Следовательно, мы обязаны победить. Так считает ЦК партии. При расставании товарищи из Политбюро мне говорили: «Победить непременно! Возвращайтесь только победителями!» В этих словах ясно выражена решимость Политбюро».

Сделав подробный анализ обстановки, товарищ Ле Дык Тхо сказал: «Возможность того, что американцы вновь вступят в войну, абсолютно исключена. Об этом говорят все известия, полученные из США. Но если вопреки здравому смыслу США все-таки снова вмешаются в войну, они все равно не смогут изменить ход событий, а только потерпят еще более крупное поражение. Мы несомненно победим. За последние десять с лишним лет наш народ преподал агрессору немало запоминающихся уроков. В настоящее время складывается очень благоприятная для нас обстановка, наши возможности велики, надо только не упустить момент, действовать быстро и уверенно».

Товарищ Ле Дык Тхо напомнил командованию армейских корпусов о необходимости подробно изучать местность, досконально разобраться в сложной планировке города Сайгона — все это будет иметь большое значение для войск, прибывающих издалека, из других районов страны, и незнакомых с местными условиями. Он также коснулся вопроса об обеспечении связи в бою, о противовоздушной обороне в ходе наступления, на привалах и других вопросов. Подчеркнув значение фактора внезапности, Ле Дык Тхо посоветовал действовать неожиданно для врага, нацеливать свои удары против его жизненно важных объектов, главных органов управления. Ле Дык Тхо привел образное сравнение: если дерутся двое, то побеждает тот, кто сумеет неожиданно ударить по самому уязвимому месту противника, даже в той случае, когда тот сильнее, — это гарантирует верную победу.

Член Политбюро, секретарь ЦК партии не преминул напомнить командирам армейских корпусов, что жители Сайгона имеют славные традиции революционной борьбы. Пока в городе хозяйничает враг, но если население получит поддержку извне, если наше наступление будет стремительным, мощным и непрерывным, то народ наверняка восстанет против своих поработителей. В заключение товарищ Ле Дык Тхо сказал, что сезон дождей уже близок, поэтому необходимо

провести операцию как можно скорее. Если удастся завершить ее в мае 1975 года, то это имело бы еще большее значение.

Под Локнинем, в дебрях партизанского края, по ночам к нам не шел сон. Кругом царило оживление: по дорогам с грохотом проносились колонны танков и тягачей с артиллерийскими установками, почти непрерывно звонили телефоны в штабе, в политотделе и в отделе тыла шли горячие споры. В такие бессонные часы перед нашим мысленным взором вставал светлый образ Дяди Хо, вспоминались его отеческие советы, его священное завещание. В память о его жизни, всецело отданной революции, о его имени, которым был назван город Сайгон, командование войсками в Сайгонской операции единодушно решило ходатайствовать перед Политбюро о присвоении крупнейшей по своим масштабам и значению в истории освободительной войны нашего народа операции имени Хо Ши Мина.

В 19 часов 14 апреля 1975 года мы получили радиограмму № 37/ТК от Политбюро ЦК партии. В ней говорилось:

«Согласны присвоить Сайгонской операции наименование — операция «Хо Ши Мин».

Внизу стояла подпись товарища Ле Зуана, нашего уважаемого и любимого Первого секретаря ЦК партии.

13. СРАЖЕНИЕ НАДВИГАЕТСЯ

Сайгон-Задинь — город, насчитывающий три с половиной миллиона жителей, вместе с пригородами занимает площадь 1845 кв. км. В городе множество высотных домов прочной и довольно сложной конструкции. Здесь были сосредоточены центральные административные и военные органы марионеточного режима, крупные склады и тыловые базы. Сайгон — важнейший политический, военный, экономический и промышленный центр противника, его последнее убежище.

Район расположения Сайгона отличается весьма сложным характером местности. Южные подступы к городу перерезаны множеством рек и каналов и во многих местах заболочены. На юго-

западе местность тоже заболочена, но в непосредственной близости от города она несколько повышается и становится суше. На дорогах, ведущих в город с севера, много крупных мостов: Бонг, Шанг, Биньфыок, Биньчеу, Гень, автодорожные мосты через реки Донгнай и Сайгон... По полученным нами сведениям, противник имел план минирования всех этих мостов. Если своевременно не захватить их, то наши бронетанковые, артиллерийские и другие части, оснащенные тяжелой техникой, не смогли бы вступить в Сайгон. В здешних краях ливни обычно начинаются в середине мая. В это время передвигаться по бездорожью крупным воинским соединениям почти невозможно.

Сайгон очень долгое время находился под игом чужеземных захватчиков: после ста лет хозяйничанья французских колонизаторов наступило господство американских империалистов. Сайгонцам удалось подышать воздухом свободы и независимости под властью правительства ДРВ менее одного месяца. С тех пор как американские империалисты, совершив прямую агрессию, ввели в Южный Вьетнам свои войска, Юг нашей страны, и в частности Сайгон, был превращен в колонию нового типа. Следуя своей наглой и коварной, прагматичной и преследующей далеко идущие цели политике, сделав ставку на силу оружия и доллара, неокOLONIALИСТЫ пытались поработить население Сайгона как идеологически и политически, так и в культурно-социальном отношении. Янки и их приспешники сделали все, чтобы подорвать основы нашей древней национальной культуры, традиционные моральные устои нашего народа. Сайгон превратился в притон бандитов и проституток, центр торговли наркотиками, был наводнен игорными домами. Почти в каждой семье имелись люди, которые обманным или насильственным путем непосредственно или косвенно были втянуты в войну против своего народа, служили в вооруженных силах или полицейском аппарате. Американский империализм своими обильными подачками деньгами и натурой вырастил богатейшую местную компрадорскую буржуазию, до мозга костей милитаристскую и бюрократическую, паразитирующую на крови остального населения. Он превратил южновьетнамскую экономику и общество в экономику и общество потребления, общество, целиком зависимое от доллара и заокеанских субсидий. Разветвленная сеть агентуры ЦРУ и огромный аппарат психологической войны денно и ночью вели подрывную работу, искажали и извращали реальную

действительность, оболванивали и терроризировали простых людей, пытаясь сделать из них врагов революции или по крайней мере внушить им страх перед революцией, перед Сопротивлением.

Но, несмотря на все это, население Сайгона сохранило свой патриотический дух, свои традиции борьбы против иностранных захватчиков и их местных лакеев. Улицы и реки Сайгона помнят героические подвиги жителей города. В самом логове врага, несмотря на непрерывные репрессии и неусыпный полицейский надзор, продолжала работать городская партийная организация — чудо и гордость нашей партии. Нам доводилось встречаться с некоторыми руководителями революционного движения в Сайгоне. Это закаленные в суровой борьбе представители многомиллионных народных масс, каждым своим словом, каждым своим поступком выражавшие их сокровенное желание сбросить жестокое иго американских империалистов и их приспешников, принести мирную, свободную и независимую жизнь любимому городу. И вот теперь на долю мужественного, непокоренного и верного Сайгона выпадала честь — вместе с регулярными войсками всей страны дописать последние страницы героической эпопеи освободительной войны нашего народа против империалистических поработителей.

В ставке командования мы время от времени просматривали передачи сайгонского телевидения. На голубом экране грубые и смехотворные политические инсценировки то и дело перемежались с картинами жалкого существования простого народа. Все увиденное еще больше разжигало в нас ненависть к предателям Родины, и мы с нетерпением ждали дня начала наступления.

Командование войсками в Сайгонской операции получило новую радиограмму Политбюро и Военного комитета при ЦК, в которой товарищ Ле Зуан советовал нам немного повременить с началом наступления, подождать еще несколько дней, пока подойдут главные силы 1-го и 3-го армейских корпусов — пехотные и механизированные части. До начала генерального наступления необходимо было усилить активность наших войск на западном и юго-западном направлениях, заблокировать дорогу № 4, заставить врага расплыть свои силы для обороны, отвлечь его внимание от направления нашего главного удара, чтобы вызвать в Сайгоне еще большее смятение в рядах

противника. Одновременно с этим надо было срочно направить в город несколько подразделений специального назначения и партизанских групп, активизировать боевые действия на других направлениях, создать благоприятные предпосылки для генерального наступления.

Пока шли активные приготовления к Сайгонской операции, пока соединения наших регулярных войск одно за другим прибывали в Намбо из Северного Вьетнама, Тайнгуена и Чунгбо, пока наши склады в Намбо день за днем пополнялись огромным количеством военного снаряжения, местные вооруженные формирования Южного Вьетнама, не теряя времени, с новой силой и энергией наносили удары по вражеским укреплениям.

Войска 8-го и 9-го военных округов, подразделения специального назначения и партизанские отряды, действовавшие в городах и прилегающих к ним районах, нанесли врагу большой урон в живой силе и технике, освободили ряд важных областей, объединили многие освобожденные районы, ранее лежавшие островками глубоко в тылу врага, в провинциях Лонган, Гоконг, Бенче, Митхо, очистили от противника коридоры, ведущие из Восточного Намбо через Тростниковую равнину в Западное Намбо, овладели важными водными коммуникациями в «пограничной» зоне, по которым тотчас же была организована переброска из партизанских баз дополнительных контингентов войск и боевой техники. Во многих районах боевые действия велись параллельно с созданием новых местных формирований. Усиливался набор добровольцев, в провинциях формировались батальоны, в уездах — роты местных войск, а в общинах — взводы и роты партизан. Эти подразделения вооружались трофейным или доставленным с тыловых баз оружием. Непрерывные атаки местных формирований сковали значительные силы регулярных войск противника в 4-м корпусном районе, вынудили противника перенести основные усилия авиации и флота на срыв наступления в этом районе.

4-й армейский корпус, основное регулярное войсковое соединение Намбо, во взаимодействии с войсками Тайнгуенского фронта с 10 марта провел ряд успешных боев, уничтожил значительную часть живой силы противника и в ходе наступления освободил города Анлок

и Тентхань, тем самым расширив важнейший плацдарм к северу от Сайгона, блокировав 25-ю дивизию противника в районе Чанглон (провинция Тэйнинь) и создав серьезную угрозу 5-й дивизии, оборонявшей район Лайкхе Бенкат.

В конце марта — начале апреля 1975 года 4-й армейский корпус передислоцировался с северо-запада и севера Сайгона в район, расположенный восточнее Динькуана, а затем, заняв город Залинь — центр провинции Ламдонг, развернул наступление на город Суанлок в провинции Лонгкхань, где оборонялась 18-я дивизия противника.

5 апреля Тхиеу приказал в срочном порядке укрепить фанрангскую оборонительную линию. В этом же приказе он сделал строгое замечание тем генералам, которые хотели как можно быстрее стянуть войска к району Сайгона-Задия, обозвав их пораженцами. К тому времени противник уже создал глубоко эшелонированную оборону в 3-м корпусном районе, его пехотные дивизии получили значительные подкрепления, бронетанковые войска и артиллерия защищали ключевые позиции, окруженные минными полями, проволочными и противотанковыми заграждениями. На дальних подступах к Сайгону противник создал густую сеть укрепленных постов, обороняемых подразделениями «охраны безопасности» и «гражданской обороны». Враг надеялся, что такая система обороны измотает силы нашей армии и наступление захлебнется у городской черты Сайгона.

Провинциальный центр Суанлок в начале апреля 1975 года превратился в важнейший объект обороны противника в 3-м корпусном районе. Город прикрывал дальние подступы к Сайгону с востока. Пока район Суанлок, Лонгкхань находился в руках противника, он еще мог сдерживать наши войска, наступавшие на Сайгон по дорогам № 20 и 1. К тому времени наши войска, продвигаясь по дороге № 1, уже подходили к Фанрангу, а по дороге № 20 — к Киемтану, освободив провинцию Ламдонг, город Далат и провинцию Туендык. Враг всеми силами удерживал дорогу № 15, соединяющую Сайгон с Вунгтау. Через этот морской порт марионеточный режим еще мог получать помощь от своих хозяев и бежать за границу в случае поражения.

Отстоять Суанлок, Лонгкхань значило оградить от непосредственной угрозы оборонительную линию Бьенхоа, Нёнчатъ, Бариа, Вунгтау, обеспечить нормальное функционирование аэродромов Бьенхоа и Таншоннят. Именно поэтому противник старался любой ценой удержать Суанлок. Большие надежды при этом возлагались на войска 3-го корпусного района вооруженных сил марионеточного правительства, и в частности на 18-ю дивизию, которая еще не понесла больших потерь в боях. Бросая все силы на защиту Суанлока, сайгонская администрация и генералитет надеялись оттянуть свой смертный час, выиграть время, чтобы найти спасительные компромиссные меры, которые позволили бы марионеточному режиму выжить, избежать полного поражения, полного разгрома.

9 апреля 4-й армейский корпус в составе 7, 341, 6-й дивизий во взаимодействии с войсками 7-го военного округа под командованием генерал-майора Хоанг Кама (командир) и генерал-майора Хоанг Тхе Тхиена (политкомиссар) перешел в наступление на Суанлок. Закаленные в боях воины натолкнулись здесь на яростное сопротивление противника, которому отступить было уже некуда и который поэтому дрался с особым ожесточением.

Противник перебросил на суанлокский участок фронта 18-ю дивизию, 3-ю бронекавалерийскую бригаду, часть сил 5-й дивизии, снятой с оборонительного рубежа на дороге № 13, несколько артиллерийских дивизионов, а также часть сил войск специального назначения 3-го корпусного района и отдельные части и подразделения войск 1-го и 2-го корпусных районов. Ради спасения прогнившего режима американские марионетки не жалели жизни ни солдат, ни генералов.

Но и этого оказалось недостаточно. На суанлокский плацдарм противник перебросил воздушно-десантную бригаду и мобилизовал все свои военно-воздушные силы, базирующиеся на аэродромах Бьенхоа, Таншоннят и Кантхо, на поддержку действий наземных войск. Вдобавок к этому с целью поднять боевой дух солдат и офицеров марионеточной армии аппарат психологической войны в Сайгоне, в США и других странах Запада начал невообразимую пропагандистскую шумиху вокруг боев за Суанлок. На страницах реакционной западной прессы появилось хвастливое заявление командира 18-й дивизии бригадного генерала Ле Минь Дао: «Мы

будем драться так, что весь мир заговорит о нас как о героях, и тогда американцы не поспеют на дополнительную помощь». Усилиями борзописцев, выше своей чести ставивших доллары, Ле Минь Дао в мгновение ока превратился в своего рода «сильную личность», в спасителя режима Тхиеу. Бои за Суанлок с самого начала были крайне ожесточенными и кровопролитными. Части 7, 6 и 341-й дивизий по несколько раз в день атаковали противника и отбивали его яростные контратаки. Каждый объект в городе не раз переходил из рук в руки. 43-й пехотный полк противника понес большие потери. Были потери и с нашей стороны. Некоторые танки и бронетранспортеры были подбиты, а другие были вынуждены возвратиться на свои базы для заправки горючим и пополнения боеприпасов. Расход снарядов в приданных и поддерживающих артиллерийских подразделениях превысил установленные нормы.

В плане наступления на Суанлок, разработанном в штабе 4-го армейского корпуса, поначалу не было учтено возможное осложнение обстановки в этом районе боевых действий, недооценивалось упорство припертого к стене врага. Крайняя ожесточенность и кровопролитность боев в районе Суанлок, Лонгкхань были неслучайны. От их исхода зависела судьба марионеточной республики. Итоги этих боев должны были показать, как долго еще протянет режим Тхиеу. Поэтому нам потребовалось пересмотреть свою организационную работу, избранные методы развертывания и управления войсками в бою. Соответственно надо было изменить и тактику действий наших войск.

В дни, когда 4-й армейский корпус вел наступление на Суанлок, командование войск Сайгонской операции было занято неотложным делом — завершением разработки плана наступления на Сайгон. И в этой напряженной обстановке мы не упускали из виду ход боев за Суанлок. Командованию вооруженных сил Юга и командованию 4-го армейского корпуса было дано указание использовать новые способы ведения боя. Противник бросал в Суанлок свои последние свежие части. Мы со своей стороны также усилили 4-й корпус личным составом (95-й полк) и материальными средствами.

Для доведения указаний командования и контроля за их выполнением в штаб 4-го армейского корпуса мы направили генерала Чан Ван Ча.

Наш новый тактический замысел состоял в том, чтобы не выбивать противника из заранее подготовленных к обороне опорных пунктов, а нанести удары по вновь прибывшим частям и подразделениям, еще не успевшим закрепиться в предместьях города и не организовавшим тесного взаимодействия друг с другом. Одновременно следовало держать под постоянным обстрелом из дальнобойных орудий аэродром Бьенхоа, парализовать действия авиации противника, базирующейся на этот аэродром.

Разгромив 52-й полк 18-й дивизии противника и овладев Тукчыннг и Киемтан, наши наступавшие по дороге № 20 войска достигли перекрестка Заузэй. В этом районе были отбиты все атаки 3-й бронекавалерийской бригады, выдвинутой противником из Бьенхоа, уничтожено большое количество танков и блокирован участок дороги № 1. Суанлок оказался отрезанным от Сайгона. Город и командный пункт 48-го полка находились под постоянным огнем нашей артиллерии, 3-я бронекавалерийская бригада была остановлена под Баука и не смогла ни на шаг продвинуться дальше. Артиллерия 4-го армейского корпуса одну за другой подавила артиллерийские батареи противника, нанесла поражение 43-му полку и 1-й воздушно-десантной бригаде, прибывшим на помощь гарнизону в Суанлок.

Наши войска, наступавшие с востока на Сайгон, неудержимым потоком продвигаясь вперед, во взаимодействии с войсками 6-го военного округа 19 апреля освободили город Фантхиет и почти вплотную подошли к Суанлоку. 20 апреля передовые подразделения войск восточного направления вошли в Рынгла. В ту же ночь под угрозой окружения и полного уничтожения части противника, оборонявшие Суанлок, в панике отступили по дороге № 2 в сторону Бариа. Подвергаясь непрерывным атакам, марионеточные войска оставили на дороге множество машин, пушек и другой военной техники. Падение Суанлока произошло так быстро, что некоторым иностранным журналистам пришлось срочно телеграфировать в свои редакции, прося снять с гранок только что переданные сообщения как уже не соответствующие действительности. Сайгонская же армейская радиостанция, закрыв глаза на эти факты, продолжала вести непрерывную психологическую обработку своих солдат из разгромленных подразделений 18-й дивизии, скрывшихся в джунглях

Бариа. После потери Суанлока командующий 3-м корпусным районом марионеточный генерал Нгуен Ван Тоан срочно прибыл в Кути для разработки плана обороны северо-западной линии фронта, проходящей через этот район, и восточной линии обороны Бьенхоа, Лонгбипь, Лонгтхань.

С падением Суанлока путь на Сайгон с востока был открыт для войск 2-го и 4-го армейских корпусов и 3-й дивизии 5-го военного округа, рвавшимся в последний решающий бой. 3-я дивизия приступила к непосредственной подготовке наступления на Бариа и Вунгтау. Таким образом, к началу штурма Сайгона наши войска, действовавшие на восточном направлении, уже завладели чрезвычайно выгодными стратегическими позициями.

Юго-западнее Сайгона наши войска к этому времени заняли Бенлык, Лонган, очистили коридор из Тайниня в Киентыонг, освободили районы Бенкау, Беншой, Коба, установили полный контроль над значительным по протяженности участком реки Вамкотэй, продолжали наступление в направлении Танан, Тхутхья, вплотную подошли к дороге № 4 и начали устраивать налеты на вражеский транспорт и мелкие укрепленные пункты, создавая плацдарм для наступления войск 232-й группы на Сайгон с юго-запада. На свои исходные позиции вышли подразделения танков и плавающих бронемашин, батареи 122-мм гаубиц, 130-мм пушек, 85-мм орудий прямой наводки, зенитно-артиллерийские дивизионы. Заняли районы сосредоточения и ждали сигнала к наступлению 5, 3, 9 и 8-я пехотные дивизии, 16, 88 и 24-й отдельные полки, входившие в состав 232-й группы. Своевременно были подвезены к районам предстоящих боев сотни тонн боеприпасов, горючего и смазочных материалов. В срочном порядке сооружались огневые позиции для орудий и ракетных установок вокруг аэродрома в Кантхо, который, если бы нам удалось нейтрализовать аэродромы Бьенхоа и Таншоннят, стал бы последней авиабазой марионеточной армии. Надо сказать, что наши войска и население Западного Намбо совершили настоящий подвиг, сумев закрепиться на юго-западных подступах к Сайгону, в низинном, заболоченном крае, где необычайно трудно размещать крупные силы, в особенности тяжелую боевую технику. Потребности в артиллерийских снарядах, например, исчислялись десятками тысяч

штук, и все это количество боеприпасов переносилось вручную или перевозилось на маленьких лодках — сампанах. Дорога, пригодная для передвижения тяжелой артиллерии, практически имелась только одна, но и та проходила через сильно заболоченный район. Позиции для артиллерии приходилось устраивать прямо на дорогах.

Единственным средством связи между командованием и войсками этого направления было радио. Чем меньше оставалось времени до начала наступления на Сайгон, тем напряженнее шла подготовительная работа на юго-западном направлении и тем жестче были требования держать всю эту деятельность в строгой секретности, чтобы застигнуть врага врасплох.

К северо-западу от Сайгона 25-я пехотная дивизия противника продолжала удерживать свои позиции в районе Тэйниня. У этой дивизии уже не было выбора: и оборона, и бегство грозили полным уничтожением. Отлично понимая это, полицейские и гражданские чиновники жгли документы и на самолетах удирали в Сайгон.

В то время мы еще не ставили перед собой задачу освободить Тэйнинь. Наша цель состояла в ином: сковать и разгромить 25-ю дивизию в этом районе, не дать ей возможности отступить к Сайгону. Для осуществления этого замысла командование 3-го армейского корпуса поставило задачу 316-й дивизии силами одного полка захватить участок дороги Чаво — Бауна — Гозауха и перерезать таким образом сухопутное сообщение между Тэйнинем и Сайгоном. В это же время территориальные формирования провинций Тэйнинь и Биньзыонг атаковали посты, которые обороняли подразделений «охраны порядка» и «гражданской обороны», обстреляли военную базу Чанглон, взорвали склад с 20 тысячами снарядов для 125-мм и 5 тысячами снарядов для 175-мм пушек. Все это вынудило 25-ю дивизию противника растянуть силы для обороны обширного района, прилегавшего к дорогам № 1 и 22.

Отряды партизан и подразделения специального назначения скрытно заняли позиции вблизи назначенных им объектов в Сайгоне и в его окрестностях.

Аэродром Бьенхоа непрерывно подвергался атакам подразделений специального назначения, минометному и артиллерийскому обстрелу.

Дело дошло до того, что все самолеты с этого аэродрома улетали на ночь в Таншоннят, чтобы избежать уничтожения при артобстреле. Наши войска постепенно полностью парализовали эту крупнейшую авиабазу противника. Одновременно мы готовили огневые средства для обстрела аэродромов Таншоннят и Кантхо. Выведение из строя этих авиабаз намного снизило бы боевые возможности сайгонских ВВС, угнетающе подействовало на моральный дух солдат и офицеров марионеточной армии, расстроило план «эвакуации населения», способствовало бы созданию благоприятных предпосылок для генерального наступления на Сайгон-Задинь.

Утром 8 апреля мы получили известие, что патриотически настроенный летчик сайгонских ВВС с истребителя-бомбардировщика F-5E сбросил бомбы на «Дворец независимости» в Сайгоне, затем благополучно приземлился на аэродроме в освобожденной провинции Фьюклог. Как позже выяснилось, это был лейтенант Нгуен Тхань Чунг, родом из Бенче, коммунист-подпольщик, долгие годы служивший в ВВС противника. Отец его, член уездного партийного комитета, погиб геройской смертью в революционной борьбе.

По словам Нгуен Тхань Чунга, в марионеточных ВВС в это время осталось всего 120 самолетов типа А-37 и 70 истребителей-бомбардировщиков F-5, причем из этого числа лишь две трети были способны к выполнению боевых заданий. Число самолето-вылетов в день не превышало 120. Нгуен Тхань Чунг предложил обстреливать авиабазу Бьенхоа не непрерывно, а периодически, так чтобы через каждые полчаса на аэродроме взрывался один артиллерийский снаряд: именно такой промежуток времени требовался вражеским летчикам, чтобы из убежищ добраться до своих самолетов. Обстрел по такому режиму был бы достаточно эффективен, к тому же он позволял сэкономить значительное количество боеприпасов.

У нас возникла идея предложить Главному командованию перевести Нгуен Тхань Чунга на авиабазу Дананг, чтобы там он обучил наших пилотов летать на трофейных американских А-37. Таким образом мы бы имели эскадрилью истребителей-бомбардировщиков А-37 на случай надобности.

Умные, смекалистые, бесстрашные бойцы подразделений специального назначения, прославившиеся на всю страну своими подвигами, перед генеральным наступлением на Сайгон были объединены в шесть групп под единым командованием. 10-я группа расположилась в районе Нябе, Лонгтау, получив задание взрывать вражеские корабли и блокировать путь в море по реке Лонгтау. 116-я группа находилась в полной боевой готовности в районе Ньокчонг, Лонгбинь; 113-я — в районе Бьенхоа. 115-я группа, которой предстояло участвовать в наступлении на Сайгон, заняла исходные позиции в районе Лайтхиеу, Куанче. 117-я группа находилась в районе Вьонтхоме, Баву и должна была нанести удар по объектам противника на западных окраинах Сайгона, а 429-я готовилась к выполнению задачи уничтожить вражеские батареи в 8-м и 9-м районах города.

Отважные бойцы-партизаны издавна были для американских оккупантов и их лакеев бичом и грозой. Достаточно вспомнить такие их дерзкие, прогремевшие на всю страну акции, как нападения на американских военнослужащих в гостиницах «Каравелла», «Бринг», «Виктория», «Метрополь» в Сайгоне, налет на главное полицейское управление и американское посольство, потопление судна «Кардер» на реке Сайгон, артиллерийские обстрелы «Дворца независимости», аэродрома Таншоннят, колонн войск во время парада по случаю «Дня независимости» и т. д. Сейчас, накануне штурма Сайгона, отряды этих народных мстителей были многочисленны, как никогда, и располагались они как внутри города, так и в его окрестностях. За городской чертой готовились к диверсионным действиям 4 батальона и множество отдельных отрядов, в городе — 60 групп, 300 вооруженных членов народных дружин и большое число сочувствующих революции мирных граждан, вызвавшихся помочь партизанам. Кроме того, при сайгонском подпольном военном комитете имелись довольно многочисленные местные вооруженные отряды. В районах Нябе, Южный Биньтянь, Танбинь, Хокмон, Говап и других раньше насчитывалось по взводу бойцов, а к началу штурма Сайгона — по одной-две роты. Пригородный уезд Тхудык имел даже батальон, а Кути — и того больше. Следует упомянуть и о многочисленном отряде подпольщиков, в течение многих лет выполнявших особые задания в городе. Работая в различных

вражеских органах, они своевременно снабжали нас цепной информацией и сейчас с нетерпением ожидали прихода НВСО.

Горком Сайгона-Задиня организовал печатание и распространение сотен тысяч листовок, сформировал агитационные отряды. Патриотический энтузиазм населения еще больше усиливал замешательство и смятение в сайгонских правящих кругах и парализовал вражеский аппарат подавления на местах. В течение нескольких дней сотни наших кадровых работников и вооруженных дружинников проникли в центральные районы города. В Сайгоне в это время находились десятки членов горкома партии и другие ответственные работники, члены районных отделов кадров, сотни коммунистов, тысячи членов других патриотических организаций. В случае надобности десятки тысяч жителей города были готовы выйти на улицу. Мы имели своих политически надежных людей почти во всех кварталах города, под нашим контролем находились несколько типографий, для агитбригад были приготовлены сотни автомашин, оборудованных громкоговорителями, десятки тысяч метров ткани были переданы в ателье с заказом сшить из них флаги НФО. Большой контингент кадровых работников расположился в непосредственной близости от Сайгона, готовый взять управление городом в свои руки.

Выполняя директивы Политбюро, Южновьетнамское бюро ЦК партии и Военный комитет при нем обсудили и утвердили план генерального наступления и всеобщего восстания с целью освободить Сайгон и всю оставшуюся территорию Намбо. Товарищ Во Ван Киет, назначенный секретарем горкома Сайгона-Задиня, был уполномочен руководить всей организационной работой по обеспечению поддержки населением вступающих в город войск.

Таким образом, еще до начала генерального штурма Сайгон уже был осажден со всех сторон. С востока дорога № 1 была окончательно блокирована, наши войска парализовали авиабазу Бьенхоа, подошли вплотную к Чангбому, были готовы блокировать движение по дороге № 15 и реке Лонгтау и создали серьезную угрозу портовому городу Вунгтау.

С запада и юго-запада войска 9-го военного округа вышли на рубеж Кайвон, южная окраина Кантхо и, что еще более опасно для

противника, вплотную подошли к дороге № 4 — жизненно важной артерии, соединяющей Сайгон с дельтой Меконга. Войска 8-го военного округа активизировали свои действия в южных районах провинции Лонган и готовились к блокаде дороги № 4 и судоходного канала Тегао.

Главные силы регулярной армии занимали исходные районы. Захватив Суанлок, войска 4-го армейского корпуса подошли к Чангбому.

На юго-восточном направлении соединения и части 2-го армейского корпуса расположились в непосредственной близости от Лонгханя, Вунгтау, Ньокчонга, Бариа...

232-я группа войск вышла на рубеж Вамкодонг, Хаунгиа. 5-я и 8-я дивизии находились на ближайших подступах к дороге № 4 в районе Кайлау, Митхо, Танан. Особенно близко подошли к Сайгону два отдельных пехотных полка, которые заняли позиции в Кандьюке и Канзуоке, южнее 8-го района Сайгона.

К северо-западу и северу от Сайгона к этому времени был освобожден обширный район от Локниня до Фьюклонга. На этом направлении войска 1-го армейского корпуса заняли исходные позиции по правому берегу реки Бе, а войска 3-го армейского корпуса — в районе Заутиенга.

Все коммуникации, с разных сторон ведущие в Сайгон, были открыты для наших войск. Линии снабжения и прифронтовые дороги соединились со стратегическими артериями. Все они были в хорошем состоянии и могли выдержать интенсивное движение тяжелой техники на больших скоростях. Впервые за десятки лет войны Соппротивления автоколонны служб тыла Юга и различных военных округов беспрепятственно двигались от Восточного Намбо до Кути, через который проходит провинциальная дорога № 26, и далее до Бинько, Биньми, на севере Тануена, и, при надобности, до Лонгханя и Бариа.

Каждый день наше командование получало подробную информацию об обстановке в Сайгоне. Новости поступали к нам и из авиабазы Таншоннят, где в те бурные дни продолжала находиться группа наших

офицеров. Речь идет о нашей военной делегации во главе с генерал-майором Хо Суан Анем (Хоанг Ань Туан), входившей в состав двусторонней смешанной военной комиссии. Мы поддерживали с ней постоянную связь, и, хотя не сообщали конкретных планов, члены делегации догадывались, что вскоре начнется наступление на Сайгон. Почти три года жили они в окружении врага. Все это время они ни разу не отступили от своих политических позиций, вели непримиримую борьбу с противником, быстро и точно выполняли любое указание вышестоящих инстанций, снабжали нас разнообразной информацией как о противнике, так и о мнениях и настроениях народа. Эту информацию они собирали различными путями, в том числе путем личного наблюдения. Заметив, что враг перебазировал с других аэродромов в Таншоннят огромное количество самолетов и что они стояли даже в непосредственной близости от местонахождения делегации, наши товарищи предложили подвергнуть аэродром артобстрелу. В своей радиограмме они сообщали: «Мы будем рыть убежища и стойко обороняться здесь. Если враг заупрямится, пусть наша артиллерия не поспеет на снаряды. Не беспокойтесь о нашей судьбе. Если нужно, мы с честью умрем во имя успеха операции, во имя окончательной победы революции».

В Таншонняте марионеточные власти отвели нашей делегации несколько деревянных домиков с земляным полом и кровлей из гофрированной жести, обнесенных вполне «живописной» оградой из колючей проволоки. В сложившейся ситуации нашим товарищам было, конечно, трудно на глазах врага рыть бомбоубежища, траншеи и ходы сообщения. Приходилось делать эту работу по ночам и пользоваться за неимением лопат и мотыг кинжалами и кольцами от проволочных заграждений. Вырытую землю разравнивали и утрамбовывали на полу или ссыпали в мешки, обертывали в одежду и прятали в сараи. В это время мы передали противнику нескольких его офицеров из смешанной военной комиссии, не успевших покинуть Буонметхуот, в обмен на своих людей из Таншоннята. Решили отозвать только действительно нужных для операции офицеров, остальные продолжали оставаться на авиабазе, включая и руководителя делегации. При выработке планов обстрела Таншоннята мы неоднократно напоминали артиллеристам, чтобы они отметили местонахождение нашей делегации и обеспечили ей

безопасность. Таким образом, к моменту начала операции «Хо Ши Мин», когда все ее участники вышли на исходные позиции, наши товарищи в Таншоняте также стояли на своем особом посту в тылу противника. Сам тот факт, что этот пост существовал открыто и гордо в логове врага, говорил о силе революции и справедливости ее дела. Вместе с тем это давало нашей партии лишнюю возможность знать думы и чаяния народа в осажденном Сайгоне, намерения и действия противника в его предсмертные часы. Не было сомнения в том, что в эти предгрозовые дни наши товарищи в Таншоняте больше чем кто-либо с нетерпением ждали прихода наших войск.

После наших атак на Сайгон, предпринятых в дни Тэта Маутхан (1968 год), противник хвастливо заявил: «У Вьетконга уже никогда не будет сил для повторного нападения на нашу столицу». Теперь же, когда наши войска в полной боевой готовности заняли исходные позиции вокруг Сайгона, было организовано тесное взаимодействие всех сил, расположенных внутри и вне города, и завершались последние приготовления к штурму, наши сердца наполнились безмерным счастьем и гордостью. И как было не чувствовать себя счастливыми: приближалось время «Ч» решающей операции войны, величайший момент за последние более чем сто лет нашей истории.

14. ДЕРЗОСТЬ, ВНЕЗАПНОСТЬ, ВЕРНЫЙ РАСЧЕТ

Еще в Тайнгуене, получив известно о том, что Политбюро приняло решение освободить Сайгон до начала сезона дождей и выдвинуло общий руководящий принцип наступления — стремительность, дерзость, внезапность и верный расчет, мы стали обдумывать тактику предстоящих боевых действий. В те дни мы еще не очень ясно представляли себе конкретную обстановку в лагере врага, условия местности, в которой расположен Сайгон, мало знали об организации революционного движения в городе. Но мы все же пытались предположить возможные способы нанесения ударов, старались уяснить, нельзя ли применить тактику, подобную той, которая была применена нами в боях за Буонметхуот. В новых, более сложных условиях и при несравненно больших масштабах боевых действий она, несомненно, будет более сложной и потребует гораздо более высокого уровня организационной работы. В своих расчетах мы

исходили из поставленной перед нами задачи, из накопленного опыта, из предварительного изучения связанных с новой задачей проблем и из сложившейся общей обстановки в стране, когда враг оказался в безвыходном стратегическом тупике, а моральный дух его солдат и офицеров снизился, как никогда. Учитывая решающее значение операции для исхода всей революционной войны, принимая во внимание резкое изменение соотношения сил и появление новых факторов в войне, необходимо было за кратчайший срок провести большой объем подготовительных работ, в особенности в области организации управления войсками и координации всех сил, принимающих участие в наступлении. Только при этих условиях можно было обеспечить победу в боях за Сайгон. Конечно, на этот раз не следовало механически повторять прежние тактические приемы. Для обеспечения успеха требовалось, чтобы мы с еще большим мастерством и дерзанием решали поставленные перед нами задачи. Но какую именно можно будет выбрать тактику, как организовать наступление — решение этих вопросов зависело от конкретной обстановки. Мысли обо всем этом не выходили у нас из головы, особенно после того как нам доставили карту Сайгона, найденную на складе топографических карт в Буонметхуоте.

Ценную информацию для постепенной выработки плана освобождения Сайгона мы почерпнули из еженедельных и ежемесячных отчетов командования войск Юга и горкома Сайгона, в которых сообщалось о военном, политическом и экономическом положении в городе, о борьбе городского населения за улучшение жизненных условий, за демократию, мир и воссоединение страны. Достоверные сведения мы извлекли из донесений командиров соединений, штурмовавших Сайгон в 1968 году, и из плана командования войск Юга на весенне-летний период, который нам доложил на совещании в Тайнгуене офицер штаба НВСО полковник Ву Лонг.

По дороге в Б-2, размышляя о предстоящем сражении за Сайгон, я то и дело обращался к товарищу Хоанг Зунгу за справками по различным неясным мне вопросам, например, как велики реки, протекающие вблизи Сайгона, и какова их глубина, достигла ли численность городского населения 4 миллионов, кто командует 25-й дивизией. Я

приказал немедленно дать радиogramму в 6-й военный округ с просьбой достать в Далатском институте картографии и как можно быстрее отправить нам в Б-2 карты Сайгона.

После трехдневного совещания в Б-2 с генералами и офицерами штаба войск Юга, на котором нам подробно доложили о положении в Сайгоне и в 3-м корпусном районе противника, и особенно после совещания с членами Южновьетнамского бюро ЦК партии и Военного комитета при бюро, где был сделан всесторонний глубокий анализ специфических условий Сайгона, мы стали располагать большим количеством фактических данных для разработки плана генерального штурма города.

В эти дни, где бы мы ни находились, нас неотвязно преследовали мысли о Сайгоне. Мы старались представить себе реки, каналы, мосты, склады, расположение военных и гражданских учреждений марионеточного режима. С каждым днем эта информация все глубже и глубже запечатлевалась в нашей памяти. Ни я, ни многие мои товарищи из штаба командования ни разу еще не были в Сайгоне. Но после многих докладов и сообщений, после длительного и детального изучения различных карт Сайгона-Задия, в том числе карты-схемы для туристов, мы в конце концов выучили наизусть названия многих улиц, мостов, кварталов, застроенных высотными домами, складов, пристаней и т. д. И хотя нам не были известны их внешний вид, цвет, архитектурные формы, мы хорошо запомнили их размеры и расстояния между ними. Через некоторое время после приезда в Б-2 мы уже могли разговаривать друг с другом о различных объектах в Сайгоне, не прибегая к карте.

При ознакомлении по картам с системой обороны Сайгона и в ежедневных докладах штаба и донесениях разведки нам то и дело приходилось встречаться с наименованиями различных соединений и частей противника, таких, как 5, 25, 7, 18 и 22-я (вновь сформированная после поражения в Биньдине) пехотные дивизии, воздушно-десантные бригады, 468-я бригада морской пехоты, 3-я бронекавалерийская бригада; с названиями мест расположения различных органов и баз противника: генштаб, командование особого столичного военного округа, авиабаза Таншоннят и т. д. Поначалу для нас это были лишь черные и зеленые знаки на картах, но постепенно

они наполнялись конкретным содержанием. Теперь мы уже знали в деталях о частях и соединениях противника, например о том, каков моральный дух их солдат и офицеров, кто командует каким соединением, и даже биографию и характер каждого из генералов марионеточной армии.

Процесс обсуждения и окончательной выработки плана наступления на Сайгон требовал от нас напряжения всех умственных сил, так как времени оставалось немного, события же развивались стремительно, к тому же встававшие перед нами проблемы зачастую не имели чисто военного характера, а были тесно связаны с политикой, дипломатией, экономикой, культурой, психологией людей и т. д. Поэтому к решению каждой проблемы надо было подходить с особой осторожностью, взвешивая все «за» и «против», делая скрупулезные расчеты.

Среди вопросов, занимавших нас при разработке плана Сайгонской операции, выделялись два: способ ведения боя и объекты наступления. В радиограммах Политбюро отмечалась особая важность этих вопросов, и мы, находясь близ Сайгона и отвечая перед Политбюро за успех операции, днем и ночью искали ответы на них.

Мы знали, что в Сайгоне-Задине под гнетом американских империалистов и продажной клики Тхиеу проживает более трех с половиной миллионов наших соотечественников, жаждущих освобождения. В той или иной мере они испытали на себе тлетворное влияние неокOLONиализма. В обстановке, когда сайгонский режим находился на грани гибели, многие из них, особенно те, кто имел родственников в рядах марионеточной армии или административного аппарата, естественно, были глубоко обеспокоены своим будущим и будущим своих близких. К тому же из-за лживой и клеветнической пропаганды американско-сайгонских средств массовой информации, постоянно внушавшей им, что с приходом к власти коммунистов начнутся «расправы», «кровопролитная резня», «насильственный труд» и «промывка мозгов», многие не могли разобраться в сущности происходящего. Они не понимали целей революции, ее справедливой и гуманной политики, не понимали, что истинно, а что ложно.

Учитывая все это, необходимо было так организовать наступление на Сайгон, чтобы можно было добиться молниеносной победы над противником, быстрого свержения реакционного режима, ликвидации марионеточной армии и администрации сверху донизу, слома сайгонской военной машины угнетения и насилия и срыва всех агрессивных притязаний американских империалистов. Вместе с тем наступление нужно было организовать так, чтобы разрушения, материальный ущерб, человеческие жертвы среди населения были минимальными. Лишь в этом случае жизнь нескольких миллионов жителей освобожденного города быстро вошла бы в нормальную колею.

Еще один нелегкий вопрос вставал перед нами. Это вопрос о том, как поступить с сотнями тысяч солдат марионеточной армии. До вступления в армию они были студентами, школьниками, рабочими, крестьянами, ремесленниками. В основной массе своей это были дети трудового народа. В результате обмана и насилия со стороны реакционной верхушки они были оторваны от семьи, от мирной жизни и втянуты в войну против своего народа, против революции. Они жаждали мира, хотели избавиться от участи наемных солдат, мечтали вернуться к своим семьям, родным, чтобы продолжить учебу, вновь начать работать.

В свое время президент Хо Ши Мин говорил: «Солдаты марионеточной армии, как и мы, являются сыновьями вьетнамского народа. Из-за невежества и темноты они сбились с правильного пути. Правительство и я готовы простить тех, кто своевременно осознает свои ошибки и вернется в великую семью народа, который ведет войну Соппротивления против агрессоров».

Помня обо всем этом, необходимо было вести наступление так, чтобы добиться полной деморализации и развала огромной марионеточной армии, чтобы сайгонские войска не смогли противостоять революционным силам и отказывались подчиняться приказам командиров. Было решено безжалостно уничтожать главарей марионеточной армии, сознательно сопротивляющихся революции. Однако мы готовы были сохранить жизнь подавляющему большинству солдат и офицеров противника при условии, что они перестанут подчиняться своему командованию, сложат оружие и сдадутся в плен.

Мы были уверены в том, что эти солдаты и офицеры в конце концов поймут справедливость нашего дела, положительно воспримут меры по перевоспитанию. С помощью партии и революционной власти сотни тысяч военнослужащих марионеточной армии получают возможность вернуться в свои родные места, семьи и, так же как все граждане независимого и единого Вьетнама, смогут отдать свои силы труду на благо Родины, которая гарантирует им и их семьям счастье и нормальную жизнь.

Наши вооруженные силы, участвовавшие в генеральном наступлении на Сайгон-Задинь, были действительно непобедимы. На этот раз мы планировали наступление силами пяти наиболее подготовленных к ведению боевых действий армейских корпусов с сотнями тысяч солдат и офицеров, не считая стратегических резервов и местных формирований в Намбо. Я уже не говорю о том, что дивизии, бригады и полки различных видов вооруженных сил и родов войск были оснащены современными видами оружия и военной техники и обладали высокой боеспособностью. Они имели на вооружении несколько тысяч орудий и минометов разных калибров, сотни зенитных орудий и пулеметов, тысячи танков и бронетранспортеров, десятки тысяч тонн боеприпасов. К этому следует добавить немалое количество бомб и ракет войск ПВО — ВВС, а также ВМФ, которые должны были принять участие в этой операции. Наши солдаты и офицеры хорошо понимали возложенную на них миссию. Эти любимые сыны народа прошли тысячи километров военных дорог, участвовали в десятках и сотнях боев, но никакие опасности, никакие трудности не пугали их. Теперь они участвовали в исторической операции, носящей имя всеми любимого Дяди Хо. Каждый воин прекрасно понимал, что эта операция положит конец войне и даст возможность всем солдатам вернуться в свои дома, к свободной, мирной трудовой жизни. Все мы, от рядового солдата до генерала, готовы были пожертвовать собой во имя торжества революционного дела нашего народа.

Ни высокий моральный дух армии, ни большие материальные средства не могли избавить нас от разрешения многих вопросов: как выбрать направления и объекты наступления, чтобы по возможности быстро сокрушить врага? как наилучшим образом использовать

боевые силы? как организовать управление войсками в бою и взаимодействие различных частей и соединений? И вообще как организовать всю работу так, чтобы максимально использовать нашу объединенную мощь, в кратчайший срок добиться самой большой победы и при этом ограничить до минимума наши потери в эти последние дни войны.

Вопрос о тактике и объектах наступления был тесно связан с выбором момента начала и продолжительностью операции. Если наступление не будет внезапным, дерзким, если способ ведения боя не будет соответствовать поставленным целям, то операция может затянуться до начала сезона дождей, которые сильно затруднят передвижение наших частей. В таком случае (нам об этом заранее было известно) покровители и сторонники сайгонского режима как в стране, так и за рубежом моментально придут на помощь американо-марионеточной клике, начнут выдвигать так называемые мирные инициативы, чтобы «уладить конфликт»; раздачей долларов и чинов постараются сколотить новые реакционные группировки, чтобы противостоять нашему наступлению и спасти уже расшатанный до основания режим Нгуен Ван Тхиеу от окончательного поражения. При правильном же способе ведения боевых действий и при тщательной подготовке генеральное наступление будет мощным, непрерывным и быстро завершится победой. Это будет отвечать требованиям не только военной, но и политической и дипломатической обстановки в данный исторический момент.

При наступлении на такой крупнейший город Вьетнама, как Сайгон-Задинь, где на внешних и внутренних поясах обороны стоят сотни тысяч вражеских солдат, было решено выбрать только пять главных стратегических объектов, которые следовало захватить любой ценой. Это — генеральный штаб марионеточной армии, президентский дворец, штаб особого столичного военного округа, главное полицейское управление и военный аэродром Таншоннят.

Это были важнейшие центры марионеточной армии и гражданской администрации Сайгона, главные звенья в огромном аппарате войны и насилия, управляемом американскими агрессорами и наглядно отражающем антинародный, продажный характер сайгонской правящей верхушки. В стенах этих органов предатели Родины

вынашивали планы продолжения войны, замыслили новые репрессии против революционеров и патриотов, настраивались бороться до конца с «коммунистической заразой» и из кожи лезли вон, чтобы угодить своим заокеанским хозяевам в проведении агрессивной, неоколониалистской политики. Таншонят же был последней крупной военно-воздушной базой, обеспечивавшей связь противника с внешним миром. Эти объекты являлись своего рода ахиллесовой пятой в ослабевающем организме марионеточного режима. С их потерей сайгонская армия и администрация оказались бы в положении дракона, которому отрубили голову, рухнула бы вся система обороны противника, весь его аппарат подавления и угнетения; народ восстал бы, и уже никакая сила, никакой супермен уже не смог бы восстановить прежний строй. Последнее сражение быстро завершилось бы, и Сайгон был бы освобожден. Только нанося сосредоточенные удары по этим объектам, можно было сохранить жизнь 3,5 млн. жителей Сайгона-Задиня, а также уберечь от разрушений хозяйственные, культурные и общественные сооружения.

Таковы были пять объектов в центре и на окраинах Сайгона, которые наше командование выбрало и решило занять в любом случае. Но каким образом можно было добиться этого в условиях, когда на внешнем оборонительном поясе противник сосредоточил пять пехотных дивизий, которые были готовы сражаться с нашими войсками, а в случае поражения — отступить на оборонительные рубежи внутри Сайгона и любой ценой удерживать их?

При наступлении на Буонметхоут основные силы противника были отвлечены в район Контум, Плейку, все дороги блокированы, а сам город оказался отрезанным от других районов. Наши войска, минуя опорные пункты на внешнем отводе обороны, удерживаемые в основном отрядами «безопасности» и «гражданской обороны», нанесли внезапный удар по двум важнейшим объектам в центре Буонметхоута. И лишь после уничтожения основных сил противника в городе наши войска атаковали оставшиеся вокруг него позиции.

При наступлении на Сайгон складывалась другая обстановка: отборные силы противника занимали опорные пункты на внешнем поясе обороны на расстоянии 30–50 км от Сайгона, преграждая нам путь; войска противника как на внешнем, так и на внутреннем поясе

обороны находились в состоянии полной боевой готовности. В такой обстановке, если бы наши войска обошли опорные пункты противника на внешнем поясе обороны, а затем крупными силами неожиданно нанесли удар по городу, наступление вряд ли закончилось бы успешно, так как пять пехотных дивизий противника сразу бы пришли на помощь своим войскам, обороняющимся в черте города. В результате бои приняли бы трудный и затяжной характер. С другой стороны, если сосредоточить войска для уничтожения дивизий противника на внешнем поясе обороны Сайгона и только после этого нанести удар по пяти объектам в самом городе, на это ушло бы много времени. Затягивание наступления грозило бы нам значительными потерями в живой силе и военной технике. Широкое использование артиллерии наступающими войсками неизбежно повлекло бы за собой человеческие жертвы среди мирного населения и большие разрушения. В самом деле, если бы войска противника отступили на позиции внутри города, предварительно разрушив все крупные мосты на дорогах и реках Донгнай и Сайгон, заняв многоэтажные дома в густонаселенных кварталах города, то разрушения и человеческие жертвы среди населения при наступлении наших войск были бы неизбежны.

Чтобы избежать излишнего кровопролития и разрушений, чтобы добиться внезапности, нужно было действовать смело и дерзко. Эту мысль один наш товарищ выразил в форме афоризма: «Дерзость рождает внезапность». А известно, что, чем внезапнее военные действия, тем больше шансов на победу.

Однако только та дерзость, которая рождена идеями активного революционного наступления, научным анализом фактов и явлений, правильным разрешением всех проблем и противоречий реальной действительности, — только такая дерзость гарантирует эффект внезапности и верную победу в сражении.

Избранные нами формы и методы борьбы, наши приемы ведения боя соответствовали закономерностям революционной войны в Южном Вьетнаме. История вьетнамской революции, возглавляемой в течение 45 лет нашей партией, чрезвычайно богата формами и методами революционной борьбы, способами использования революционных сил вообще и вооруженных сил в частности. Большие и малые

сражения минувших лет продемонстрировали огромное разнообразие примененных нашей армией тактических приемов, в высшей степени оригинальных, менявшихся от боя к бою, от операции к операции.

В дни подготовки к взятию Сайгона изобретенные гением народных масс формы и методы революционной борьбы, способы использования всех имеющихся сил и тактика военных действий стали еще богаче и разнообразнее. Они достигли наивысшего развития на последнем, самом зрелом этапе войны Сопrotивления против агрессии США, за спасение Родины. Они явились результатом усвоения и творческого развития богатейшего боевого опыта и прекрасных патриотических традиций наших отцов и дедов, опыта и традиций августовской революции 1945 года, победоносной войны Сопrotивления против французских агрессоров и американских империалистов. Одновременно это был результат совокупного действия всех сил, отобилизованных нашим народом на последнюю, решающую схватку с врагом в самом его логове; именно совокупное действие этих сил давало нам абсолютное превосходство, необходимое для разгрома противника и завоевания полной победы.

Вследствие этого наилучшим способом ведения наступления мог быть только тот, который обеспечил бы наиболее эффективное использование всех имеющихся в нашем распоряжении сил. Разумеется, в деле завершения революционной войны главная роль отводилась вооруженным силам.

В сложившихся условиях, при которых были налицо качественное, количественное и моральное превосходство наших войск, а также превосходство их командного состава, исходя из задач решающего сражения и кардинальных изменений в реальной обстановке, командование пришло к следующему тактическому решению: на каждом направлении использовать соответствующую часть войск, чтобы они могли окружить, расчлнить и сковать силы противника, не дать им возможности организованно отойти к Сайгону. Стремительно наступая к городу, уничтожать и рассеивать дивизии регулярных войск противника, занимающие позиции на внешнем поясе обороны. Одновременно использовать большую часть сил и средств для стремительного овладения ключевыми позициями врага в пригородах, открыть дорогу созданным ударным группировкам для прямого

наступления на избранные в самом городе объекты. Чтобы создать благоприятные условия для быстрого продвижения этих ударных группировок к назначенным объектам, наши части специального назначения, партизанские отряды, отряды подпольщиков, бойцы сил самообороны и революционные массы Сайгона-Задиня должны заранее захватить мосты и другие стратегические объекты, ликвидировать наиболее реакционные элементы и поднять народные массы на восстание.

Планировалось всю огневую мощь наших артиллерийских батарей обрушить на такие военные объекты врага, как аэродром Таншоннят или генеральный штаб марионеточной армии. Чтобы полностью парализовать аэродром Таншоннят, в случае необходимости предполагалось использовать авиацию. Ракетным и зенитным частям предстояло создать плотную завесу вокруг Сайгона и обеспечить прикрытие наших наземных войск.

Целесообразность избранной нами тактики была очевидной. Мы не давали противнику возможности сорвать или замедлить продвижение наших войск к Сайгону. Вместе с тем противник не мог и отступить с занимаемых рубежей, не мог стянуть свои силы к городу, чтобы вместе с городским гарнизоном продолжать оказывать нам сопротивление. Раз наши силы будут сосредоточены для удара по главным объектам в городе и одновременно для уничтожения вражеских дивизий на внешнем поясе обороны, то войска противника внутри и за пределами города уже не смогут прийти на выручку друг другу. Более того, с помощью этой тактики мы лишали противника возможности рассредоточиться в городе, занять оборону в густонаселенных кварталах, что неизбежно повлекло бы за собой жертвы среди мирного населения. Но самое важное в этой тактике было то, что она позволяла достичь главной и высшей цели операции — освобождения Сайгона-Задиня в кратчайшие сроки и наиболее надежным образом, в точном соответствии с руководящим принципом, выдвинутым Политбюро: дерзость, внезапность, верный расчет. А с уничтожением центральных органов марионеточного режима быстро завершилось бы дело освобождения всего Южного Вьетнама. Таким образом, были бы выполнены заветы президента Хо

Ши Мина об изгнании американских агрессоров, свержении марионеточного режима, освобождении Юга и воссоединении Родины.

Наряду с планированием генерального наступления на Сайгон командование подготовило план восстания населения города, стремясь тесно соединить наступательные действия войск с выступлениями общественно-политических сил. Организацию восстания народных масс пришлось проводить в сжатые сроки, с большой тщательностью и с соблюдением абсолютной секретности. Это было нелегким делом, так как надо было довести этот план до сведения низовых организаций в районах и кварталах города, до сведения всех наших подпольщиков и агитаторов среди населения. Мы знали, что сайгонская администрация располагала чудовищно жестоким и разветвленным аппаратом подавления, слежки и надзора. Разведывательные органы и секретные службы США и марионеточного режима пользовались услугами десятков тысяч платных агентов, которые под личиной людей самых различных профессий ежедневно выслеживали патриотов, бросали их в тюрьмы и истязали до смерти. Кроме них Сайгон был наводнен отрядами гражданской и военной полиции, общая численность которой достигала десятков тысяч человек. Среди них было и немало таких, которые не по своей воле, а из-за нужды были вынуждены взять в руки оружие и по приказу своих командиров-головорезов вступить в борьбу против революции, против народа. Жившие долгие годы в этой душной, губительной атмосфере жители Сайгона с пристальным вниманием следили за стремительным развитием событий в стране и не без тревоги ожидали неотвратимо надвигающихся перемен, которые (они заранее знали это) не могли не отразиться на судьбе каждого человека, каждой семьи, на духовной и материальной жизни нынешнего и будущих поколений. Мы не сомневались, что революционные традиции живы в сердцах Жителей Сайгона, что накопившаяся за многие годы ненависть к продажному, антинародному режиму Тхиеу в благоприятный момент, при целенаправленном воздействии кадровых революционеров и патриотов выльется в смелые, решительные политические выступления широких народных масс. Поэтому наши войска, штурмовавшие Сайгон, могли рассчитывать на поддержку местного населения. В своих планах мы также учитывали присутствие в

Сайгоне сотен тысяч беженцев из других провинций, которые с нетерпением ждали окончания войны, чтобы вернуться в освобожденные родные места.

Обреченный режим в свои предсмертные часы обычно проявляет особую жестокость. Репрессивный аппарат и аппарат психологической войны при сайгонской администрации в эти дни работали в полную силу. Правящая клика предателей и реакционеров и их твердолобые сатрапы в попытках спасти свою прогнившую марионеточную республику, отстаивать свои эгоистические классовые интересы не останавливались ни перед какими злодеяниями.

Надо было принять во внимание это обстоятельство при выборе соответствующей формы борьбы и момента начала народных выступлений, которые, по всей вероятности, должны были происходить под дулами автоматов вражеских полицейских солдат. Конечно, наши войска — решающая сила в достижении победы, но в наших замыслах военные действия выступали и как фактор, создающий благоприятные условия для восстания населения, которое должно было начаться немного позже, чем наступление наших войск. Наступление войск, своевременно поддержанное мощными народными выступлениями, обеспечило бы быстрее достижение успеха. Ответственность за организацию народных выступлений в Сайгоне была возложена на товарища Нгуен Ван Линя, который руководил всей этой работой совместно с горкомом и другими соответствующими учреждениями.

Перед наступлением на Сайгон была значительно усилена агитация среди солдат противника и служащих сайгонской администрации. Надо сказать, что наши товарищи вели разъяснительную работу в Сайгоне и его окрестностях с большой настойчивостью и умением, хотя им приходилось претерпевать немало лишений и преодолевать множество трудностей. Чем ближе подходил момент начала наступления, тем большее значение приобретала эта работа, тем больше она требовала напряжения сил, смекалки и отваги. Наши агитаторы всеми путями стремились войти в контакт с военными служащими марионеточной армии, раскрывали им глаза на действительное положение вещей, указывали им путь спасения для себя и своих натерпевшихся горя и страданий семей от гибели,

призывали этих «блудных сыновей» вернуться к народу, примкнуть к рядам тех, кто борется за правое дело. Немало агитаторов попало в руки врага, было убито или замучено. Но сама их героическая гибель, их беззаветная преданность делу революции потрясли многих людей в стане врага и помогли им осознать правду. Эти люди сейчас ждали удобного момента, чтобы перейти на нашу сторону. Поэтому при наступлении на Сайгон необходимо было всячески поощрять и поддерживать выступления многочисленной массы солдат, полицейских и служащих марионеточного режима, направленные против упорствующих командиров и начальников, создавать благоприятные условия для перехода на сторону революции ее бывших врагов. В частности, нужно было до начала и во время операции широко пропагандировать политику революционной власти в отношении военнопленных и лиц, добровольно сложивших оружие.

Подготовка к вступлению в управление таким большим городом, как Сайгон-Задинь, — сложная, не терпящая отлагательств задача, требующая большого количества работников. Для руководства этой работой Южновьетнамское бюро партии специально выделило одного члена бюро. ЦК партии в свою очередь направил на Юг секретаря ЦК товарища Нгуен Ван Чана и большую группу специалистов из ряда министерств и ведомств. Надо было успеть приготовить все до начала наступления на Сайгон-Задинь, а между тем эта задача по характеру своему не была чисто административной или технической, а была всесторонне связана с военным делом, политикой, дипломатией, экономикой, культурой, общественной жизнью. Для ее выполнения надо было наладить четкую, оперативную работу руководящих органов, провести широкую и глубокую воспитательную работу среди участников наступления, чтобы все ясно осознали свои обязанности, твердо усвоили политику партии и революционной власти по отношению к различным слоям населения освобожденных районов — людям, исповедующим различные религии, буржуазии, иностранным подданным, военнослужащим марионеточной армии и гражданским чиновникам. Накануне освобождения Сайгона необходимо было срочно ознакомить самые широкие массы с этой политикой.

Благодаря постоянному вниманию Политбюро, непосредственному руководству и контролю со стороны товарищей Ле Дык Тхо и Фам

Хунга, благодаря напряженной работе большого коллектива людей, в процессе которой были весьма тщательно рассмотрены и решены все относящиеся к делу вопросы, подготовка к организации управления Сайгоном была вскоре успешно завершена.

Незадолго до начала операции к нам по приказу Главного командования для подготовки к приему военных объектов противника прибыла большая группа военных специалистов под командованием заместителя начальника Генерального штаба генерал-майора Зиан Ван Кыонга.

В те же дни мы с товарищами Чан Ван Ча, Донг Ван Конгом и Ле Нгок Хиеном сосредоточили все усилия на организации взаимодействия войск в операции, рассматривали и утверждали планы боевых действий и снабжения войск на различных направлениях, осуществляли контроль за ходом подготовки к операции. В ставке командования царило необычное оживление. Отовсюду приходили «гости» — то для доклада, то для получения задания, то для согласования планов.

Все, кто имел возможность наблюдать за работой командования в эти дни, отмечали большую оперативность в решении всех вопросов, исключительное морально-политическое единство, удивительное взаимопонимание между старшими и младшими, между представителями различных видов вооруженных сил и родов войск, решимость преодолеть любые трудности и добиться победы в этой исторической битве. Командиры особо заботились о том, чтобы вверенные им воинские соединения и части внесли как можно больший вклад в освобождение Сайгона. Нередко нам приходилось умерять их пыл. В связи с этим вспоминается такой случай. Артиллерийским подразделениям из состава войск 7-го военного округа была поставлена задача обстрелять из 130-миллиметровых пушек аэродром Таншоннят и ряд объектов в самом Сайгоне. Однако довольно долгое время артиллеристы не могли найти достаточно близкой к городу удобной огневой позиции для своих батарей. Тогда на встрече со мной командующий артиллерией в Сайгонской операции генерал Зоан Туэ и начальник артиллерии штаба 7-го военного округа полковник Нгуен Там предложили силами пехотной дивизии захватить плацдарм в районе Биньзыонга и разместить там

130-мм дальнобойные орудия. Плацдарм был действительно хорош, а план, безусловно, осуществим, но тем не менее, исходя из общих требований, предъявляемых к операции, — дерзость, внезапность и верный расчет, — мы решили ради успеха всей предстоящей операции отклонить этот дерзкий и оригинальный проект, предложенный артиллеристами.

При проверке состояния путей сообщения, по которым нашим войскам предстояло с разных направлений продвигаться к Сайгону, выяснилось, что все разрушенные врагом мосты на дорогах № 1 и 20 уже восстановлены, однако остался один неисправный мост Нябить, расположенный на дороге № 14, на участке между Донгсоаем и Тонтханем. А между тем через этот мост должны были пройти все войска, направляющиеся с севера к Сайгону и в район восточнее города. Тыловое обеспечение операции в большой степени зависело также от исправности этого моста. Докладывая нам об этом, заместитель командующего группой «559» Фан Кхак Хи сообщил, что в районе Нябить река особенно глубока, берега отвесны, а авиация противника, по-видимому, решила ни в коем случае не дать нам восстановить мост. Все это создавало большие трудности для нас. Выслушав доклад, мы дали указание усилить противовоздушную оборону в районе Нябить и обязали товарища Фан Кхак Хи выехать на место и непосредственно руководить ремонтом моста.

В своих планах мы предусмотрели и возможность разрушения врагом всех мостов через реки Сайгон и Донгнай, а также других мостов в самом Сайгоне. На этот случай мы с политкомиссаром инженерных войск Намбо полковником Чан Ба Тонгом согласовали план, по которому наряду с восстановлением разрушенных и возведением новых, временных мостов и использованием паромов для переправы части войск и боевой техники предполагалось использовать катера, лодки и баржи, принадлежащие населению. Другую же часть войск решено было этими же средствами по речным путям доставить прямо в Сайгон. Активное участие в подготовке этих планов приняли члены Южновьетнамского бюро партии, особенно товарищ Нгуен Ван Со.

Участие ракетных подразделений войск ПВО в операции «Хо Ши Мин» было результатом больших усилий со стороны командования этого вида вооруженных сил. Ракеты охраняли небо во время операции по

освобождению Тайнгуена. Сегодня они обеспечивали безопасность наших войск, наступавших на Сайгон. Сама по себе их переброска по чыонгшонской стратегической дороге в Намбо уже представляла собой большое достижение, так как требовала преодоления огромных трудностей. По окончании одного из совещаний, прощаясь с товарищем Куанг Хунгом и заместителем политкомиссара войск ПВО Юга полковником Фам Са, мы после рукопожатий и взаимных пожеланий успехов полусутя напомнили, что авиация противника уже исчерпала все свои возможности, а наших зенитных орудий вокруг Сайгона хоть отбавляй, так что если ракетные войска не поторопятся, то останутся «безработными» в этой операции.

Во время обсуждения с товарищем Чан Ван Занем (Ба Чан) плана действий войск специального назначения мы не забыли поставить перед ними еще одну важную задачу: при атаке военно-воздушной базы Таншоннят выделить специальный отряд для быстрейшего захвата района так называемого ранчо Дэвис, где находилась наша военная делегация, чтобы как можно быстрее переправить наших людей в безопасное место.

Последние дни перед генеральным штурмом Сайгона были особенно напряженными. Мы направляли во все соединения и части, в штабы всех видов и родов войск инспекционные группы для проверки хода последних приготовлений к операции. Благодаря самоотверженной работе связистов мы имели возможность быстро, своевременно получать информацию с участков фронта и ежедневно связываться с Ханоем. Под руководством командующего и политкомиссара войск связи Юга старшего полковника Нгуен Вуан Тханга и товарища Хоанг Ниема связисты за короткий срок завершили все необходимые приготовления к обеспечению связи в операции по освобождению Сайгона.

Снабжение войск всегда было одной из главнейших задач в войне, можно сказать, альфой и омегой всех операций. Как правило, служба тыла начинает готовиться к ним первой и по окончании боев последней завершает свои работы. К этой службе всегда предъявляют повышенные требования, ее постоянно понукают, приучают быть готовой ко всяким неожиданностям. В битве за освобождение Южного Вьетнама наш большой тыл —

социалистический Северный Вьетнам — удовлетворил все материальные потребности фронта. Вся служба тыла при проведении операции «Хо Ши Мин» хорошо справилась со своей задачей. Накануне генерального наступления командование службы тыла доложило нам о завершении всех подготовительных работ, и при этом товарищи весело добавили: «В Намбо никогда не было так весело и многолюдно, никогда мы не жили так богато, как в эти дни. Ведь нам еще никогда не выпадала честь принимать такое большое число «гостей», да еще каких! Все приехали на автомобилях, прилетели на самолетах, приплыли на кораблях и привезли с собой все необходимое, так что «хозяевам» не надо заботиться ни о чем».

К нам в эти дни действительно приезжало много людей с Севера, из Ханоя. Их рассказы помогли нам живо представить себе обстановку в нашем социалистическом тылу, который одновременно и строил социализм, и работал для фронта. Преодолевая тяжелейшие последствия длительной войны на разрушение, которую вели США почти непрерывно с 1965 по 1972 год, Север тем не менее мобилизовал огромные людские и материальные ресурсы для оказания помощи великому фронту — Югу в его победоносной борьбе.

С момента своего образования Комитет помощи фронту работал невероятно напряженно, изо дня в день решая сложнейшие, важнейшие задачи. Ему постоянно помогали своими советами члены Политбюро и Секретариата ЦК. Мы знали, что для обеспечения победы в операции «Хо Ши Мин» руководители партийных и государственных органов, провинций и городов Севера работали днем и ночью, что весь народ Северного Вьетнама обратил свои взоры к Сайгону, стараясь как можно быстрее, лучше и полнее обеспечить все нужды фронта. Нас до глубины души тронуло известие о том, что горцы районов Тэйбак, Вьетбак предложили направить в Намбо для нужд армии всю предназначенную для них колонну автомашин с рисом и солью, а многие строительные организации, заводы и учреждения выделили до 30–50% своих рабочих и служащих для участия во всесторонней подготовке к операции «Хо Ши Мин».

Не покладая рук трудились во имя удовлетворения нужд Сайгонского фронта и товарищи в 5-м военном округе, где был образован свой

комитет помощи фронту во главе с товарищем Во Ти Конгом. Командование округа выдвинуло лозунг: «Все для Сайгонского фронта, все для победы в операции «Хо Ши Мин»!» В 5-м военном округе было образовано прифронтовое управление по обеспечению нужд войск восточного и западного направлений, в которое вошли генерал-лейтенант Хоанг Минь Тхао, генерал-майор Во Тхы и генерал-майор Лы Занг. Мобилизуя на службу фронту значительную часть рабочей силы и транспортных средств, принадлежавших как войскам округа, так и администрации провинций, на территории которых располагался округ, командование округа организовало 2000 автомобильных рейсов по перевозке войск и отправило в район Сайгона 4000 тонн различных грузов.

Жизнь в освобожденной зоне от Чи-Тхиена до Фантхиета постепенно входила в нормальное русло. Население этих провинций начинало вносить свой посильный вклад в обеспечение операции «Хо Ши Мин». Для оказания помощи населению и ликвидации послевоенных трудностей как морального, так и материального порядка в этот район из Северного Вьетнама были направлены специальные группы кадровых работников из министерств здравоохранения, торговли, культуры, народного просвещения, из органов пропаганды. В это время находился в пути из Северного в Южный Вьетнам и министр Чан Куок Хоан с многочисленными группами сотрудников органов государственной безопасности. Вместе с армейскими соединениями и силами государственной безопасности на местах они должны были восстановить общественный порядок, своевременно ликвидировать антинародные вооруженные группы, обеспечить не только мирную жизнь населению, но и безопасный тыл нашим войскам, штурмующим Сайгон. Таким образом, наш тыл к тому времени значительно расширился. К социалистическому Северу присоединилась только что освобожденная огромная территория в Южном Вьетнаме. Это не могло не отразиться и не оказать положительного влияния на мощь и наступательный порыв наших войск на фронте.

Мы отдавали себе отчет в том, что в эти дни наши товарищи в тылу работали не только за двоих — за себя и за одного соотечественника на Юге, но еще и за нас, удостоенных чести быть посланными на

передовую. Мы знали, что бойцы и труженики Севера в эти исторические минуты всей душой стремились на фронт.

Особенно отчетливо я представлял себе, можно сказать, явственно ощущал напряженную до предела рабочую атмосферу в знакомом мне до мельчайших подробностей Генеральном штабе нашей армии, где я проработал двадцать с лишним лет, на протяжении двух войн Соппротивления. Без сомнения, в эти дни перед началом операции все мои товарищи в различных отделах — оперативном, разведывательном, шифровальном, связи и т. д. — не знали ни минуты отдыха, с головой уходили в свою работу, требующую особой сосредоточенности, внимания, точности и скрупулезности. Генеральный штаб ведь должен знать все, что происходит на фронте, чтобы информировать Политбюро и Военный комитет при ЦК и давать необходимые рекомендации по ведению боевых действий.

Подобно огромной, хорошо отлаженной машине, ритмично работающей на максимальных оборотах, на предельной мощности и выдающей отличного качества продукцию, наш народ и наши вооруженные силы, обгоняя время, трудились в полную силу в ту историческую весну, чтобы под руководством своей партии — организатора всех побед — подготовить и осуществить в кратчайший срок прекраснейшее творение нашей эпохи — операцию, носящую имя Хо Ши Мина.

15. СМЕРТНЫЙ ЧАС ВРАГА

В ходе всеобщего стратегического наступления наша партия очень внимательно следила за ослаблением противника, вовремя выявляя признаки его разложения для активного создания благоприятного момента и своевременного его использования. Общеизвестно, что в войне малая сила в выгодный момент превращается в большую, большая — в еще большую. Выгодный момент — это сила, это мощь.

Изменения в соотношении военных сил и в политической обстановке привели к повороту событий, совершенно невыгодному для противника. Еще 2 апреля вице-президент США Рокфеллер вынужден был признать: «Уже слишком поздно что-либо предпринимать, чтобы изменить сложившееся положение». Однако твердолобость и

коварство у американских империалистов и их лакеев в крови. Фанатики войны и в эти дни из кожи вон лезли, прибегая к различным интригам и махинациям, в попытках спасти положение, избежать «второго Ватерлоо», который развенчал бы славу главаря международного империализма.

Чем дальше шло время, тем больше сужался фронт, тем больше солдат и офицеров противника бежало в Сайгон и тем сильнее овладевали страх и паника теми, кто еще остался на передовой. Форд и Киссинджер горевали вместе с кликой Тхиеу: «Разделяем с вами печаль, скорбим о вынужденных отступлениях» — и давали торжественное обещание: «США будут прочно стоять за Республикой Вьетнам (!)».

Белый дом всеми силами оказывал нажим на конгресс США, торопил с выделением Сайгону 722 миллионов долларов в качестве срочной помощи, добивался разрешения на использование военных сил для так называемой эвакуации и обеспечения эвакуации.

При поддержке и поощрении заокеанских патронов Тхиеу отдал приказ об усилении обороны оставшейся территории южнее Фанранга. До последнего своего часа марионеточные главари еще жили иллюзиями, считая американских империалистов надежными хозяевами, готовыми подать руку и вытащить их из трясины. Американский посол в Сайгоне Мартин был похож на лекаря, сидящего у кровати тяжелого больного — Тхиеу и поддерживающего в нем жизнь при помощи этих иллюзий.

Но у марионеточной армии уже «не оставалось времени, для того чтобы привести в исполнение замысел стоять насмерть, так же как и для укрепления пояса обороны, призванного защитить оставшуюся треть Южного Вьетнама». Так уже рассуждали в самом лагере противника. Наше генеральное стратегическое наступление развивалось необычайно бурно и поднималось к новым вершинам.

В Кампучии освободительная армия вплотную подошла к Пномпеню. Лон Нол бежал вслед за своими американскими хозяевами, успев прихватить с собой только кошелек. Пентагон вынужден был организовать так называемую ястребиную операцию, то есть начать

эвакуацию. Сам посол США в Пномпене Джон Дин с трудом втиснулся в самолет, улетающий в Таиланд. Он держал в руке целлофановый пакет, в котором лежал флаг США, снятый со здания посольства. Американские советники и главари марионеточной клики в спешке покидали Пномпень. 17 апреля войска НВСО вступили в город, кампучийский марионеточный режим безоговорочно капитулировал. США показали свою полную неспособность вновь вмешаться в войну и спасти своих лакеев. Причина заключалась не в том, что у них не было сил, а в том, что правители США видели, что, сколько бы они ни посылали оружия, ни тратили долларов, даже если бы пошли на риск повторного вторжения в Кампучию и Южный Вьетнам, они все равно не смогли бы изменить положения, а только потерпели бы еще большее поражение. Мировая общественность считала уход США из Кампучии репетицией ухода из Южного Вьетнама.

Освобождение Пномпеня и всей Кампучии явилось великой победой, героическим подвигом кампучийской армии и народа. Эти события продемонстрировали слабость и бессилие американских империалистов на Индокитайском полуострове. Они предвещали полное поражение неокOLONIALISTОВ и их лакеев в Южном Вьетнаме. Сайгонские марионеточные власти наблюдали за положением в Кампучии со страхом, с явным замешательством и недоверием к американским хозяевам.

Тем временем в Лаосе революция развивалась чрезвычайно успешно, что еще больше вдохновляло наших солдат и офицеров на фронте. Во многих местах лаосские ультраправые реакционеры были осуждены и понесли заслуженное наказание. Народные массы решительно вставали на сторону революции, шли за Народно-революционной партией и Патриотическим фронтом Лаоса, требовали установления народно-демократической власти.

Загнанные в тупик, американские империалисты и марионеточная клика продолжали громогласно призывать к «обороне до последнего человека», но в душе панически боялись этого. Тхией превратил «Дворец независимости» в оборонительный пункт, по сравнению с прежним временем усиленный втрое. Вокруг дворца через каждые 30–40 метров были построены блиндажи, ошестинившиеся дулами

пулеметов. На зеленой лужайке перед парадным подъездом круглосуточно дежурил вертолет. Под кронами деревьев стояли танки.

После инспекционной поездки по некоторым опорным пунктам министр обороны марионеточного правительства Чан Ван Дон в своем докладе от 18 апреля горестно воскликнул: «Государство находится в действительно опасном положении! Счет жизни нужно вести не месяцами, а днями или неделями».

19 апреля посол Мартин отправил в Вашингтон секретное донесение, в котором описал безнадежное положение марионеточной республики: «Войска противника, более мощные, чем правительственные силы, со всех сторон подходят к Сайгону и имеют возможность в течение одной или двух недель окружить и изолировать город. Хотя правительство (!) может усилить группировку на одном или двух направлениях, отозвав войска из районов Кантхо или Митхо в дельте Меконга, но это ничего не даст, кроме продления существования Сайгона еще примерно на неделю, так как противник имеет возможность почти сразу же уничтожить эти подкрепления своими гораздо более мощными силами».

Из Дананга, Куинёна, Нячанга и других городов американцы бежали гораздо раньше и быстрее, чем марионетки. В эти черные дни американские наставники в полной мере продемонстрировали свою способность первыми показывать пятки. Каких только планов не вынашивала администрация Форда — Киссинджера, но она уже не могла ни на что рассчитывать, так как знала, что, даже пойдя на риск, все равно не сможет спасти режим Тхиеу, а лишь вновь попадет в беспросветный тупик, отчего поражение станет еще тяжелее. Так что из всех возможных средств бегство было наилучшим вариантом.

18 апреля администрация Форда — Киссинджера отдала приказ о срочной эвакуации американцев из Сайгона. Для выполнения этого задания были выделены специальные силы, подчиненные непосредственно правительству США, во главе с Дином Брауном, значительные силы ВМС и ВВС, насчитывавшие 35 кораблей, в том числе 4 авианосца (т. е. почти треть всех авианосцев), сотни самолетов различных типов, 21 апреля в обстановке страшной спешки и нервозности приступили к эвакуации из Южного Вьетнама

американского военного и гражданского персонала. В исступленном вихре эвакуации, которая в последний день получила название «операция идущих на риск», американские вертолеты беспорядочно кружили в небе Сайгона, опускаясь на крышу здания посольства США и крыши других зданий, чтобы принять на борт американцев, которые толпились в ожидании посадки. Видя, как бегут американцы, солдаты марионеточной армии потеряли всякую надежду на спасение. Канули в прошлое грозные операции по «поиску и уничтожению». Мир становился свидетелем операции исторического бегства «идущих на риск» американских империалистов.

Покидая Вьетнам, агрессоры причинили нашему народу еще немало горя и страданий. Они насильственно вывезли в США и другие страны несколько тысяч наших детей, рассчитывая сыграть на чувствах мировой общественности, добиться предоставления дополнительной помощи сайгонскому режиму, а в перспективе заставить вьетнамских детей забыть отчизну, превратить их в предателей Родины. Маленькие беспомощные дети, жертвы большого обмана американских империалистов и их лакеев, заливаясь слезами, покидали семьи и Родину. Более ста из них погибло, когда один самолет потерпел аварию. Жестокость американских империалистов вызвала в наших сердцах еще большую ненависть к ним, а также решимость добиться скорейшей и полной победы.

Эвакуируясь, спасаясь бегством, агрессоры одновременно пускали в ход все приемы психологической войны: обман, фальсификацию, террор, для того чтобы увлечь за собой десятки тысяч так называемых беженцев. Это самое коварное преступление, усиливающее боль разлуки многочисленных семей. Эвакуация, которую проводили США, преследовала следующие цели: показать, что население Юга не идет за революцией, увлечь за океан некоторую часть интеллигенции и технических специалистов, воспользоваться в будущем услугами работающих на них вьетнамцев для претворения в жизнь черных замыслов против нашей страны. Сколько жалости вызывали обманутые и сколько ненависти те, кто умышленно бежал вслед за интервентами, забыв моральные заповеди своего народа, забыв свою Родину!

Газета марионеточной армии «Тиен туен» («Фронт») опубликовала большую статью под заголовком «Республика Вьетнам никогда не сдастся коммунистам». Однако уже 21 апреля Уианд жаловался: «Военное положение совершенно безнадежно». А в речи в Нью-Орлеанском университете 23 апреля Форд с горечью отмечал: «Для американцев война уже закончилась. Нет никакой возможности оказать помощь вьетнамцам. Они должны подготовиться к любой участи, которая их ожидает».

В среде «наставников» царили настроения безнадежности, неразбериха, а в лагере сайгонских лакеев назревал острейший кризис. Как правило, американский неокOLONиализм следует политике ставок на несколько лошадей. В нормальной обстановке эта политика играет роль взаимосдерживающего начала для марионеток, создавая видимость демократии для обмана населения и одновременно скрывая господствующую роль США. Однако в момент опасности эта политика приводит к обратному результату. Различные группировки лакеев не только идут на сговор друг с другом в целях «борьбы с коммунистической опасностью» и предотвращения поражения, но и превращают поражение в орудие взаимной борьбы, взаимной расправы, взаимного сведения счетов и соперничества. Каждый предатель хочет быть последней лошадкой, на которую будут ставить США, что еще больше ослабляет и без того подорванный аппарат марионеточной власти. Видя бессилие Тхиеу, издавна враждовавший с ним Чан Тхиен Кхием уговаривал «совет генералов» вынудить «президента» уйти в отставку. Нгуен Као Ки, «ковбойский» генерал, когда-то отвергнутый Тхиеу, вознамерился вместе с Као Ван Вьеном совершить государственный переворот и захватить власть в свои руки. Распри среди правящей верхушки губительно сказывались на моральном духе офицеров и солдат разваливавшейся марионеточной армии. Они стреляли и убивали друг друга. Так, командующий 3-м корпусным районом генерал-лейтенант Нгуен Ван Тоан застрелил своего заместителя генерал-майора Нгуен Ван Хиеу за то, что последний «не признавал никакого другого приказа, кроме приказа об эвакуации».

Мы с пристальным вниманием следили за обстановкой в лагере противника, особенно за эвакуацией американцев. Политбюро ЦК

партии указало нам на необходимость ускорить темпы подготовки войск к наступлению, чтобы в благоприятный момент немедленно нанести удар по Сайгону.

Во второй половине дня 21 апреля, в тот момент, когда мы с товарищами Ле Дык Тхо и Фам Хунгом в последний раз проверяли ход подготовки к операции «Хо Ши Мин», Нгуен Ван Тхиеу со слезами на глазах объявил об уходе с должности «президента Республики Вьетнам».

Так закончилась политическая карьера самого гнусного вьетнамского предателя, ставшего американским лакеем, который совершил множество кровавых преступлений против народа всей страны. Он жаловался на свою судьбу, на своих хозяев и подчиненных, бранился, как пьяный извозчик. Больше всего он жаловался на недостаток американской помощи, что США не хотят продолжать войну, и подстрекал американцев: если вы действительно сильны, так еще раз вмешайтесь в игру и ударьте по Вьетконгу.

Уход со сцены Тхиеу положил конец иллюзиям США, пытавшимся использовать группировку Тхиеу в качестве орудия для продолжения политики «вьетнамизации войны». Марионеточный правитель должен был исчезнуть не потому, что был год Кошки (а он родился в год Мыши), и не из-за того, что молнией снесло острую, как нож, скалу (скала Зао, или Датьонг, в Фанранге), вблизи которой в роскошной пагоде, построенной на склоне горы саперным батальоном и охраняемой ротой сил «безопасности», монашествовала, «совершенствуя свои добродетели», его мать. Фхиеу рухнул именно потому, что агрессивная политика американских империалистов полностью противоречила стремлению нашего народа к независимости и свободе и поэтому потерпела полный крах.

На место Тхиеу США посадили другого преданного лакея — Чан Ван Хыонга. Отличие Тхиеу от Хыонга заключалось только в том, что один являлся бесчеловечным предателем-милитаристом, а другой — коварным предателем-чиновником. Оба стремились продолжать войну против Родины, против народа. Администрация Хыонга — это была администрация Тхиеу без самого Тхиеу.

Ни для кого не было секретом, что, хотя американцы выбросили Тхиеу в мусорный ящик, его клика все еще держала власть в Сайгоне, а сам бывший правитель сидел в городе и за спиной Хыонга управлял своими подопечными. Оба заявляли: «Слухи о десяти вьетконговских дивизиях вокруг Сайгона являются чистой выдумкой оппозиции». Или: «Не может быть, чтобы свыше десяти дивизий вьетконговцев подошли к Сайгону, но даже если это так, наша военная авиация в силах справиться с ними. Сейчас мы имеем бомбы типа СБУ, которые могут в одно мгновение уничтожить целую дивизию». Один из верных людей Тхиеу в марионеточном конгрессе клятвенно заверял: «Мы никогда не отдадим власть капитулянтскому правительству».

26 апреля, когда Тхиеу с семьей поспешно бежал на Тайвань, захватив с собой 16 тонн золота, серебра, ценных бумаг и другого добра, эти марионетки при марионетке очнулись и один за другим устремились вслед за своим бывшим шефом.

Многие отъявленные предатели, запятнавшие себя кровью народа, также упаковали чемоданы и убежали, не забыв прихватить с собой аттестаты, дипломы и ордена, выданные американцами. Отделения банков в Сайгоне были запружены толпой, требовавшей возвращения денежных вкладов. В течение 48 часов было изъято 40 миллиардов пиастров, что равно примерно 60 миллионам долларов. Почти все международные авиационные компании прекратили полеты в Сайгон. Сайгонская телефонная станция испытывала перегрузку из-за того, что слишком много людей расспрашивали друг друга о положении в городе. Некоторые летчики сайгонских ВВС улетали на самолетах в Таиланд или перегоняли свои машины в освобожденные районы Вьетнама.

За кулисами сайгонской политической арены посол США Мартин и другие западные дипломаты развили бурную деятельность. С разных сторон оказывалось давление на новоиспеченного «президента» Чан Ван Хыонга, чтобы последний подал в отставку и уступил должность другому лицу, «которому было бы легче войти в контакт с Национальным фронтом освобождения». А Хыонг соглашался уступить место лишь человеку из партии Тхиеу. Пока же он обеими руками цеплялся за кресло «президента», чтобы его подручные имели достаточно времени для продажи по очень высокой цене паспортов за

границу и других чрезвычайно прибыльных махинаций. Мы хорошо знали, что в лагере врага уже подобран новый кандидат в президенты, который с нетерпением ожидал ухода Хыонга. Многие сложные дипломатические ходы были предприняты одновременно с разных сторон. Американские империалисты и их марионетки прибегали к всевозможным маневрам, включая и дипломатические, рассчитывая приостановить наступление нашей армии и спасти антинародный режим от полного поражения.

В Сайгоне сотрудники ЦРУ, подобно ядовитым змеям, лезли в каждую щель, высматривали, распускали слухи: «Хыонг только временно исполняет обязанности президента и готов прийти к соглашению, США ждут ответа...» Французский генерал Ванюсем, бывший патрон Тхиеу и других вьетнамских предателей, служивших младшими офицерами во французском экспедиционном корпусе (при американцах они дослужились до более высоких чинов в марионеточной армии), поспешно прилетел из Франции в Сайгон. Во время индокитайской войны он был командиром 3-го мобильного корпуса и в многочисленных боях сумел избежать гибели. Генерал приехал в Сайгон поддержать своих старых учеников в их самый трудный час. Он надеялся на удачу в конце своей жизни. До какой степени глупы и невежественны завоеватели!

Обстановка развивалась в точном соответствии с предположениями Политбюро, сделанными еще в январе 1975 года. США были значительно ослаблены и не могли спасти марионеточную власть Сайгона от полного краха. По полученным сведениям было видно, что США открыто проводят эвакуацию американцев, бросая на произвол судьбы южновьетнамских лакеев, как до этого — кампучийских марионеток. Это обстоятельство опрокинуло стратегические расчеты марионеточных властей и вынудило их реагировать по-новому. Возможно, марионетки уже рассчитали все варианты: во-первых, сосредоточить силы для обороны Сайгона; во-вторых, если не удастся отстоять Сайгон, то отвести все силы в 4-й корпусной район и там держаться «до последнего».

Из лагеря врага поступило донесение о том, что противник лихорадочно готовится отступить к Кантхо (4-й корпусной район), если мы освободим Сайгон, рассчитывая на то, что в Кантхо много рек и

каналов и мы не сможем использовать танки, бронетранспортеры и тяжелую артиллерию, что у нас возникнут трудности со снабжением.

21 апреля военный атташе США в Сайгоне генерал Уэлсон и американские советники по авиации прибыли на аэродром Биньтхюи, чтобы совместно с командиром 4-й авиационной дивизии изучить на месте возможность эвакуации самолетов из Бьенхоа и Таншонята и определить задачи авиационной дивизии в оборонительных боях за Сайгон на случай, если аэродром Бьенхоа будет парализован. Они также предусматривали возможность перебазирования командования военной авиации в Биньтхюи, если придется отступить в Кантхо.

Но мы были убеждены в том, что после нанесения самого решительного удара и освобождения Сайгона-Задия рано или поздно все части и подразделения противника в дельте Меконга сложат оружие и капитулируют.

После рабочего дня, возвратясь в свои землянки и знакомясь с последними известиями о положении в лагере противника, мы невольно предавались воспоминаниям, последовательно восстанавливали в памяти картины и события прошлого. Мы вспоминали члена Политбюро ЦК партии товарища Нгуен Ти Тханя, который более десяти лет назад был направлен президентом Хо Ши Мином и Политбюро ЦК на Юг, чтобы вместе с товарищами из Южновьетнамского бюро партии руководить войной Сопротивления против американских агрессоров.

В то время империалисты США, оказавшись перед угрозой поражения в «особой войне» и видя замешательство своих марионеток, с одной стороны, лихорадочно вводили в Южный Вьетнам американские войска и войска стран-сателлитов, а с другой — вели войну на разрушение против Севера, используя военную авиацию и военно-морской флот. Для активного претворения в жизнь этого курса американские империалисты искали самых верных, самых послушных исполнителей. Смена лакеев и выдвижение новых ставленников происходили непрерывно в среде проамериканских сил в Сайгоне.

Нгуен Ти Тхань подолгу на месте изучал обстановку в Южном Вьетнаме, глубоко и четко разобрался во всей обстановке и

тщательно обдумал способы борьбы с американскими империалистами.

Приехав в Ханой для доклада об общем положении в Южном Вьетнаме, Нгуен Ти Тхань от имени всей партийной организации, всех вооруженных сил и всего населения Юга заверил Дядю Хо, Центральный Комитет партии в решимости разгромить проводимую США «локальную войну». Обладая острым, широким и глубоким умом, бесконечно веря в поступательное движение революции, в безграничные возможности революционных масс, в огромную помощь социалистического Севера, он представил Политбюро проект стратегического плана.

В постановлении IX пленума ЦК партии (раздел, посвященный обстановке внутри страны), принятом еще 11 лет назад, указывалось, что какое бы количество солдат американские империалисты ни вводили в страну, как бы жестоко они ни вели агрессивную войну, в конце концов они потерпят поражение.

Выступая в сентябре 1964 года перед слушателями курсов по изучению постановления IX пленума ЦК партии в партийной школе имени Нгуен Ай Куока, товарищ Тхань сказал:

«В народе говорят: когда одна лошадь больна, то весь табун не будет есть траву. Это лошади. А возьмите лошадей-людей в сегодняшнем Южном Вьетнаме: чем больше американские хозяева кормят их долларами (а не травой), тем сильнее они дерутся друг с другом. Посмотрите и увидите: США только что вторглись, а в споре за лакомый кусок эти люди-лошади уже жестоко избili друг друга — десять переворотов в течение одного года. Когда мы нанесем им более сильные удары, одержим еще более крупные победы, они галопом бросятся бежать. И не только будут драться и кусать друг друга, но и их хозяева, и они — породистые лошади — окажутся в панике, будут шумно фыркать, ломать конюшню и бросятся вскачь, только не к финишу, а чтобы скрыться от карающих ударов революции...»

Когда мы с товарищем Нгуен Ти Тханем вместе работали, он часто от всей души говорил: «Заветное желание Дяди Хо, как и наших южан, —

освободить Юг, объединить Родину, чтобы Дядя мог приехать в южную половину страны и повидаться там с соотечественниками и товарищами. Много раз Дядя хотел отправиться на Юг. Он тренировался, готовился идти пешком. Но Политбюро считало, что ему пока не стоит ехать, и Дядя Хо отложил поездку. Так что мы с вами должны что-то сделать, должны так драться, чтобы победить американских империалистов и доставить радость Дяде Хо».

Тоскует Дядя по Югу, как тоскуют по родному дому, Юг ждет Дядю, как дети ждут отца.

Сегодня Дяди Хо и товарища Нгуен Ти Тханя уже нет в живых. Самое заветное желание Дяди Хо, сердечные слова Нгуен Ти Тханя, воля свыше 20 миллионов соотечественников Южного Вьетнама теперь претворялись в жизнь с самой высокой решимостью.

Мы исполняли желание Дяди Хо, шли по селам Нгуен Ти Тханя — через джунгли Чи-Тхиена и Тайнгуена к каучуковым плантациям Локниня, Заутиенга, Тёнтханя.

По дороге на Юг мы подвешивали гамаки в тех же лесах, где Нгуен Ти Тхань когда-то лежал и думал о способах борьбы против американцев. Через несколько дней мы непременно войдем в Сайгон, откуда в 1911 году Дядя Хо отправился на поиски путей спасения Родины и куда 11 лет назад товарищ Нгуен Ти Тхань, в простой одежде южанина, с клетчатым шарфом на шее, в шляпе из пальмовых листьев, приехал на лодке для совещания с членами Сайгонского городского комитета партии (место для этого выбрали вблизи военной базы противника, окруженной плотной сетью полицейских участков и секретных бюро).

Перед лицом агрессии американских империалистов наша партия уже с самых первых дней правильно оценила замыслы, сущность и возможности врага и заявила о решимости нанести ему сокрушительное поражение в развязанной им войне.

Наша партия сумела повести войну справедливую, войну за независимость и свободу Родины и народа, за мир и социализм, за

себя и окружающих нас братьев и друзей. Даже в самые трудные периоды борьбы нас никогда не покидала вера в победу.

Наша партия умела вести войну, шаг за шагом одерживать победы над самым сильным и богатым в капиталистическом мире противником, умела мобилизовать силы всего народа и, опираясь в основном на них, вместе с тем всемерно использовать помощь всех сил, которым были ненавистны американские агрессоры, которые боролись против них, выступали за нас и поддерживали нас. Мы шли от победы к победе, а американские империалисты и их приспешники — от поражения к поражению.

Теперь наша партия умело и победоносно завершала длительную революционную войну. С уходом американских империалистов марионеточный режим был обречен на гибель. Наша Родина должна была обрести полную независимость и свободу. Наша страна должна была быть воссоединена. Север и Юг должны были снова стать одной семьей. Наш народ получал возможность сообща строить социализм на всей нашей земле.

22 апреля от имени Политбюро товарищ Ле Зуан радировал нам: «Настал благоприятный момент и в военном, и в политическом отношении для начала всеобщего наступления на Сайгон. Мы не должны терять ни одного дня, своевременно, не задерживаясь, развернуть наступление на противника на всех направлениях. Промедление невыгодно нам и в политическом, и в военном отношении. Своевременные действия — это в данный момент самая надежная гарантия полной победы.

Сразу же отдайте приказ войскам на всех направлениях действовать точно по плану, добиваясь согласования действий наступающих войск с восстанием народных масс. Взаимодействие войск на различных направлениях, так же как и координация наступления и восстания масс, будет окончательно налажено в ходе боев. Сейчас благоприятный момент заставляет нас действовать как можно быстрее. В полной мере используя благоприятный момент, мы непременно одержим полную победу».

22 апреля наше командование утвердило окончательный план операции «Хо Ши Мин».

Военная карта с ярко-красными линиями, обозначающими направления наступления войск на Сайгон, была разложена на всю длину стола.

В присутствии представителя Политбюро ЦК партии товарища Ле Дык Тхо и других товарищей комиссар Фам Хунг и я, как командующий войсками в этой операции, поставили свои подписи на карте.

Нам выпала большая честь — от имени всех дорогих соотечественников и товарищей, от имени сотен тысяч офицеров и солдат Сайгонского фронта взять на себя ответственность за проведение операции, ответственность, возложенную на нас самим Политбюро ЦК.

Наша решимость стала решимостью всего героического вьетнамского народа, славной Партии трудящихся Вьетнама, победоносной вьетнамской Народной армии. Она определила судьбу американских империалистических агрессоров и продажной и реакционной клики Нгуен Ван Тхиеу.

За 4 тысячи лет строительства и защиты страны, особенно под руководством нашей партии, вьетнамский народ накопил опыт и развил способность четко различать эти две категории врагов и, соответственно, противодействовать им и обращаться с ними.

Какие бы методы, приемы и силы ни применяла первая категория, какой бы жестокостью ни отличалась, в каких бы благоприятных условиях ни действовала, она все равно никак не могла победить вьетнамский народ. Американские империалисты, самые богатые, самые сильные и самые воинственные в современном мире капитализма, познали здесь всю горечь поражения. После 20 лет господства, после применения всякого рода идей и доктрин, после эскалации войны и ввода в нашу страну огромного контингента своих военных сил и сил стран-сателлитов им пришлось потихоньку снять свой флаг и убраться восвояси, стараясь соблюсти так называемый почетный мир. Ничего не добившись в агрессивной войне против

Вьетнама, США понесли большие потери, которые на длительное время всесторонне ослабят эту страну.

Четко определилась судьба агрессоров. Как горька и несчастна эта судьба!

Вторая категория — это те, кто предал Родину, продал самого себя за доллары, продал свою душу чужеземцам. В старые времена были Чан Ик Так, Ле Тиеу Тхонг, а сегодня — Нго Динь Дьем, Нгуен Ван Тхиеу, Нгуен Као Ки и другие. Их судьба еще позорнее и гнуснее. Были и такие предатели, которые три раза меняли своих хозяев и в конце концов были прикончены ими. Были и такие, кто свергал и убивал друг друга из-за престола и долларов. Существовали и такие, которые упорно боролись против революции, но, боясь гнева народа, в конце концов или сдались в плен, или бежали из страны.

У таких людей нет Родины. Они живут не ради Родины, не ради какого-то идеала, а исключительно ради долларов. Все, что они до сих пор делали, это преступление перед Родиной, перед нацией; они открыли путь американцам в страну, продали наш родной Юг заокеанским империалистам. В интересах своих хозяев превратили миллионы молодых людей в пушечное мясо, десятки тысяч женщин в игрушки для американских солдат, нанесли неизмеримый ущерб всему южновьетнамскому обществу, обладающему прекрасными национальными традициями, имеющую славную, отмеченную печатью высокой культуры историю.

Все, что они говорили, — это лишь обман, ложь, демагогия, политическое мракобесие. Они — преступники, а не жертвы.

Пробил смертный час их режима.

16. БИТВА ЗА САЙГОН

После того как была завершена организация взаимодействия войск на различных направлениях наступления, а также между видами вооруженных сил и родами войск, мы разделили командование и штаб на две части. Я и товарищ Чан Ван Ча с группой офицеров штаба выдвинулись на передовой командный пункт, для того чтобы быть в

курсе обстановки на поле боя и оперативно управлять войсками. Товарищи Ле Дык Тхо и Фам Хунт оставались на основном командном пункте для всестороннего изучения военных, политических и дипломатических задач, связанных с освобождением Сайгона, и решения общих вопросов войны во всем Намбо.

В то время на повестке дня стоял вопрос, решение которого требовало от нас много усилий. Это был вопрос о развертывании артиллерийских позиций в Нёнчатъ для вывода из строя аэродрома Таншоннят. Наши артиллерийские батареи с позиций в Хиеулиеме подвергли мощному обстрелу аэродром Бьенхоа, и противник был вынужден перебазировать все самолеты из Бьенхоа на аэродромы Таншоннят и Биньтхюи (Кантхо). Таким образом, нам удалось отодвинуть на 150 км базы авиации противника. Однако в Таншонняте противник располагал еще большим парком боевых машин различных типов и поэтому мог натворить еще много преступлений. К тому же именно с этого аэродрома транспортные самолеты не переставая вывозили за границу главарей американо-марионеточного режима.

В приказе войскам восточного направления была поставлена задача 27 апреля и во всяком случае не позже 28 апреля овладеть Нёнчатъ и разместить здесь батареи 130-миллиметровых орудий для обстрела аэродрома Таншоннят. Однако Нёнчатъ находился в глубоком тылу противника, юго-восточнее Сайгона, более чем в 20 км от Таншоннята. Для того чтобы подойти к Нёнчатъ и оборудовать здесь артиллерийские позиции, необходимо было овладеть военной базой Нюокчонг и уездным центром Лонгтхань. Если бы мы смогли реализовать этот замысел, то не только аэродром оказался бы парализованным, но были бы блокированы и пути для отхода противника к морю по реке Лонгтау. Однако в случае возникновения неувязок или замедления сроков развертывания артиллерии план боевого взаимодействия войск оказался бы под угрозой срыва.

Вечером 25 апреля, выслушав доклад заместителя командующего войсками ПВО и ВВС старшего полковника Хоанг Нгок Зиеу о положении дел на захваченных нами военных аэродромах противника, расположенных к северу от Фанранга, и узнав о том, что наши летчики и механики на авиационной базе Дананг под руководством заместителя начальника штаба войск ПВО и ВВС

полковника Чан Маня за короткое время овладели пилотированием и обслуживанием захваченных у противника самолетов А-37, мы решили использовать их для нанесения ударов по аэродрому Таншоннят. Это, несомненно, было бы самое действенное, самое активное средство выведения из строя аэродрома, ускорило падение боевого духа марионеточной армии, который и без того был низок, преградило бы ее главарям путь к легкому бегству и лишило бы их возможности угнать за границу самолеты с аэродрома Таншоннят. Испытав на себе бомбовые удары нашей авиации, враг понял бы, что мы господствуем и в небе Южного Вьетнама. Заодно и наши военно-воздушные силы получили бы возможность непосредственного участия в этой исторической операции, что дало бы им дополнительный опыт для учебной, организационной и боевой деятельности в будущем.

До этого мы уже встречались с заместителем командующего войсками ПВО и ВВС старшим полковником Дао Динь Луеном, слушали его обстоятельный доклад о положении дел в нашей военной авиации, обсуждали вопрос об использовании после освобождения трех оставшихся больших аэродромов в Намбо. Тогда же мы поставили перед авиацией задачу быстро подготовиться организационно, чтобы своевременно развернуть свои силы и завоевать господство в воздухе над всей территорией страны, включая также территориальные воды и цепь островов, лежащих в открытом море.

Вопрос об обучении наших летчиков управлению трофейными самолетами был поставлен сразу же после захвата некоторого числа самолетов и аэродромов в 1-м и 2-м корпусных районах. По этому вопросу мы неоднократно обменивались мнениями с Генеральным штабом и командованием войск ПВО и ВВС. Генеральный штаб дал последнему указание немедленно решить вопрос положительно.

Я спросил Хоанг Нгок Зиеу: «Времени для подготовки осталось очень мало. Через два-три дня необходимо ударить по Таншонняту. Считаете ли вы это возможным?» Он ответил: «Мы во что бы то ни стало выполним приказ. Разрешите мне сегодня же вечером выехать в Фанранг, и прошу вас телеграфировать нашему командующему — товарищу Ле Ван Чи, который сейчас находится в Ханое, чтобы он

приказал немедленно перебазировать летный состав, механиков и самолеты из Дананга на аэродром Тханьшон».

В Восточном Намбо начинались первые дожди. Дул сильный ветер. Товарищ Хоанг Нгок Зиеу поднялся и попрощался со мной. Пожимая ему руку, я сказал: «Спешите, изо всех сил спешите. У вас в запасе только три дня, и если к 28 апреля не успеете, то упустите редкостный момент. Вашей боевой авиации остается только один день, одна последняя возможность совершить подвиг».

Надо было назначить точный день, так как согласно плану операции 28 апреля наша дальнобойная артиллерия уже должна была с позиций в Нёнчать начать обстрел аэродрома Таншоннят. В тот же день наши войска должны были с разных направлений подойти к городской черте Сайгона, а значит, некоторые наши подразделения непременно вторгнутся на аэродром Таншоннят. А если назначить нашей авиации более ранний срок, до 28 апреля, то, вероятнее всего, она не успела бы подготовиться.

Рано утром 26 апреля мы поехали на передовой командный пункт, расположенный северо-западнее Бенката, на бывшей базе одного из специальных партизанских отрядов, действовавших в Сайгоне. Именно с этой базы наши партизаны предпринимали многочисленные атаки на вражеские объекты в самом центре Сайгона, нанося американским империалистам и марионеточной клике большие потери. Командный пункт размещался в простой хижине, крытой редкими пальмовыми листьями. Хижину продувало со всех сторон, и, находясь в ней, можно было через крышу видеть голубое небо. Через два дня, 28 апреля, к нам на КП приехали товарищи Ле Дык Тхо и Фам Хунг. Так как операция «Хо Ши Мин» началась вечером 26 апреля и времени было в обрез, то находиться от нас в трех часах езды на автомашине они не могли, справедливо считая, что необходимо всему командованию собраться в одном месте, чтобы можно было быть в курсе всех событий, своевременно оценивать изменения в обстановке и принимать соответствующие решения.

Таким образом, прошло 24 дня со дня нашего переезда из Тайнгуена в штаб командования Б-2, когда в 17.00 26 апреля 1975 года громовыми артиллерийскими залпами на восточном направлении началась

операция «Хо Ши Мин». Здесь стоит напомнить, что по плану с утра 27 апреля наши войска с разных направлений должны были двинуться к пригородам Сайгона. На юго-западе предстояло перерезать в нескольких местах, от моста Бенлык до паромной переправы Митхуан, дорогу № 4, а 29 апреля наши войска уже должны были повсеместно с окраин начать штурм города.

Для того чтобы обеспечить строгое выполнение графика наступления, нашим войскам, действовавшим на пяти направлениях, приходилось преодолевать различные препятствия. На северо-западном, северном и юго-западном направлениях нужно было переправить через реки Бе и Вамкодонг значительные массы войск и тяжелую технику, окружить, уничтожить или заставить капитулировать гарнизоны противника в Хаунгиа, Кути, Фулой, с тем чтобы обеспечить беспрепятственное продвижение к городу соединений, выполнявших задачи по захвату главных объектов противника в центре Сайгона. На восточном и юго-восточном направлениях необходимо было занять Бьенхоа, Бариа, Вунгтау, Лонгхань и развернуть артиллерийские позиции в Нёнчатъ, что дало бы возможность завершить окружение и расчленение сил противника до начала решающего штурма города, назначенного на 29 апреля.

Следует отметить, что еще 24 апреля, находясь на основном командном пункте, мы получили телеграмму моего заместителя, командующего войсками восточного направления генерала Ле Чонг Тана (на этом направлении действовали два армейских корпуса). В ней говорилось, что командование войск восточного направления полностью согласно с мнением вышестоящего штаба относительно выдвигаемых перед войсками задач и способов действий и сделает все возможное для неукоснительного выполнения приказа. Что же касается времени начала наступления, то, если войска восточного направления начнут его 27 апреля одновременно с войсками других направлений, они не смогут принять участие в штурме Сайгона 29 апреля, так как к этому времени еще будут находиться на удалении 15–20 км от города. Противник же сосредоточил на восточном направлении большие силы, и предстояло форсировать две большие реки — Донгнай и Сайгон. Исходя из этого, Ле Чонг Тан просил разрешить подчиненным ему войскам начать наступление раньше —

26 апреля в 17.00. Для более подробного доклада по этому вопросу по поручению командующего войсками на восточном направлении 25 апреля к нам прибыл подполковник Ле Фи Лонг. Выслушав доклад последнего и убедившись, что удовлетворение данной просьбы никак не повлияет на общий план наступления, а только обеспечит возможность нанести мощный одновременный удар на город, мы послали Ле Чонг Тану телеграмму, в которой дали свое согласие. Вместе с тем мы еще раз напомнили войскам на других направлениях о едином графике боевых действий и сообщили о времени начала наступления войск восточного направления.

Ночью 26 апреля и весь день 27 апреля мы внимательно следили и корректировали продвижение наших войск на восточном направлении и одновременно торопили войска на северном и северо-западном направлениях с завершением сосредоточения огневой мощи для уничтожения артиллерийских позиций противника и с укомплектованием ударной группы для захвата объектов в Сайгоне. На юго-западном направлении основной нашей заботой было обеспечение переправы танков и тяжелых 130-миллиметровых орудий через реку Вамко и окончательная организация блокады дороги № 4.

В ночь на 28 апреля, через сутки после начала операции, к нам на командный пункт поступила сводка боевых действий.

На восточном направлении 2-й армейский корпус перешел в наступление точно в 17.00 26 апреля. Примерно десять артиллерийских дивизионов обрушили на противника шквал огня. После артподготовки наши части и подразделения, выйдя из каучуковых рощ, под оглушительные звуки медных труб бросились на позиции противника. Менее чем за два часа 304-я дивизия заняла здание бронетанкового училища и часть территорий военной базы Ньюкчонг. В это время здесь проходили подготовку курсанты-танкисты и группа офицеров из Тхудыка. Они оказали упорное сопротивление и в течение 27 апреля не раз переходили в контратаки. Наши части и подразделения продвинуться не смогли, тем более что приходилось отражать налеты авиации противника, поддерживавшей действия своих наземных войск. Солнце пекло нестерпимо. Солдат до боли в горле мучила жажда, и пришлось подвозить им питьевую воду прямо на передовую.

325-я дивизия во взаимодействии с 304-й дивизией захватила военную базу Лонгхань и, перейдя дорогу № 15, освободила Фьюктхьонг и окружила Лонгтан. 3-я дивизия 5-го военного округа, на время операции подчиненная 2-му армейскому корпусу, при поддержке тяжелой артиллерии и танков после трех часов ожесточенного боя овладела уездным центром Дыктхань, 27 апреля в 15.00 полностью освободила город Бариа, а затем развернула наступление в направлении Вунгтау. Как раз в этот момент противник взорвал мост Комай, и дивизия вынуждена была приостановить наступление до окончания ремонта моста. Взаимодействуя с регулярной армией, территориальные формирования и народное ополчение провинции Бариа атаковали военные посты противника, районные центры, военные базы и освободили обширную часть территории провинции.

4-й армейский корпус, наступавший по дороге № 1, объединенными усилиями частей различных родов войск захватил военный подокруг Чангбом, а затем развернул наступление на Бьенхоа, однако был остановлен противником. В этом районе противник создал хорошо укрепленную оборонительную позицию, и здесь же впервые в истории войны в Индокитае были открыты противотанковые рвы.

Подразделения специального назначения тем временем захватили мосты Ратьтiek, Ратькат, Гень и мост через реку Сайгон. Противник упорно контратаковал. В ходе ожесточенных схваток некоторые мосты, например Ратьку или мост через реку Донгнай, неоднократно переходили из рук в руки, пока наконец наши подразделения специального назначения прочно не завладели этими важнейшими объектами. Героический подвиг бойцов подразделений специального назначения явился значительным вкладом в овладение путями продвижения к Сайгону. В эти дни наша дальнобойная артиллерия своим огнем с позиций в Хиеулием подавила аэродром Бьенхоа. Противник вынужден был эвакуировать самолеты в Таншоннят, а командование 3-го корпусного района 28 апреля бежало в Говап.

На юго-западном направлении, севернее переправы Митхуан, на участке от моста Бенлык до перекрестка Чунглыонг и от Кайлау до Анхью, наши войска блокировали дорогу № 4, сковали и отрезали от сайгонской группировки 7, 9, 22-ю дивизии марионеточной армии,

создав благоприятные условия для наступления наших войск на других направлениях. Для захвата моста Аннинь на реке Вамко и обеспечения переправы через реку главных сил (9-я пехотная дивизия, усиленная бронетанковыми и артиллерийскими частями) 232-я группа войск использовала одну из своих дивизий. Следует сказать, что основная трудность, с которой мы столкнулись на этом направлении, заключалась именно в том, что переправа боевой техники через реки осуществлялась медленнее, чем предусматривалось планом. И все же 24-й и 88-й отдельные полки вплотную подошли к 8-му району Сайгона.

На северном направлении войска 1-го армейского корпуса уничтожили несколько артиллерийских позиций противника и установили полный контроль над участком дороги № 16, откуда уже выступили ударные силы, нацеленные на захват объектов в центре города. В данный момент они находились в 7 км севернее Тхузаумот.

На северо-западном направлении 3-й армейский корпус за сутки ликвидировал 11 из 18 артиллерийских позиций противника, перерезал дороги № 22 и 1 и тем самым блокировал пути отхода 25-й дивизии противника из Тэйниня в Донгзу, вынудив сдаться один батальон 50-го пехотного полка.

Одно из наших подразделений специального назначения совместно с задиньским полком заняли участок кольцевой дороги вокруг Сайгона от моста Биньфыок до Куанче и ликвидировали заграждения, созданные противником севернее аэродрома Таншоннят, расчистив путь наступления регулярным войскам.

По нашей общей оценке, в основном все группировки выполнили намеченный план, однако на восточном и юго-восточном направлениях имелись еще некоторые трудности, которые необходимо было во что бы то ни стало преодолеть в течение 28 апреля. Особенно важно было успеть развернуть артиллерийские позиции в Нёнчатъ. На восточном и северо-западном направлениях противник ожесточенно сопротивлялся и контратаковал, стараясь не дать нам возможности овладеть военными базами Нюкчонг и Хонай для ввода в бой ударных сил, предназначенных для захвата объектов в городе, изолировать от Сайгона 25-ю дивизию. Но наступил час,

когда никакие меры уже не могли спасти свою оборонительную систему марионеточной армии от полного развала. Один из офицеров оперативного отдела нашего штаба сделал такое интересное сравнение: «Для противника 28 апреля в Сайгоне подобно 9 марта в Буонметхуоте».

Во второй половине дня 28 апреля состоялся последний акт комедии сайгонской марионеточной республики: после ожесточенных споров и торгов под давлением иностранных хозяев Чан Ван Хыонг объявил о своем уходе в отставку, уступив «президентское» кресло Зыонг Ван Миню. Новый «президент» тотчас же призвал марионеточную армию «защищать территорию», «не складывать оружия». Сообщение об этом пришло на наш командный пункт в то время, когда мы по телефону слушали доклад заместителя командира 3-го армейского корпуса Ким Туана о результатах подготовки к боям за Донгзу. В тот же момент в помещение, где мы находились, вошел офицер штаба и, сияя от радости, доложил: в 15.40 с аэродрома Тханьшон на бомбардировку Таншоннята вылетело звено из пяти самолетов А-37, управляемых нашими летчиками под командованием Нгуен Тхань Чунга.

Это была великолепная комбинированная атака, в которой было достигнуто полное взаимодействие всех видов и родов войск нашей армии. Предпринятая в важнейший момент, она оказала большое влияние на ход операции. Мы вспомнили разговор с Хоанг Нгок Зиеу вечером 25 апреля, его решительные слова перед прощанием: «...остается только один день, одна последняя возможность...» Командование наших войск ПВО и ВВС глубоко прониклось этой решимостью и с большой эффективностью воплотило ее в жизнь. Сам командующий Ле Ван Чи приехал на аэродром Тханьшон и вместе с другими товарищами проконтролировал ход подготовки и напутствовал летчиков перед вылетом на боевое задание.

Когда наши самолеты появились над Таншоннятом, с наземного пункта управления полетами несколько раз недоуменно запрашивали: «Какой эскадрильи А-37? Радируйте, какой эскадрильи?» Наши летчики ответили: «Мы самолеты американского производства!»

Вслед за этим вниз, на ряды вражеских самолетов, смертоносным градом посыпались бомбы различных типов. Взрывы потрясли весь Сайгон, в небо взметнулись черные столбы дыма. В результате дерзкого налета было уничтожено несколько самолетов противника, в том числе американских, которые участвовали в мероприятиях по эвакуации. Это вызвало в лагере врага еще большую панику. У противника не осталось ни одного безопасного места, ему уже некуда было бежать от наших разящих ударов.

В стане врага кое-кто догадывался, что мы бомбили аэродром с захваченных нами самолетов, но были и такие, кто считал, что это дело рук какого-нибудь подразделения сайгонских ВВС, перешедшего на нашу сторону. Даже на нашем КП многие товарищи, бывшие не в курсе дела, услышав о бомбардировке Таншоньята, подумали, что «это второй Нгуен Тхань Чунг».

В это же время мы получили сообщения о хороших результатах действий наших вооруженных сил на море.

После освобождения материковой территории 5-го военного округа на основе своевременных указаний Политбюро ЦК и Военного комитета при ЦК окружной комитет партии и командование 5-го военного округа поставили перед войсками округа задачу первостепенной важности: развивать наступление в направлении островов, находящихся в пределах наших территориальных вод. Эти морские владения нашей страны, прекрасные и священные, в прошлом неоднократно воспевались нашими поэтами, а в годы двух войн Соппротивления были свидетелями славных подвигов наших воинов и нашего народа. Здесь пролегли пути наших кораблей и катеров, перевозивших с Севера на Юг и из южной части страны в центральную боеприпасы, продовольствие и войска. Затерянные в безбрежном море зеленые островки служили перевалочными пунктами и укрытиями. Эти богатые рыбой морские пространства являлись частью «тропы Хо Ши Мина в Южно-Китайском море».

Выполняя приказ окружного комитета партии и командования 5-го военного округа, подразделения территориальных формирований и партизаны уезда Хойан при поддержке восставшего населения еще 30 марта освободили остров Кулаотям. В тот же день под руководством

местной партийной ячейки жители острова Кунгшон (Кулаоре) поднялись на борьбу и взяли власть в свои руки, после чего торжественно передали нашим бойцам управление островом. 1 апреля восстало и освободило свой остров население Кулаосаня. 10 апреля подразделение войск специального назначения провинции Кханьхоа вместе с батальоном из состава 968-й дивизии освободили остров Хонче.

9 апреля в связи с благоприятным развитием событий Главное командование приказало командованию 5-го военного округа во взаимодействии с военно-морским флотом соответствующими силами внезапно атаковать и освободить архипелаг Чыонгша (Спратли), оккупированный марионеточными войсками. Действуя в соответствии с приказом, наши войска очистили от врага острова Шонгтытэй, Шонка, Намиет, Шиньтон, Анбанг и Чыонгша. 27 апреля подразделения войск специального назначения и пехотное подразделение 968-й дивизии освободили остров Кулаотху. Затем были освобождены острова у побережья и острова, находящиеся в открытом море на одной широте с Центральным Вьетнамом.

Освобождение островов явилось замечательным подвигом бойцов войск 5-го военного округа и военно-морского флота. Применяя искусные, дерзкие, обеспечивающие полную внезапность приемы ведения боя и воспользовавшись благоприятным моментом, они под умелым руководством своего командования стремительно и решительно атаковали противника и одержали крупную победу.

Вечером 28 апреля, проанализировав общую обстановку, мы пришли к выводу, что противник находится в крайнем замешательстве, управление марионеточными войсками нарушено, а командование 3-го корпусного района противника покидает Бьенхоа. За первые двое суток боев группировки наших войск на всех пяти направлениях выполнили предусмотренные планом боевые задачи, поэтому командование операции «Хо Ши Мин» издало приказ о начале всеобщего наступления на Сайгон утром 29 апреля.

В 5 часов утра 29 апреля, когда наши войска на всех направлениях перешли в наступление, мы получили от Политбюро ЦК партии радиограмму, в которой говорилось:

«1. Политбюро горячо поздравляет все воинские подразделения и части, добившиеся крупных боевых успехов в последние дни. Особенно важное значение имеют ликвидация вражеских группировок, оборонявших восточные, северные, северо-западные и юго-западные подступы к Сайгону, блокада дороги № 4, удары по крупным аэродромам противника и эффективные действия на окраинах Сайгона и внутри города.

Политбюро призывает всех офицеров и солдат, членов партии и Союза коммунистической молодежи своевременно и со всею решимостью нанести удар по последнему пристанищу противника, в могучем порыве всепобеждающей армии сломить его сопротивление и, сочетая наступление войск с действиями восставшего населения, полностью освободить Сайгон-Задиянь.

Одновременно необходимо соблюдать строгую дисциплину, беспрекословно выполнять все директивы и приказы командования, защищать жизнь и имущество граждан, демонстрируя верность благородным революционным идеям и победоносным традициям нашей армии, блестяще выполнить задачу, добиться полной победы в исторической операции, носящей имя великого Хо Ши Мина.

2. Сосредоточивая внимание на руководстве освобождением Сайгона-Задиянь, необходимо в то же время контролировать весь ход подготовительных мероприятий, имеющих целью быстро использовать преимущества нашего положения, окончательно уничтожить или рассеять оставшиеся силы противника в других районах, особенно в дельте Меконга, а также на островах Пуло-Кондор и Фукуок, полностью освободить Южный Вьетнам.

В полной мере мобилизуя революционный дух, сражаться до окончательной победы; решительно бороться с любыми проявлениями самоуспокоенности.

3. При вступлении в город кадровые работники всех инстанций должны прежде всего позаботиться о жизни трудящихся масс. Вследствие политики эксплуатации, проводимой старым режимом, и засилья компрадорской буржуазии многие семьи рабочих и других трудящихся остались без риса и не имеют денег для его покупки.

Поэтому надо немедленно изъять рис из вражеских складов и раздать нуждающимся семьям. В случае необходимости солдаты должны разделить свой паек с населением».

Мы знали, что в данный момент эти указания и призывы Политбюро ЦК партии уже претворялись в жизнь всеми соединениями и частями, всеми нашими бойцами.

Мы знали также, что в связи с быстрым изменением обстановки ЦК партии уделял большое внимание укреплению революционных кадров Юга большим количеством работников различных отраслей и специальностей, что заведующий организационным отделом ЦК Ле Ван Лыонг вместе с другими компетентными товарищами делали все возможное для срочной отправки на Юг необходимых кадровых работников.

Офицеры и бойцы всех наших соединений и частей отдавали себе полный отчет в том, что они участвовали в самом ожесточенном, самом решающем сражении на последнем этапе всеобщего наступления и восстания, призванных победоносно завершить войну Сопротивления против американских агрессоров, за спасение Родины. Перед ними стоял последний оплот банды самых твердолобых, самых реакционных прислужников империалистических агрессоров, стоял враг, которого необходимо было уничтожить. Трудности, опасности и жертвы последних дней не остановили наших солдат, не задержали темпов наступления. План операции до последней минуты выполнялся успешно.

Как и прежде, работа по идейно-политическому воспитанию велась в наших вооруженных силах непрерывно и творчески, наполняясь все более глубоким содержанием и обогащаясь новыми разнообразными формами. Благодаря этому наши офицеры и солдаты выросли в людей всесторонне развитых, физически и духовно здоровых, обладающих высокими бойцовскими качествами, прочными профессиональными знаниями и навыками. При проведении операции «Хо Ши Мин» работа по политическому воспитанию имела очень важное значение. В этот период заместитель начальника Главного политического управления товарищ Ле Куанг Хоа был отозван из войск восточного направления в штаб командования операции для

оказания помощи товарищу Фам Хунгу в политическом воспитании солдат. Человек деловой, тесно связанный с войсками, Ле Куанг Хоа в первый день вместе с работниками политуправления разработал директивы по политической работе на период операции. А после того как эти директивы были утверждены командованием, он вместе с работниками Главного политического управления выезжал в различные соединения и части наступающих войск, чтобы на месте следить за их претворением в жизнь.

Хотя на этот раз в операции принимало участие множество воинских частей и соединений, размах военных действий был большой, конкретные задачи различны, успехи войск не одинаковы, однако благодаря прежней хорошей подготовке, усиленной срочными, но гибкими организационными и воспитательными мерами, все солдаты и командиры жили одной мечтой, горели одним желанием, стремились к одной цели — освободить Сайгон, освободить Юг.

Помимо различных форм политической работы, которая проводилась парткоммами, членами партии и Союза коммунистической молодежи, комиссарами и политруками с момента получения задания до начала боев, командование направило всем участникам операции «мобилизующий приказ». Он был составлен работниками политуправления, существенно дополнен командованием войск в Сайгонской операции и окончательно утвержден товарищем Фам Хунгом. Приказ был своевременно отпечатан и разослан в войска.

Призывы Политбюро ЦК и «мобилизующий приказ» нашего командования воодушевили весь личный состав, побудили его с новой энергией, с самой высокой боевой решимостью устремиться в бой.

Уже более трех суток сотни тысяч наших солдат и офицеров, преодолевая множество трудностей и опасностей и используя преимущества своего положения победителей, смело и упорно шли в атаку на врага. С момента первых артиллерийских залпов, открывших бои за Тайнгуен, до начала операции по овладению Сайгоном множество любимых сынов Отчизны погибли во имя победы. И теперь на подступах к Сайгону многие бойцы умирали на поле боя во имя высокого дела революции, многие были ранены.

При встречах с местными руководителями и в ходе работы с командованием военных округов, армейских корпусов, соединений и частей мы никогда не забывали напоминать о необходимости строгого проведения в жизнь политики партии в отношении павших за Родину и их семей, об обязанности окружить инвалидов войны заботой и вниманием.

Необходимо сказать, что в проведении в жизнь этой политики партии громадную роль сыграли военные врачи и медицинский персонал. В походах и боях они всегда находились рядом с солдатами, всей своей благородной, самоотверженной деятельностью подтверждая непреложность слов президента Хо Ши Мина: «Настоящий врач подобен доброй матери». За минувшие годы наши военные медики добились больших успехов в лечебной практике и в научных исследованиях.

Находясь на командном пункте, мы с особым вниманием следили за «узловыми» боями на различных направлениях.

На восточном направлении 325-я дивизия захватила уездные центры Нёнчат и Тханьтуйха, подошла к переправе Катлай, находилась в готовности форсировать реку и наступать на 9-й район Сайгона. С позиций, расположенных в Нёнчат, наша дальнобойная артиллерия в считанные минуты обрушила на аэродром Таншоннят более 300 снарядов. Взрывы потрясли весь Сайгон, возвещая о смертном часе марионеточного режима. Артобстрел велся очень точно и сочетался с действиями подразделений специального назначения, нанеших массированный ракетный удар по аэродрому. Мы не использовали разведывательные самолеты для корректировки огня артиллерии, но с помощью местного населения сумели создать наблюдательные пункты в непосредственной близости от аэродрома, и наши наблюдатели уточняли данные для ведения огня.

Как только умолкли разрывы 304 снарядов тяжелой артиллерии, колонна войск 2-го армейского корпуса, рвавшаяся к центру города с северо-востока, подошла к мосту на реке Донгнай, где встретилась с 116-м отрядом войск специального назначения, который прочно удерживал мост, отбив многочисленные контратаки батальона пехоты противника.

На правом фланге 2-го армейского корпуса 304-я дивизия с утра развернула решительное наступление на противника, окопавшегося на территории военного училища на базе Ньюкчонг. К полудню она полностью разгромила противника, вышла на дорогу № 15, а к вечеру подошла к военной базе Лонгбинь с юга. К вечеру 29 апреля наши войска заняли большую часть города Вунгтау.

Тем временем группа захвата объектов в городе в составе танковой бригады и пехотного полка скрытно сосредоточилась в каучуковой роще южнее Заузэй и ожидала приказа о наступлении на Сайгон. Наши бойцы в новой форме в полной боевой готовности сидели в своих машинах, укрытых маскировочными листьями. У всех на рукаве была повязана красная лента, чтобы было легче узнать друг друга при вступлении в город. В 15.00 по приказу командира армейского корпуса вся колонна с грохотом двинулась вперед. Нескончаемая вереница машин в высоком темпе неумолимо приближалась к Сайгону. Это величественное зрелище заключительного акта войны было поистине небывалым.

В полосе наступления 4-го армейского корпуса шли упорные бои. После захвата нескольких объектов вдоль дороги № 1 войска корпуса с трех направлений вели наступление на Хонай (пригород Бьенхоа) с задачей захватить район расположения штаба 3-го корпусного района и аэродром Бьенхоа, но были остановлены противником. Здесь находился важнейший узел обороны противника на восточных подступах к Сайгону, связанный с линией обороны в самом городе, поэтому противник упорно удерживал его. На этом участке бои были особенно ожесточенные.

52-я бригада из состава войск 5-го военного округа была срочно переброшена из Куинёна в район боевых действий и составляла резерв 4-го армейского корпуса и войск восточного направления. Это была боеспособная часть, совершившая много подвигов в Тайнгуэне и в своем военном округе, например в Бато, Шуойзо, Тиенфыоке, Фьюкламе, Куангиене и других местах. В ожидании приказа о наступлении на Сайгон бойцы бригады в полной боевой готовности находились в 100 больших междугородных автобусах, цепочкой растянувшихся на дороге № 1.

На северном и северо-западном направлениях войска 1-го армейского корпуса окружили военную базу Фулой, развернули наступление на Лайтхиеу и заняли уездный центр Тануен. Захват Тануена в ходе наступления создал условия для выдвижения группы захвата объектов города к месту расположения генерального штаба противника и к району сосредоточения его войск в Говапе.

Решительно наступая и отражая контратаки противника, 3-й армейский корпус к 14.00 29 апреля овладел военными базами Донгзу и Чангбом. 25-я дивизия противника была полностью разгромлена или рассеяна. Командир дивизии бригадный генерал Ли Тон Ба попал в плен.

В ночь на 29 апреля бойцы подразделений специального назначения захватили на дороге № 1 мосты Бонг и Шанг, благодаря чему группа захвата объектов в городе на этом направлении быстро прошла через Хокмон, окружила и вынудила капитулировать противника, удерживавшего учебный центр Куангчунг. Затем эта группа быстро выдвинулась к Бакуею. По дороге севернее Кути, у моста Бонг и в Хокмоне наши бойцы уничтожили множество танков, бронетранспортеров и солдат пехоты противника. Услышав взрывы артиллерийских снарядов на аэродроме Таншоннят, колонна группы в соответствии с планом взаимодействия войск временно приостановила продвижение и приступила к подготовке к бою за аэродром Таншоннят.

На юго-западном направлении наши войска заняли город Хаунгя и уездный центр Дыкхоа, вынудили противника отступить из Дыкхуе и Чаку, заняли большой участок по берегу реки Вамкодонг. Остатки гарнизона Хуангя бежали в Кути. Вышедшие наперерез им наши войска взяли в плен свыше 1000 солдат.

Группа захвата объектов в Сайгоне из состава войск юго-западного направления, оснащенная тяжелой техникой, перешла через реку Вамкодонг и прибыла в район сосредоточения в Михане. Один из ее полков подошел к району Бахом.

Местные формирования, партизанские отряды и подразделения войск специального назначения захватили мосты, атаковали

радиотехническую базу Фулам и обстреляли ракетными снарядами аэродром Таншоннят, готовя условия для наступления регулярных войск на Сайгон.

На многих направлениях наши силы безопасности вместе с населением вылавливали и уничтожали предателей, вместе с местными формированиями преследовали и брали в плен остатки разгромленных частей противника, штурмовали вражеские объекты и готовили силы и средства для того, чтобы обеспечить продвижение наших регулярных войск в центр города. Продолжая блокировать дорогу № 4, мы отбили целый ряд контратак противника, предпринятых с целью вновь овладеть этой стратегической магистралью.

Изучив сводку итогов боевых действий за 29 апреля, мы единодушно пришли к выводу, что в результате первого дня всеобщего наступления по всему фронту сложилась чрезвычайно благоприятная ситуация, полностью отвечающая нашим планам. На всех направлениях наши войска значительно продвинулись вперед, заняли военные базы и позиции противника на внешнем поясе обороны Сайгона. Мы изолировали, окружили, лишили возможности отступления, уничтожили и рассеяли основные силы 5, 25, 18, 22 и 7-й пехотных дивизий противника, завершили подготовку плацдармов на ближайших подступах к Сайгону и захватили все наиболее важные мосты в пригородной зоне.

Начальник генерального штаба марионеточной армии генерал армии Као Ван Вьен, подписав приказ о «сражении не на жизнь, а на смерть за оставшуюся территорию», тут же улетел за границу. Его сменил на этом посту генерал-лейтенант Винь Лок. Вечером 29 апреля во время совещания в генеральном штабе марионеточной армии, видя, что дезертирство генералов и офицеров приняло катастрофические размеры, было решено по радио призвать их возвратиться и явиться с повинной. В ответ командир 18-й марионеточной дивизии сообщил, что его соединение понесло слишком большие потери, в подразделениях царят хаос и неразбериха, поэтому дивизия вряд ли продержится до 8 часов утра следующего дня. Командир 3-й бронекавалерийской бригады сказал, что его часть не имеет боеприпасов и горючего для ведения боевых действий. Командующий

3-м корпусным районом и командир 22-й дивизии бросили свои войска и бежали. Только войска 4-го корпусного района еще не понесли больших потерь и сохранили систему управления. В Сайгоне остались только два боеспособных парашютных батальона, которые удерживали перекресток Байхиен. Марионеточный «президент» приказал войскам оборонять радиоцентры Фулам и Куанче, но у них на это уже не хватало сил.

Всю ночь на 30 апреля в штабе командования операции «Хо Ши Мин» шла спорая работа. Электрические фонари, керосиновые лампы и фары автомашин освещали дороги и хижины. Яркий электрический свет горел в оперативном отделе, где офицеры склонились над картами, на которых можно было видеть, как четко очерченные красные стрелы все дальше и дальше протягивались к уже выбранным важнейшим объектам в Сайгоне. На узле связи рядом с оперативным отделом непрерывно звенели полевые телефоны.

Радиоустановки передавали в эфир дополнительный приказ командования всем соединениям и частям:

— артиллерийским батареям в Нёнчать прекратить обстрел из 130-миллиметровых орудий аэродрома Таншоннят;

— заново ознакомить личный состав с системой опознавательных знаков и сигналов взаимодействия при наступлении внутри города и провести необходимую проверку;

— 3-му армейскому корпусу при наступлении на аэродром Таншоннят выделить силы и средства для оказания помощи 1-му армейскому корпусу в овладении зданием генерального штаба противника;

— всем группам прорыва и захвата прямо и безостановочно продвигаться к указанным объектам, оставляя без внимания другие объекты, не задерживаясь и не давая противнику возможности замедлить темпы наступления.

* * *

29 апреля 1975 года в 24.00 все силы, участвовавшие в наступлении на Сайгон, были подобны поднятому мечу. Противник в ожидании смерти с ужасом смотрел на этот карающий меч.

17. ПОЛНАЯ ПОБЕДА

История в своем развитии временами как бы повторяется. Так же как наши деды и отцы в канун последних решающих сражений с чужеземными захватчиками, бойцы, воевавшие на Сайгонском фронте, в ночь на 30 апреля все до единого находились во власти неудержимого, пламенного порыва к победе, к подвигу. В эти священные минуты, у порога последнего дня в промежутке времени, отведенном Политбюро ЦК партии на освобождение Сайгона, наши солдаты писали на своих касках, на рукавах, на прикладах бессмертный боевой призыв президента Хо Ши Мина:

«Вперед!

За победами — полной победы черед!»

В назначенный час по всему фронту загремели артиллерийские залпы. При виде сполохов огня, озарявших ночной горизонт в местах, где наступали наши войска, при виде зарева, объяввшего военные базы противника вокруг Сайгона, каждому из нас казалось, что передним заря дня победы.

Генералу Ле Нгок Хиену, в ту ночь дежурившему на КП, доложили по телефону: войска 3-го армейского корпуса достигли Бакуео, войска 2-го армейского корпуса — моста через Донгнай, войска 4-го армейского корпуса — окраин Бьенхоа, войска 232-й группы — района Бахом. Таким образом, наши ударные силы уже находились на расстоянии всего 10–20 км от центра Сайгона. Остались последние километры пути, соединяющего обе части Родины, «тропу Хо Ши Мина» с городом, названным его же именем. На всех направлениях наступление велось в точном соответствии с планом операции — планом, вобравшим в себя множество тактических находок и таившим массу неожиданностей для противника вплоть до его последних дней.

Это было действительно так, потому что до последних дней противник надеялся силами своих оставшихся дивизий остановить наступление наших войск. Ставка делалась и на новых политиканов-марионеток, якобы способных склонить нас к переговорам с целью продлить существование марионеточного режима и марионеточной армии. Некоторые давно ушедшие в отставку генералы вновь появились на сайгонской сцене, каждый со своим проектом спасительных мер. В 2 часа ночи наша военная делегация с «ранчо Дэвис» в Таншоняте радировала в ставку командования операции: «Сайгонские власти направили к нам трех своих представителей с целью обсудить вопрос о возможности прекращения огня. Товарищ Во Донг Занг принял их и разъяснил нашу позицию в этом вопросе, изложенную в заявлении правительства от 26 апреля. Выслушав нас, они поднялись и стали прощаться. Мы сказали, что сейчас уходить опасно, потому что наша артиллерия обстреливает аэродром, и предложили остаться. В конце концов, все трое остались. В данный момент они находятся с нами в бомбоубежище». А тем временем заправила марионеточного режима с великим нетерпением ждали возвращения своих «посланцев» и, не видя их, впали в еще большее замешательство. За несколько часов до того, как эти трое были посланы к нашим людям в Таншонят, там уже побывала другая делегация из четырех человек и тоже попыталась поставить вопрос о прекращении огня. Наши товарищи угостили незваных гостей бананами, выращенными здесь же, на «ранчо Дэвис», и ознакомили с тем же заявлением нашего правительства от 26 апреля.

В эти последние дни апреля наша военная делегация имела возможность видеть всю невероятную спешку, смятение и загнанность американо-марионеточной клики. Еще не так давно нашим людям объявляли бойкот, против них устраивались провокации, их лишали воды и электричества и т. п. А сегодня с ними добивались встреч, перед ними заискивали. Сам американский посол Мартин просил нашу делегацию принять его. Ему отказали. Марионеточная администрация предложила специальным самолетом направить в Ханой делегацию для ведения переговоров. Мы отклонили и это предложение.

Из радиограммы, присланной товарищем Нгуен Зуй Чинем, мы узнали также о других лихорадочных дипломатических маневрах противника,

предпринимаемых с целью остановить наше генеральное наступление на Сайгон. Эти маневры сочетались с угрозами, которые Вашингтон адресовал нам через посредников. Все это побуждало нас еще больше форсировать темпы наступления, не теряя ни одной драгоценной минуты, делать все возможное для достижения скорейшей полной победы.

Перед рассветом американские информационные агентства сообщили: посол США Мартин на вертолете бежал из осажденного Сайгона. Последний негласный генерал-губернатор покинул Южный Вьетнам поспешно и без всяких церемоний, подобающих его «высокому сапу». Дело в том, что до последнего своего дня в Сайгоне Мартин пребывал в уверенности, что опекаемая им марионеточная республика может выжить, что еще можно «уладить конфликт», добиться перемирия. Поэтому он медлил с отъездом, все ожидая какого-то внезапного поворота событий, отвечающего его желаниям. Чтобы быть в курсе дел, американский наместник сам пожаловал на аэродром Таншоннят. Там он увидел, что в результате ураганных атак нашей артиллерии важнейшая авиабаза почти полностью парализована, что самолеты, предназначенные для эвакуации людей, выведены из строя. Кольцо окружения неумолимо сжималось вокруг Сайгона. Зыонг Ван Минь — новая политическая карта, на которую заокеанские заправилы в конце концов сделали ставку, — был посажен на сайгонский Олимп слишком поздно и уже не мог изменить ничего в создавшемся положении. Обо всем этом Мартин доложил в Вашингтон. Президент США Форд тотчас приказал срочно, в течение 18 часов, эвакуировать из Южного Вьетнама свыше 1000 американских граждан и более 5000 приспешников США с их семьями. Мартину было приказано покинуть Сайгон, «не медля ни минуты».

Американцы подбирали эвакуируемых с крыш 13 высотных зданий, выбранных в качестве площадок для посадки вертолетов. С приближением наших ударных колонн число этих площадок сокращалось. Американское посольство — одно из мест, где производилась эвакуация, — в эту ночь являло картину дикого беспорядка и паники. Предатели, спеша спасти свою шкуру, толпами перелезали через стены и заборы, взламывали двери, бранью, кулаками и пинками пробивали себе путь к вертолетам. Сам посол

Мартин должен был воспользоваться черным ходом, чтобы увезти с собой чемоданы.

Котту (тайная кличка Мартина) на «Леди 09» (название вертолета) покинул американское посольство в Сайгоне. Так бесславно завершилась история тридцатилетней интервенции и военных авантур США во Вьетнаме. В кульминационный момент агрессивной войны против Вьетнама Соединенные Штаты использовали 60% своей пехоты, 58% сил морской пехоты, 32% тактической и 50% стратегической авиации, 15 из 18 авианосцев, 800 тыс. солдат (включая и войска, размещенные в странах-сателлитах, принимавших участие во вьетнамской войне), более миллиона солдат марионеточной армии. 6 миллионов американцев были мобилизованы на войну, сброшено свыше 10 млн. тонн бомб, израсходовано более 300 млрд. долларов... И все-таки в конце концов американскому послу пришлось взобраться на крышу своего посольства и спастись бегством. Сегодня, вспоминая о колоссальных силах, мобилизованных противником, о темных замыслах, в которых он сам сознался, воскрешая в памяти чрезвычайно сложные ситуации и суровейшие испытания, через которые прошел корабль вьетнамской революции, мы еще яснее осознаем величие нашей победы в битве за Сайгон и за освобождение всего Южного Вьетнама.

Настало утро — какое-то необыкновенно свежее, чистое, прекрасное. Радиостанция «Голос Вьетнама» начала свой рабочий день тем, что передала в эфир текст передовой статьи газеты «Нян зан» от 30 апреля. В статье говорилось:

«Наша армия и население Сайгона-Задиня с честью выполняют тяжелую, но славную историческую миссию. Наращивая темпы наступления и поднимая восстание, они сокрушают центр и последний оплот продажного режима, служащего интересам США, завершают дело освобождения страны.

Соотечественники во всей стране обращают взоры к Сайгону-Задиню, ждут вестей о славной победе и выражают твердую веру в то, что наши бойцы и жители этого героического города непременно выполнят почетную задачу, возложенную на них Родиной».

На утреннее совещание в тот день весь состав командования операции, не договариваясь, собрался раньше назначенного времени. Все, у кого были радиоприемники, принесли их с собой. Оживленно переговариваясь, мы не отрывали взгляд от оперативной карты, на которой пятью сходящимися наподобие звезды стрелами были обозначены направления наступления наших войск. Точкой, где сходились эти стрелы, и был город, носящий имя Дяди Хо. Мы хорошо отдавали себе отчет в том, что пять наших наступающих армейских корпусов уже не просто составляли новую сумму, а создавали новое качество, новую мощнейшую силу. Мы знали, что в Ханое товарищи из Политбюро и Военного комитета при ЦК, в течение более пятидесяти минувших дней с замечательным знанием дела и талантом руководившие боевыми действиями наших вооруженных сил, сейчас также не отходили от карты Сайгона, напряженно следя за разыгрывающимися в районе этого города событиями. Нам также было хорошо известно, что в эти часы во всей нашей стране люди собирались возле карты Родины и с нетерпением ждали желанной вести о победе, чтобы нанести красную краску — краску Революции — на город, названный именем любимого вождя.

Нам передали содержание перехваченных у врага сообщений. Из особого столичного военного округа, например, сообщали частям, дислоцировавшимся в Лонгане: «Тхудык перешел в руки коммунистов. Их войска, поддерживаемые танками, подходят к Сайгону из Хокмона. Не понимаем, почему до сих пор нет никаких приказов свыше».

Бедные вояки, они же не знали, что начальник генерального штаба рано утром бежал за границу. Кораблям флота было передано сообщение о том, что командование ВМС бежало, а поэтому нечего стараться связываться с ним, а лучше попытаться установить прямую связь с флотом в открытом море.

Ход событий на поле боя с каждым часом все яснее показывал, что план операции составлен нами с тонким расчетом, а положение противника совершенно губительно. Враг знал, что главные направления нашего наступления на Сайгон — это северное и северо-западное, поэтому расположил здесь две свои дивизии — 5-ю и 25-ю. Однако он никак не мог принять решение — оборонять Сайгон на дальних подступах или стянуть силы на внутренний пояс обороны

города. Если сосредоточить войска на внешнем поясе, то не осталось бы сил для обороны города. А если отвести войска с передовых рубежей в черту города, то не удалось бы избежать паники, беспорядков и полного разгрома (уроки боев в Тайнгуене недвусмысленно говорили об этом). Как бы ни поступил враг, его неотвратно ожидал один конец — гибель, уничтожение. К утру 30 апреля обстановка уже сложилась такая, что 5-я и 25-я вражеские дивизии при всем своем желании уже не смогли бы отступить к Сайгону: наши войска плотным кольцом окружили их на внешнем поясе обороны и одновременно силами ударных группировок стремительно продвигались к городу.

25-я дивизия дислоцировалась на территории военной базы Кути, или Донгзу. Эта база была построена в 1966 году 25-й американской дивизией «Тропическая молния», переброшенной с Гавайских островов, с целью преградить нашим войскам путь к Сайгону и лишить нас плацдармов в этой пригородной зоне. Решив не дать своим солдатам бежать, командование 25-й дивизии противника выдвинуло лозунг «Стоять насмерть!» и закрыло входы на базу проволочными заграждениями. 29 апреля танковые подразделения из состава войск 3-го армейского корпуса начали штурм базы, быстро прорвались к командному пункту дивизии. Вражеское командование пустилось наутек. Парадные ворота распахнулись, солдаты и офицеры бросились бежать, перепрыгивая и перелезая через проволочные и другие заграждения и не останавливаясь даже перед минными полями. Нашим бойцам потребовалось только несколько пулеметных очередей в воздух, чтобы вынудить противника сдаться. Спасавшийся бегством командир дивизии также был пойман.

Потеря Донгзу еще больше усилила панику и смятение в рядах противника. Силы, оборонявшие северо-западные подступы к Сайгону, уже не имели путей для отхода. Воспользовавшись этим, наша 316-я дивизия из состава 3-го армейского корпуса, до этого времени блокировавшая дороги и отдельные подразделения противника, перешла в наступление, быстро захватила артиллерийские позиции в Пактао и стала продвигаться на Фьюкхиен, Шуойшау, Чаво, Бенмыонг, Баунау, Камзанг. В результате 46-й полк был полностью разгромлен и рассеян, 600 солдат взято в плен.

Усиленная 10-я дивизия, составлявшая группу прорыва 3-го армейского корпуса, 29 апреля овладела Хокмоном, казармой Куангчунг и Бакуэо, а утром 30-го одним ударом захватила перекресток Байхиен, затем быстро заняла вход № 5 на аэродроме Таншоннят и штаб воздушно-десантных войск марионеточной армии.

Утром 30 апреля 10-я дивизия начала наступление на аэродром Таншоннят. Часть сил этой дивизии совместно с войсками 1-го армейского корпуса участвовала в овладении районом расположения генерального штаба противника.

В 8.00 началась 30-минутная артиллерийская подготовка. В небо взметнулись столбы огня и дыма.

После артиллерийской подготовки бойцы 24-го полка 10-й дивизии на танках и бронетранспортерах атаковали противника, быстро заняли перекресток Байхиен и повернули в сторону аэродрома. Здесь у входа № 5 противник оказал яростное сопротивление, даже бросил против наших войск свою бомбардировочную авиацию. Непрерывно атакуя противника, наши войска в 9.30 заняли вход на аэродром. Тем временем другое подразделение из состава 10-й дивизии с боем заняло штаб воздушно-десантных войск и оттуда связалось с нашей делегацией на «ранчо Дэвис». Третье подразделение атаковало радиоцентр, штаб 5-й авиационной дивизии и штаб ВВС марионеточной армии.

В 9.30 28-й полк во взаимодействии с 24-м полком начал штурм генштаба марионеточной армии.

5-я дивизия противника, оборонявшая базу Лайкхе, расположенную на дороге № 1 в 50 км к северу от Сайгона (эта база была построена в 1965 году 1-й американской дивизией), подверглась стремительным атакам войск 1-го армейского корпуса. Потеряв связь со штабом 3-го корпусного района и видя серьезность положения в Сайгоне, командир этой дивизии бригадный генерал Ле Нгуен Ви приказал собрать все имеющиеся автомашины и срочно перебросить всю дивизию в Сайгон. Однако путь в Сайгон был уже отрезан, и дивизия вместе со своим командиром не смогла сдвинуться с места.

Одно из соединений 1-го армейского корпуса нанесло удар по базе Лайкхе. Ле Нгуен Ви покончил с собой, его помощник бежал, весь штаб 5-й дивизии противника попал в плен.

В тот же день с 5.00 до 10.00 312-я дивизия 1-го армейского корпуса разгромила и вынудила сдаться гарнизон военной базы Фулой. Он состоял из подразделений военного подокруга Биньзыонг и части сил 5-й дивизии.

Заранее определив возможные пути отхода противника, наши войска блокировали дорогу № 14 в районе Анлоя и в завязавшемся бою захватили у противника 36 автомашин и вынудили сдаться 1200 его солдат. На дороге № 13 в районе Бунг наши бойцы взяли в плен 7000 солдат противника, пытавшихся прорваться к Лайтхиеу.

К этому времени 320-я дивизия при поддержке танков и артиллерии 1-го армейского корпуса взяла штурмом Лайтхиеу и начала выдвижение к мосту Биньфыок, с раннего утра занятому и удерживаемому нашими подразделениями специального назначения. Попутно части дивизии уничтожили, вывели из строя и захватили 180 машин различных типов из состава 3-й бронекавалерийской бригады, развернули наступление в направлении расположения штабов родов войск в марионеточной армии в Говапе. Другие части этой же дивизии атаковали противника в районе мостов Биньфыок и Биньчиеу, рассеяли остатки 3-й бронекавалерийской бригады и открыли путь для нашей ударной группировки к району расположения генерального штаба марионеточной армии.

Впоследствии на полях оперативной карты, найденной в генеральном штабе противника, мы прочли недоуменный вопрос: «Где 308-я дивизия?» Это была одна из наших самых боеспособных, геройских дивизий, которой враг еще не видел на поле боя под Сайгоном. А буржуазная военная наука говорит (и марионеточный генералитет этому верил), что молчание противника — это самое страшное, что только может быть.

18-ю дивизию марионеточной армии, отходившую в Тхудык, охватил ужас, когда она вдруг обнаружила, что дорога блокирована бойцами НВСО. Командир дивизии и штабные офицеры не нашли ничего

лучшего, как переодеться и вместе с остатками разбитых войск бежать в Сайгон.

С 7.00 до 9.00 войска 4-го армейского корпуса захватили штаб 3-го корпусного района и позиции марионеточных войск в Бьенхоа, затем взломали оборону в Хонае и Тамхиепе и готовились к удару по Сайгону.

2-й армейский корпус после пополнения и перегруппировки сил и средств утром 30 апреля ввел в бой группу захвата объектов в Сайгоне. Поддерживаемая с трех огневых позиций и ведомая подразделениями специального назначения и специальными партизанскими отрядами, эта группа быстро прошла мост на реке Донгнай и нанесла удар в направлении центра Сайгона. По пути она своими огневыми средствами подавила очаги сопротивления противника в Тхудыке, севернее моста Рактиек.

В 9.30 головная группа подошла к мосту Рактиек, заблаговременно занятому подразделениями специального назначения.

Одновременно с этим передовые подразделения 232-й группы войск, наступавшие с юго-запада и юга, приближались к месту расположения штаба особого столичного военного округа и главного управления полиции.

На дороге № 4 наши войска в ходе стремительных атак полностью разгромили и рассеяли части вновь сформированной 22-й дивизии и 6-й боевой группы войск специального назначения марионеточной армии, освободили провинциальный центр Танан и заняли штаб военного подокруга Тхутхья.

Утром 30 апреля марионеточная администрация назначила на 10.00 сбор «министров» во «Дворце независимости» для приведения к присяге «нового кабинета».

Но было уже слишком поздно. К 9.25 выяснилось, что противник потерял четыре дивизии — 5, 18, 22 и 25-ю. Бригада морской пехоты и бронетанковая бригада были разбиты в пух и прах. Войска НВСО штурмовали Таншоннят и генеральный штаб марионеточной армии, танки НВСО перешли через мосты на реке Сайгон, отрезали Сайгон от

4-го корпусного района в дельте Меконга. Убедившись, что у них в руках практически не осталось никаких сил, главари марионеточного режима были вынуждены устами «президента» Зыонг Ван Миня просить о прекращении огня. Заявление «президента» было составлено и записано на пленку в самом «Дворце независимости», затем отослано на радио для передачи в эфир.

В то время как члены последнего марионеточного кабинета, сколоченного американскими неокolonизаторами, сидели растерянные в зале заседаний, дверь внезапно распахнулась. Собравшиеся поднялись со своих мест, думая, что это пришли солдаты НВСО. Однако вошедшим оказался французский генерал Ванюсем. Приехав во «Дворец независимости», генерал тотчас направился в зал, где находились члены кабинета, и приказал не отсылать пленку с записью заявления «президента». Затем он отозвал в сторону самого Зыонг Ван Миня и изложил задуманный план срыва нашего наступления на Сайгон.

Трюки, предложенные Ванюсемом, были смехотворны, и сам его поступок представлял собой вопиющую наглость, однако уже ничем нельзя было спасти положение. Пленку все-таки отправили на сайгонское радио, которое тотчас же на всех волнах передало заявление марионеточного «президента». Последний предлагал «прекратить огонь... чтобы вместе обсудить вопрос о передаче власти». Даже в эти последние свои минуты враг пускался на различные хитрости, чтобы остановить победное шествие нашей армии.

В этой обстановке Политбюро ЦК партии немедленно приказало войскам Сайгонского фронта:

«Продолжать наступление на Сайгон в точном соответствии с планом. Демонстрируя неукротимый наступательный дух и мощь, освободить и занять весь город, разоружить вражеские войска, распустить все органы марионеточной власти, беспощадно подавлять любое сопротивление противника».

Командование операции «Хо Ши Мин» после коллективного обсуждения разослало всем военным округам, армейским корпусам, частям и подразделениям наступающих войск следующий приказ:

«1. Войскам военных округов, армейских корпусов, всем частям и подразделениям продолжать стремительно атаковать намеченные районы и объекты в городе и за его пределами.

2. Призывать личный состав армии противника капитулировать и сдавать все имеющееся оружие, арестовывать и доставлять в назначенные районы офицеров среднего и высшего звена армии противника.

3. Без промедления ликвидировать все очаги сопротивления противника».

И до получения приказа, услышав просьбу противника прекратить огонь, наши войска на всех направлениях продолжали наступать на Сайгон, час от часу увеличивая темпы наступления. Наши бойцы говорили друг другу: «Никакого прекращения огня. Будем добивать врага. Такая возможность выпадает один раз в тысячелетие». Нам было очень приятно наблюдать у солдат такую политическую зрелость и чутье, такую железную волю к победе, такую дисциплинированность и высокое чувство ответственности за судьбу нации, такое строгое выполнение стратегических замыслов Политбюро.

Самым новым и удивительным в этой исторической битве было как раз то, что зарождалось и зрело в сердцах наших командиров и бойцов. Что вызвало к жизни такой могучий наступательный порыв, такую всепокрушающую боевую решимость нашей армии в военной кампании этого года? Что обеспечило одинаково ясное понимание всеми нашими воинами больших замыслов партии, важности наступающего исторического момента, необычных, никогда ранее не встречавшихся тактических приемов, применяемых командованием? Чем объяснить необыкновенную отвагу и оперативность, острейший политический ум, которые проявились во всех действиях наших вооруженных сил на этом последнем этапе войны?

Все эти замечательные качества нашей армии не выкристаллизовались в один день. Они явились результатом длительной, непрерывной политической и организаторской работы, которую вела наша партия в вооруженных силах. В течение всех этих тридцати огненных лет разве хотя бы одна боевая операция проходила без того, чтобы наши солдаты не чувствовали, не сознавали умом и сердцем, что Дядя Хо вместе с ними идет в бой? В этом году, в последнем решающем сражении, вся наша армия и каждый ее солдат ощущали в себе необыкновенную силу, рождавшуюся из сознания того, что они участвуют в операции, носящей имя Хо Ши Мина — великого и любимого вождя, гордости и славы нации, олицетворения ее жизненных идеалов и неодолимой мощи. В нескончаемых потоках войск, со всех сторон стремительно двигавшихся к городу Хо Ши Мина, каждый боец нес с собой надежды и любовь Родины-матери. Каждый боец Освобождения видел воочию великую энергию подъема Родины, копившуюся годами и десятилетиями, и сам обладал таким могучим зарядом этой энергии, что никакая сила не могла остановить его победное шествие.

Пять наших ударных группировок в высоком темпе наступали к пяти главным объектам, чтобы затем оттуда растечься по городу. Всюду, где появлялись наши войска, расплескивалось море алых знамен. Народ высыпал на улицы, восторженно приветствуя своих освободителей. В Сайгон пришел праздник. От моста Биньфыок до Куанче население с флагами, барабанами, колотушками, рупорами в руках гналось за убегающими солдатами марионеточной армии, разоружало их, расправлялось с отъявленными предателями, показывало дорогу нашим воинским частям. То же самое происходило в Хокмоне. Везде наши люди через громкоговорители призывали солдат и офицеров противника бросать оружие и сдаваться. Мирные жители города, в первую очередь рабочие, вызвались охранять за бойцов НВСО заводы и фабрики, склады и другие объекты. В пригородных уездах Биньхоа, Тханьмитэй, Фунюан, Говап, Тхудык и др. подпольщики вместе с населением распространяли листовки, проводили митинги, вывешивали в общественных местах флаги НФО, вылавливали предателей, призывали военнотружущих марионеточной армии сложить оружие, снабжали наши войска продуктами, питьем и показывали им дорогу. Таким образом, вместе с

большой армией Освобождения вступили в Сайгон и овладели людскими сердцами великая справедливость борющегося народа и гуманная политика революционной власти. Мы были несказанно рады узнать, что население Сайгона поднялось на борьбу, после того как наступление наших войск создало для этого благоприятные условия. Народные массы вступили в решающее сражение в подходящий момент — не слишком рано и не слишком поздно. Патриотические действия населения, создававшие революционную атмосферу на улицах города, — фактор большого значения. Это было самое ценное, что дало движение масс в Сайгоне-Задине, вместе с тем это явилось результатом большой пропагандистской, воспитательной, организаторской работы, результатом многолетней закалки в суровой школе революционной борьбы, которую прошла городская партийная организация. Политическая армия масс, поддерживаемая соединениями регулярных войск, вступая в борьбу в подходящий момент и действуя решительно, умело и с отвагой, может совершать скачки в своем развитии и выковать большую наступательную мощь. Ведь население Сайгона не только с флагами и угощениями вышло встречать армию Освобождения, но и внесло вклад в разгром значительных сил противника, вынудило многих военнослужащих марионеточной армии сложить оружие, поймало многих предателей, пытавшихся скрыться, обеспечило охрану порядка и безопасности в огромном городе. И мы никогда не забудем трогательных образов тысяч и тысяч сайгонцев, которые с энтузиазмом показывали дорогу вступающим в город частям НВСО и вели их за собой, помогая как можно быстрее овладеть вражескими позициями. Эти безымянные герои Сайгона-Задина обогатили эпопею генерального наступления живыми и прекрасными чертами народной войны.

На оперативной карте начали появляться долгожданные «распускающиеся бутоны лотоса». Это были обозначения пяти уже захваченных важнейших объектов с расходящимися от них стрелами, отмечающими направления движения наших войск. 1-й армейский корпус овладел районами расположения генерального штаба и штабов родов войск. Войска 3-го армейского корпуса заняли аэродром Таншоннят и встретились с нашим боевым подразделением, уже давно находившимся здесь, — с нашей военной делегацией. 4-й армейский корпус захватил район расположения министерства

обороны сайгонского режима, порт Батьданг и радиостанцию. 232-я группа войск заняла район, где находились штаб особого столичного военного округа и главное управление полиции. Войска 2-го армейского корпуса заняли «Дворец независимости» — логово самых ярых врагов Родины и народа, где продавалась национальная независимость, торговали человеческой кровью, вели контрабандные операции. Подъехав на танках, наши бойцы стремительно поднялись на второй этаж, где заседал марионеточный кабинет, и арестовали на месте всех главарей центральной марионеточной администрации, в том числе и «президента». Действовали они гибко и оперативно, умело вели разъяснительную работу и вообще держались, как подобает держаться победителям. В 11.30 30 апреля 1975 года флаг революции взвился над «Дворцом независимости». Резиденция «президента» марионеточного режима стала местом встречи ударных группировок НВСО.

На нашем КП все включили свои радиоприемники, настроенные на волны сайгонской радиостанции, и стали с нетерпением ждать важнейшего сообщения. И вот наконец послышался голос марионеточного «президента». Он объявил о полной и безоговорочной капитуляции марионеточной республики. Сайгон полностью освобожден! Победа! Мы одержали полную победу! От радости все вскочили со своих мест, закричали, бросились друг друга обнимать и качать. Тесная землянка наполнилась веселым шумом: аплодисментами, смехом, ликующими возгласами — впечатление было такое, как будто к нам вдруг ворвалась весна. Счастливое, блаженное состояние, невыразимое словами! Товарищи Ле Дык Тхо и Фам Хунг сердечно обнялись со мной и со всеми присутствовавшими офицерами и бойцами. От избытка чувств к горлу то и дело подкатывал комок. Я зажег сигарету и закурил. Динь Дык Тхиен со слезами на глазах сказал: «Ну вот, теперь можно умереть со спокойной душой». Такие чудесные мгновения, такие священные исторические минуты выпадают один раз в жизни человека и даже в жизни многих поколений. Мы знали многие замечательные мгновения победы, но ни одно утро не было таким прекрасным, ярким, чистым и свежим, напоенным ароматом, как это утро полной победы. В такие часы поистине дети растут быстрее, а старики молодеют.

Политбюро радивало нам: «Получили известие о водружении нашего флага над «Дворцом независимости». Поздравляем с великой победой! Политбюро радо и счастливо». Минуту спустя по телефону до нас донесли живые голоса из сердца нашей Родины — Ханоя: «Поздравляем с великой победой! Вы слышите петарды? По всему Ханю взрывают петарды!»

Весь Ханой вышел на улицы. Люди сжигали петарды, бросали в воздух цветы, махали флажками. Героический Ханой — столица всей нашей страны, где покоится вечным сном Дядя Хо и где работает великий коллективный ум нашей партии, — вместе со всей нацией сотворил эту победу. Море людей на площадях, реки людей текли по улицам, и везде песни, смех, гомон ликования. Вся страна вышла на улицы и дороги, чтобы подышать воздухом полной победы. Вся страна радовалась наступлению подлинного мира после 30 лет войны, радовалась тому, что пришел конец трагедии разделенной на части Родины, страданиям разлученных семей.

Весь наш народ, за исключением горстки предателей, был преисполнен гордости и воодушевления, весь народ пел песнь полной победы. Никогда лица наших соотечественников не были так прекрасны, как в тот день. Наш героический народ был достоин этой исторической победы. Этот великий подвиг был совершен ценой его неимоверного труда и колоссальных жертв. Отныне наша Родина будет в веках единой, мир воцарится настоящий и прочный, независимость будет полной. Соберутся родные и близкие, столько лет находившиеся в разлуке, соберется единой семьей весь наш народ.

Товарищ Во Суан Шанг, мой ординарец, фотограф-любитель, запечатлел на пленку картину невиданного веселья и ликования в нашей ставке в первые минуты после получения известия о полной победе. От радости мы забыли о еде и сне. Мы плакали. Да, эти слезы мы проливали впервые в день, ради которого отдавали свои жизни, сражались со всем жаром сердец, с полным сознанием своего долга перед несколькими поколениями вьетнамцев.

Первыми нашими мыслями в эти минуты были мысли о дорогом, любимом Дяде Хо, с именем которого неразрывно связана эта

великая историческая битва и все победы нашего народа. Наша армия и наш народ счастливы доложить Вам, Дядя Хо, что Ваши указания выполнены самым лучшим образом. Сегодня в Вашем свайном домике по-прежнему звенит колокольчик, возвещающая о победе на фронте, звуки победной трубы доносятся до Вас через открытое окно и отдаются звонким эхом в Ваших стихах, мы видим отеческий жест Ваших рук, стремящихся заключить нас всех в свои объятия, мы видим Вас на нашем празднике победы, как Вы с дирижерской палочкой в руке управляете многомиллионным хором.

* * *

Откинувшись на спинки стульев, мы с товарищами Ле Дык Тхо и Фам Хунгом долго смотрели на разостланную на столе карту города Хошимин. Мы думали о том, как много неотложных дел было в Сайгоне. По-прежнему ли город обеспечен водой и электричеством? Как быть с более чем миллионом солдат марионеточной армии, разбежавшихся по городу и его окрестностям? Как помочь голодающим и найти работу сотням тысяч безработных? Какие виды промышленного сырья следует попросить наш Центральный Комитет срочно отправить на Юг, чтобы могли работать заводы и фабрики в Сайгоне? Как по возможности быстро создать на местах органы революционной власти? Какую политику следует проводить в отношении буржуазии? И как вывести Южный Вьетнам на путь социализма? Окончание одной битвы означает начало другой, не менее сложной и суровой. Трудности были огромные, но имелось немало и благоприятных факторов. Сайгон и весь Южный Вьетнам, вступившие в бой первыми и пришедшие к победе последними, были достойны мирной, обеспеченной и счастливой жизни.

Освобождение Сайгона-Задия создало условия для того, чтобы вынудить войска 4-го корпусного района капитулировать и освободить оставшуюся часть дельты Меконга. Еще в начале апреля Южновьетнамское бюро партии и командование вооруженных сил Юга дали директиву зонам и провинциям дельты срочно подготовиться к тому, чтобы одновременно с операцией по освобождению Сайгона-Задия развернуть генеральное наступление и поднять всеобщее восстание. В директиве конкретно указывалось, что наступление и восстание должны начаться 29 апреля, причем общий принцип был

таков, что каждая зона, каждая провинция, каждый уезд и каждая община должны были добиться своего освобождения собственными силами. Однако по указанию Политбюро и Военного комитета при ЦК командование операции «Хо Ши Мин» планировало после освобождения Сайгона выделить часть сил и средств для наступления в дельту Меконга и разгрома противника в его 4-м корпусном районе, если он еще будет оказывать сопротивление.

Во всех провинциях в дельте Меконга боевые действия и восстание начались в точном соответствии с планом.

Собственно, и до операции «Хо Ши Мин» с начала сухого сезона такие действия неоднократно предпринимались вооруженными формированиями и населением данного района, где, как ни в каком другом районе Юга, противник крупными силами проводил жесточайшие операции по «умиротворению». В результате патриотам удалось значительно укрепить свои позиции и развить свою мощь, нанести серьезный урон силам 4-го корпусного района.

Освобожденная территория неуклонно расширялась, все меньше становилась зона, контролируемая марионеточным режимом, резервы противника истощались. Наши же силы заметно окрепли, и мы уже находились вблизи важнейших объектов врага. Общественно-политические силы значительно упрочились и, организованные в различные отряды и группы, в состоянии готовности ждали благоприятного момента и сигналов, чтобы подняться на борьбу.

В ночь на 30 апреля, когда в операции «Хо Ши Мин» начался этап штурма центральной части Сайгона, регулярные войска 8-го и 9-го военных округов во взаимодействии с местными формированиями, отрядами партизан и ополченцев окружили города Митхо и Кантхо и перерезали во многих местах дорогу № 4. После освобождения Сайгона, используя крайнее замешательство и организационное разложение противника, вооруженные силы этих военных округов под непосредственным руководством местных партийных организаций повсеместно перешли в наступление и при поддержке восставших народных масс освободили города, заняли крупные военные базы, уездные центры, всю систему вражеских укрепленных пунктов, разгромили аппарат марионеточного режима в общинах, уездах и провинции, освободили всю дельту Меконга, а затем с молниеносной

быстротой очистили от врага и острова. Действия наших войск и восставшего населения были необычайно многообразны по форме и носили творческий характер.

Последние часы противника в 4-м корпусном районе были поистине трагическими.

Враг имел здесь три дивизии регулярной армии — 7, 9 и 21-ю, а также приданные им подразделения бронетанковых войск, артиллерии и речного флота и отряды сил «безопасности» и «гражданской обороны». 21-я дивизия в основном выполняла задачи обороны штаба 4-го корпусного района в Кантхо. Утром 30 апреля дивизия упорно отражала атаки наших войск на внешнем поясе обороны. Даже после того как «президент» объявил о капитуляции, командующий 4-м корпусным районом генерал-майор Нгуен Кхоа Нам упрямо требовал от своих войск: «Соблюдать статус-кво, на атаки отвечать контратаками». В 16.00 того же дня Нгуен Кхоа Нам вызвал к себе на совещание командира 21-й дивизии бригадного генерала Мак Ван Чыонга, чтобы попытаться найти какие-то новые способы противодействия нашему наступлению. Однако под усиливавшимся час от часу натиском нашей армии солдаты 31, 32 и 33-го полков вместе с большинством офицеров штаба дивизии самовольно бросили оружие, сняли с себя военную форму и разбежались по домам. Оставшаяся группа старших офицеров сдалась в 20.00 того же дня.

7-я дивизия марионеточной армии предпринимала попытки деблокировать дорогу № 4. Командир дивизии бригадный генерал Чан Ван Хай, узнав о занятии нами Сайгона, немедленно вызвал своих подчиненных на совещание на базу Донгтам (Митхо). А в это время солдаты дивизии уже бросали свои посты и расходились по домам. К вечеру офицеры дивизии также разбежались. В отчаянии Чан Ван Хай покончил жизнь самоубийством. 7-я дивизия, самое сильное соединение 4-го корпусного района, прекратила свое существование.

9-я дивизия под командованием бригадного генерала Хюинь Ван Лака утром 30 апреля также пыталась деблокировать дорогу № 4 в районе Лонгана. Однако, после того как Зыонг Ван Минь объявил о капитуляции, видя всеокрушающую мощь нашего наступления и

восстания, солдаты и офицеры дивизии окончательно пали духом и разбежались. К 4.00 1 мая 9-й дивизии не стало.

Когда под неудержимым натиском вооруженных формирований и населения дельты Меконга 4-й корпусной район распался как картонный домик, генералам, командовавшим войсками в этом районе, не осталось ничего другого, как сдаться в плен, или попытаться спастись бегством, или покончить с собой.

Мы приступили к погрузке на военные корабли танков и артиллерийских орудий, готовясь к бою за освобождение Пуло-Кондора, первому бою, который предполагалось провести объединенными усилиями сухопутных войск, военно-морского флота и авиации. Однако корабли еще не успели отчалить от берега, как пришло известие, что заключенные пулокондорских тюрем восстали и освободили остров. Командование 9-го военного округа распорядилось выделить дополнительные силы для скорейшего освобождения острова Фукуок. Кораблям ВМФ было приказано доставить с островов на большую землю всех находившихся в заточении патриотов.

1 мая командование операции «Хо Ши Мин» отметило полное освобождение Юга и Международный день солидарности трудящихся. На столе появились конфеты, бисквиты, сладкие напитки. Заметив бутылку вина, товарищ Фан Хунг с веселым удивлением спросил, откуда она взялась. Товарищ Динь Дык Тхиен открыл «секрет»:

— Сегодня заодно отмечается и день рождения товарища Ван Тиен Зунга. Эту бутылку ему прислали из «тыла». Помнишь, как три года назад, 1 мая 1972 года, мы с тобой пили такое же вино в Куангчи?

Посреди рожи, вблизи мест, где еще вчера проходила линия фронта и где сегодня воцарилась тишина, возвещающая наступление весны в истории Отечества, товарищ Фам Хунг с радостной улыбкой предложил тост за великую победу, которую мы только что завоевали, за победу, честь которой по праву принадлежит президенту Хо Ши Мину, нашей героической партии, ее Центральному Комитету и Политбюро ЦК, доблестным вооруженным силам нашей страны, всему нашему великому и героическому народу! Слава этой победы

принадлежит и героям, павшим за независимость и свободу нашей Родины, за ее социалистическое будущее!

Мы сели в машины и поехали в Сайгон. Дорога проходила через районы, столь многим пожертвовавшие для освобождения Сайгона: Чангбанг, Кути, Хокмон, Бадием (два последних являлись нашими базовыми районами с самых времен основания партии). На дорогах, в деревнях, на городских улицах нигде не было видно того «моря крови», которым враги пугали наших соотечественников-южан. Зато всюду можно было видеть море людей, с сияющими лицами приветствовавших приход мира, приход революции. Это море людей, сливавшееся с нескончаемыми колоннами наших войск, само являлось вестником полной победы. По обочинам дорог еще валялось брошенное противником военное обмундирование, оружие, боеприпасы, автомашины. Это были не просто следы разгрома армии, это — вещественные свидетельства банкротства реакционной политической доктрины — доктрины империалистов, кичащихся своим богатством и исповедующих слепой культ оружия. И что за ирония: на каждой бывшей военной базе противника, в каждой казарме бросался в глаза один и тот же лозунг, выведенный крупными, рельефными либо окрашенными в яркие цвета буквами: «Честь — Ответственность — Отечество». Чего у врага абсолютно не было, о том он громче всего и кричал на всех углах.

Дороги в Сайгон все до единой отличные — ведь их строили американцы прежде всего для переброски войск. Военные базы и склады поражали своими огромными размерами. Многоэтажные здания банков, штаб-квартиры американских войск, гостиницы — все имело очень внушительный вид и должно было служить наглядной рекламой могущества американского неокOLONиализма, который намеревался обосноваться здесь прочно, надолго. В 1968 году Уэстморленд хвастливо заверял весь мир: «Мы останемся в Южном Вьетнаме навсегда. Наши бомбы и снаряды подтвердят это». Но реальная действительность подтвердила обратное.

Мы приехали к зданию генерального штаба марионеточной армии. Здесь, как и в главном управлении полиции, сохранилась в целости вся секретная документация противника. Современная электронно-вычислительная машина, хранившая в своей памяти анкетные данные

на более чем миллион офицеров и солдат марионеточного режима, продолжала работать. Даже ЭВМ не помогли Вашингтону и его ставленникам победить в этой войне. Победили живой ум и воля к свободе нашего народа.

От здания генерального штаба мы поехали на «ранчо Дэвис» на аэродроме Таншоннят. В комнате, где раньше наша делегация проводила пресс-конференции, товарищ Хо Суан Ань организовал первое после победы совещание командования операции «Хо Ши Мин» с командирами и политкомиссарами 1, 2, 3, 4-го армейских корпусов, 232-й и 559-й групп. На совещании определялись конкретные задачи каждого армейского корпуса, каждого соединения на период военного правления в Сайгоне, а также распределялись обязанности по управлению различными военными объектами, оставленными противником.

Еще семнадцать дней назад, обсуждая с командованием армейских корпусов возлагаемые на них боевые задачи, связанные с вступлением в управление городом, мы могли только указывать на карту. А сегодня мы уже сидели в самом Сайгоне и могли видеть все своими глазами, обсуждать задачи и отдавать приказание на месте. Один товарищ воскликнул: «Как быстро свершилось! Прекраснее, чем в любой мечте!»

Несколькими днями позже из Ханоя к нам в Сайгон на самолете прибыли товарищи Ле Зуан и Во Нгуен Зиап. Самолет совершил посадку на аэродроме Таншоннят. При ярчайшем свете майского солнца — солнца города Хошимин — глубокоуважаемый и горячо любимый Первый секретарь ЦК нашей партии сошел с трапа. Мы видели, как он несколько раз поднес к глазам платок, чтобы вытереть наворачившиеся слезы. Долгие суровые годы ведя революционную деятельность в Южном Вьетнаме, товарищ Ле Зуан, как никто другой, понимал все значение сегодняшней нашей великой победы. Он сердечно обнялся с товарищами Ле Дык Тхо, Фам Хунгом, Чан Куок Хоаном, с членами Южновьетнамского бюро ЦК, со мной и всеми, кто приехал его встретить, объявил нам благодарность за проделанную работу и напомнил о многих важнейших делах, которые еще ждут нас впереди.

На праздник победы в Сайгон прибыл сам президент Тон Дык Тханг во главе делегации Северного Вьетнама. На аэродроме Таншоннят его встречали товарищи Ле Дык Тхо, Фам Хунг, члены Южновьетнамского бюро ЦК партии, председатель Центрального Комитета Национального фронта освобождения Южного Вьетнама Нгуен Хью Тхо, председатель Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам Хюинь Тан Фат, руководители Союза национальных, демократических и миролюбивых сил Вьетнама, другие общественные деятели и многочисленные представители населения Сайгона с цветами и с флажками в руках. Мы с товарищами Ле Дык Тхо и Хоан Куок Вьетом входили в состав северовьетнамской делегации. Как только подрулил самолет, мы под радостные возгласы собравшихся поднялись в салон, чтобы приветствовать Дядю Тона. Я обратился к нему, вскинув руку к козырьку и приняв стойку «смирно»:

— Товарищ президент, разрешите доложить: народные вооруженные силы Вьетнама выполнили задание — освободили Сайгон, освободили весь Южный Вьетнам.

При этих словах к горлу подкатил комок, и я больше не мог ничего сказать. Увидев Дядю Тона, я тотчас вспомнил о Дяде Хо. Очень жаль, что в эти дни, когда наша Родина познала славу победы, а Юг — счастье освобождения, с нами не было Дяди Хо. Он всю жизнь, до последних своих минут, жил мыслью о Юге. Помню, в 1969 году перед моей поездкой в одну из братских социалистических стран Хо Ши Мин посоветовал мне не забыть навестить юных южновьетнамских партизанок, которые тогда лечились в этой стране. Одной из них — Киен враги отрубили ногу. По возвращении на Родину, 7 августа 1969 года, я был приглашен на ужин к Дяде Хо и Дяде Тону. Я передал товарищу Хо Ши Мину письма от двух партизанок, рассказал о состоянии их здоровья, показал снимки, на которых сфотографировался вместе с ними. Дядя Хо был доволен моим рассказом. Всю жизнь мысль о Юге, о страдающих соотечественниках не давала ему покоя. Сейчас ночь миновала, над страной занялся новый, беззакатный день. Наши соотечественники-южане уже не могли встретить и принять у себя Дядю Хо. Но его воля и идеи будут

жить вечно в нашем народе, в нашей стране, будут всегда воспламенять сердца вьетнамцев.

После торжеств по случаю победы и дня рождения президента Хо Ши Мина (они состоялись на площади перед «Дворцом независимости», где ныне размещается военно-административный комитет Сайгона) командование операции «Хо Ши Мин» в полном составе, командиры соединений и частей, участвовавших в операции, собрались в Далате для предварительного подведения итогов кампании. Майская погода в Далате напоминает осень в Ханое. С тех пор как Политбюро поставило вопрос о подготовке генерального наступления и всеобщего восстания, прошло ровно пять месяцев.

Наше совещание проходило в крупнейшем отеле Далата — «Палас», с балконов которого открывается чудесный вид на озеро Суанхьонг и центральный район города. Здесь 29 лет назад на переговорах с нами французские колонизаторы упорно добивались отчуждения от Вьетнама Намбо и восстановления там французского колониального господства в подновленной форме. Сегодня в этой же гостинице собрались представители всех соединений и частей вьетнамской Народной армии, одержавших победу в исторической операции «Хо Ши Мин» и принесших стране мир, независимость и единство. Боевые друзья, сражавшиеся плечом к плечу, участвовавшие в единой, тщательно подготовленной наступательной операции, обеспечившие ее успех, сегодня впервые встретились в таком широком кругу. Счастливые лица, радостные приветствия, крепкие рукопожатия. Я глядел на этих милых моему сердцу товарищей по оружию — и в памяти оживали телефонные разговоры, строки радиogramм и письменных донесений, оживали минуты крайнего напряжения сил, тревоги, заботы, волнения, радости, восторги, которых было так много на протяжении этих нескольких месяцев непрерывного наступления на врага.

От имени командования операции совещание открыл политкомиссар товарищ Фам Хунг. Он сказал: «Победоносная операция «Хо Ши Мин» явилась кульминационным моментом нашего всесокрушающего генерального наступления и восстания, начавшихся в первой декаде марта и завершившихся 30 апреля этого года. В ходе этой операции мы в считанные дни сокрушили врага в его последнем логове,

освободили город, носящий имя президента Хо Ши Мина, уничтожили, рассеяли и взяли в плен все силы противника в 3-м и 4-м корпусных районах, включая стратегические резервы различных видов вооруженных сил и родов войск, а также соединения регулярных войск и подразделения местных формирований, захватили все имевшееся у врага оружие, заняли все морские порты, аэродромы, склады, полностью свергли аппарат марионеточной власти, привели генеральное наступление и восстание во всем Южном Вьетнаме к полной победе, завершив тем самым выполнение исторической задачи национальной народно-демократической революции во всей нашей стране.

Если раньше своей победой в битве под Дьенбьенфу мы нанесли поражение французским колонизаторам, то сегодня победой в операции «Хо Ши Мин» мы положили конец неокOLONиалистскому господству США во Вьетнаме, успешно и полностью выполнив священное завещание президента Хо Ши Мина.

После полувековой борьбы, считая со дня создания партии, во всей нашей стране завершилась национальная народно-демократическая революция. Эта победа создала благоприятные условия для построения нашим народом мирного, единого, независимого, демократического и процветающего государства, для внесения вклада в сохранение мира в Юго-Восточной Азии и во всем мире».

Товарищ Ле Дык Тхо в своем выступлении от имени Политбюро ЦК партии объявил нашим вооруженным силам и населению горячую благодарность за одержанную великую победу. Он глубоко и всесторонне проанализировал значение и причины успеха генерального наступления и всеобщего восстания весной 1975 года в целом и исторической операции «Хо Ши Мин» в частности. Мысли Ле Дык Тхо сводились примерно к следующему.

Мы победили в силу многих факторов, но из них самым главным, основным, решающим является правильное, талантливое руководство со стороны партии. Наша победа стала возможной также благодаря традициям патриотизма и сплоченности нашего народа, благодаря беззаветному героизму народных вооруженных сил, благодаря

помощи братских социалистических стран и всех наших друзей в мире.

В своей организаторской и направляющей деятельности Политбюро, Военный комитет при ЦК с огромным знанием дела, необычайной остротой аналитической мысли, чутьем и дальновидностью руководили генеральным наступлением и восстанием. Одержанная победа стала результатом длительной, 30-летней войны Соппротивления, которую вела вся наша страна. Эти 30 лет дали всем нам, особенно нашим вооруженным силам, хорошую закалку, оставили богатый и ценный опыт. Победа Августовской революции создала предпосылки для завоевания победы в антифранцузской войне Соппротивления. Победа в антифранцузском Соппротивлении создала условия для превращения Севера в прочную базу революции во всей стране и достижения победы в борьбе против агрессии США. Изгнав из страны войска агрессора, мы подготовили почву для свержения клики марионеток. Генеральное наступление и восстание доказали непрерывность наших усилий и их направленность на достижение полной и окончательной победы.

Освобождение Буонметхуота явилось началом стратегического прорыва. Последовавшее за этим полное освобождение Тайнгуэна привело к коренному перелому в войне, облегчило нам разгром вражеских войск в Хюэ, Дананге и во всем 5-м военном округе, помогло сорвать вражеский стратегический план стягивания сил. Победы в Тайнгуэне, Хюэ, Дананге и во всем 5-м военном округе одновременно с носившими характер цепной реакции наступательными действиями наших войск и восстаниями населения в горных районах и в сельской местности Намбо создали чрезвычайно благоприятные предпосылки для завоевания победы в последнем решающем сражении — в операции «Хо Ши Мин».

За годы антиамериканской войны мы неоднократно готовили врагу неприятные сюрпризы. После подписания Парижского соглашения Киссинджер говорил нашим представителям: в этой войне американцы были застигнуты врасплох дважды. Первый раз в 1971 году, во время операции в районе дороги № 9, Южный Лаос. Они тогда никак не ожидали, что мы можем так быстро перебросить в этот район войска и что наши противовоздушные силы здесь так

многочисленны и сильны. Второй раз — в 1972 году, когда американцы и в мыслях не допускали, что мы можем перебросить свои танки к самому Анлоку (ведь это так далеко от Ханоя!). Но в 1972 году мы ввели танки в бой не только под Анлоком, но и в других районах. И вообще американцы были застигнуты врасплох не два раза, а гораздо чаще. Разве наше наступление в новогодние дни Тэт Маутхан не явилось для них полной неожиданностью? Мы тогда нанесли им такой урон, что они должны были изменить всю свою стратегию. Успешное отражение налетов американских В-52 на Северный Вьетнам также было во всех отношениях неожиданным для агрессора. Он рассчитывал раздавить нас, а вместо этого сам оказался битым. Эта победа здорово упрочила наши позиции на переговорах в Париже. В ходе генерального наступления и восстания 1975 года мы также создали для противника много неожиданных ситуаций. Но самой большой неожиданностью для американских империалистов в конце концов оказались итоги их вмешательства в войну в Южном Вьетнаме. Это была поистине роковая ошибка, стратегический просчет США.

Американские империалисты упрямы и должны пожинать горькие плоды своей неразумной политики. Сразу же после подписания Парижского соглашения и при новой встрече в Париже в июле 1973 года мы без обиняков сказали Киссинджеру:

«Не кто иной, как США серьезно нарушают Парижское соглашение по Вьетнаму, продолжают неокOLONиальную агрессивную войну. Умышленно и беззастенчиво срывая выполнение соглашения, крайне неразумно требовать, чтобы другая сторона строго его соблюдала и выполняла. Мы не будем сидеть сложа руки и смотреть, как вы нарушаете соглашение, не позволим вам делать все, что вам захочется. Мы никогда не согласимся занять пассивную оборону. Перед лицом нарушений Соединенными Штатами достигнутых договоренностей мы оставляем за собой право на свободу действий».

Вот о чем мы давно предупреждали Вашингтон. Но империалисты США и их лакеи по-прежнему продолжали систематически нарушать соглашение, с каждым днем усиливали войну, форсировали карательные операции и репрессии против населения Южного Вьетнама.

Ленин учил революционеров: после победы следует всячески избегать упоения победой. Упоение приводит к самодовольству, к утрате бдительности. Американский империализм потерпел поражение во Вьетнаме, но еще не расстался с темными замыслами в отношении нашей страны. Вместе с другими реакционными силами он будет искать пути подрыва революционных завоеваний нашего народа. Его агенты будут всячески пытаться втереться в наши ряды, будут яростно противодействовать нам. Поэтому мы должны соблюдать высокую бдительность, должны создать прочную и мощную систему национальной обороны, создать могучую армию, готовую в любую минуту вступить в бой с агрессором и защитить Отечество.

Кроме того, мы должны всячески избегать чванства, зазнайства и карьеризма. Как совершенно правильно отмечал товарищ Ле Зуан, честь победы принадлежит партии, великому президенту Хо Ши Мину, народу и его героическим вооруженным силам, бойцам, павшим смертью храбрых за Родину. Честь победы принадлежит всей стране, а не какому-нибудь отдельному человеку, отдельному коллективу или району. Сила, принесшая победу, — это сила всей страны, всех людей и всех семей, сила патриотизма и социалистических идеалов.

Товарищ Ле Дык Тхо глубоко проанализировал своеобразие нашего вьетнамского военного искусства, особенно искусства организации и ведения военных кампаний и крупных операций, ярко проявившегося в битве за Сайгон.

Затем я выступил с докладом, в котором в предварительном порядке подвел итоги операции «Хо Ши Мин». И мне, докладчику, и всем собравшимся было совершенно ясно, что в ходе последнего сражения наша партия, наши вооруженные силы и наш народ проявили массу творческой инициативы, накопили большой, весьма самобытный и ценный опыт, который, после того как он будет в полном объеме изучен и обобщен, несомненно, существенно обогатит вьетнамскую военную науку, поднимет на новую ступень развития наше военное искусство, что будет способствовать успешному созданию современной регулярной революционной армии, способной защитить национальную независимость, мир и социалистическое строительство в родной стране и с честью выполнять свой интернациональный долг

революционной армии, возвращенной подлинной марксистско-ленинской партией — всепобеждающей Партией трудящихся Вьетнама.

Полная и окончательная победа в генеральном наступлении и восстании весной 1975 года является самой великой, самой славной победой в четырехтысячелетней истории строительства и защиты нашей Родины. Она открыла новую, многообещающую эру в жизни нашего народа, нашей страны.

Историческая, эпохальная победа была достигнута в необычайно короткий срок. Может быть, это произошло потому, что империалисты США допустили ошибку, ни с того ни с сего выйдя из войны, которая сулила им так много выгод, а теперь, после проигрыша, оставляет Соединенным Штатам такие тяжелые и длительные последствия в самых различных областях? Или это случилось из-за неожиданных просчетов главарей марионеточной администрации и марионеточной армии, так что колоссальная военная машина с более чем миллионом солдат, создававшаяся в течение двадцати с лишним лет, вдруг отказала и была разбита, уничтожена за каких-нибудь неполных два месяца? Нет, это было не так. Поражение противника носило закономерный, неизбежный характер и было подготовлено им самим. Наша стратегия и тактика, расстановка сил и методы ведения боя предусмотренные нами, поставили врага в такое положение, при котором он не мог ни наступать, ни отступить, не в силах был изменить ничего в создавшейся обстановке и, таким образом, был обречен на полное поражение.

Стратегический замысел Политбюро с самого начала состоял в том, чтобы полностью освободить Южный Вьетнам, и чем быстрее, тем лучше. Политбюро совершенно четко определило, что, даже если США снова ввяжутся в войну, мы и в том случае будем решительно наступать, будем наращивать мощь ударов и непременно одерживать еще более крупные победы; мы должны были подготовить силы и принять соответствующие меры, чтобы нанести США еще более тяжелые поражения. Американские империалисты в течение многих лет мобилизовывали огромные военные силы на агрессивную войну против нашей страны, но в конце концов потерпели позорное фиаско и должны были вывести свои войска из Южного Вьетнама. Если бы они

вновь ввели их, то существовали ли шансы на то, что им удастся изменить расстановку сил на поле боя? Вероятнее всего, их ожидали бы новые, еще более тяжелые и позорные поражения. Соотношение сил позволяло нам со всей уверенностью утверждать это.

Американские империалисты не стали посылать дополнительно оружие и доллары своим марионеткам в Сайгоне не потому, что их резервы истощились, и не из-за ошибочных расчетов, а только потому, что при тогдашнем общем положении в США и в мире, перед мощью нашего наступления они понимали, что, сколько бы они ни помогали марионеточному режиму, все равно он будет свергнут, а наша армия соберет еще больше трофеев.

Наша тактика также ставила марионеточную армию в безвыходное положение. Врага в любом случае ждал один конец — разгром или уничтожение. Ведь не случайно он отвел свои силы из Тайнгуена, но, даже если бы он не сделал этого, разве он смог бы избежать поражения?

После освобождения Буонметхуота и ликвидации контратаковавшей нас группировки мы начали готовиться к взятию Плейку и Контума, так как это отвечало замыслам Политбюро, которое еще в начале 1975 года вынесло решение во что бы то ни стало полностью освободить Тайнгуен. Перед лицом мощных сил, уже к началу марта сосредоточенных нами в этом районе, враг понял, что если он и останется в Плейку и Контуме, то непременно будет уничтожен. Поэтому после тщательных расчетов он решил уйти, чтобы сохранить свои силы. Но мы не дали ему и это сделать, остановили и уничтожили почти всю его живую силу. Однако даже в том случае, если бы враг не предпринял отступления, мы все равно бы разгромили его войска при штурме Плейку и Контума, так что их участь оставалась бы той же. Таким образом, как бы ни решил враг — уйти или остаться, оборонять или не оборонять Плейку и Контум, — его в любом случае ожидало полное уничтожение, мы все равно полностью освободили бы район Тайнгуен. Все это было обусловлено нашей мощью и нашей боевой инициативой, а не просчетами командования марионеточной армии. Враг был поражен таким быстрым разгромом и крушением, а мы это предвидели, как предвидели и общий закономерный и неизбежный исход войны.

Источник победы в генеральном наступлении и восстании весной 1975 года состоял в мудром, прозорливом руководстве со стороны ЦК партии, — партии, воспитанной и руководимой великим президентом Хо Ши Мином, в зрелом, тонком, полном творческого дерзания искусстве ведения войны, которое так ярко проявилось в деятельности Политбюро и Военного комитета при ЦК, в необыкновенных усилиях армии и народа всей нашей страны.

На основе успехов, достигнутых в процессе длительной, суровой борьбы нашей армии и нашего народа под руководством партии, мы создали предпосылки для решающего исторического момента. Политбюро и Военный комитет при ЦК, умело используя закономерности революционной войны и в полной мере учитывая закономерности агрессивной войны противника на ее последнем этапе, сумели добиться резких сдвигов в развитии обстановки, осуществить переход к стратегии молниеносного наступления и восстания. Благодаря этому наша армия и наш народ смогли удержать стратегическую инициативу, с самого начала бесповоротно взять верх над противником, застигнуть его врасплох и заставить совершать одну ошибку за другой, терпеть поражение за поражением, что в конце концов привело марионеточный режим к полному крушению.

Огромная, неисчерпаемая мощь народа всей страны и организаторский гений партии, сделавшие возможной эту историческую победу, без сомнения, являются залогом новых свершений в строительстве социализма на нашей родной вьетнамской земле.

От имени командования я объявил благодарность всем военным округам, армейским корпусам, соединениям и частям всех видов вооруженных сил и родов войск за замечательные боевые успехи, достигнутые в последнем сражении. Я воздал должное усилиям всех частей и подразделений, всех органов, непосредственно участвовавших в операции либо обеспечивавших ее из большого тыла — Севера, сердечно поблагодарил все гражданские службы и организации, местные власти и население всех районов, где проходили бои, за помощь и содействие, оказанные вооруженным силам.

Мы обладали и обладаем объединенной мощью армии и народа, тыла и фронта, материи и духа, человека и оружия, отваги и ума. Став хозяевами своей судьбы и овладев техникой, мы упорно и неустанно боролись за то, чтобы стать хозяевами на поле боя и хозяевами судеб своей страны.

И вот, используя эту объединенную мощь, армия и народ нашей страны весной 1975 года собрали букет полной и окончательной победы — прекраснейший, ароматнейший букет, распустившийся при немеркнущем свете истины: «Нет ничего дороже независимости и свободы».

Этот букет мы мысленно со всей почтительностью преподносим президенту Хо Ши Мину, великому вождю вьетнамской нации, человеку, под руководством которого наша армия и наш народ шли и идут от одной победы к другой.

Мы почтительно преподносим букет любимой партии — сильной марксистско-ленинской партии, прошедшей через многие испытания и проявившей себя как всепобеждающая сила, стойкому отряду международного коммунистического движения.

Мы мысленно преподносим букет дорогим товарищам по партии, боевым соратникам, соотечественникам, павшим за дело революции. Это благодаря им, пионерам и первопроходцам, была открыта дорога к победе.

Мы вручаем букет полной победы соотечественникам во всей стране, гражданам-патриотам, безымянным героям Сопротивления, старикам и детям, всем тем, кто, на долгие годы туго затянув пояс, делился с бойцами и кадровыми работниками последней чашкой риса, работал каждый за двоих, внося свой вклад в завоевание победы.

Мы вручаем букет нашим матерям и сестрам — отважным, добрым, верным, самоотверженным. Проводив своих мужей, братьев, сыновей, внуков на фронт, они стойко переносили лишения, трудились не щадя себя во имя победы.

Мы вручаем букет работникам физического и умственного труда, которые под бомбами и снарядами продолжали выпускать продукцию,

творили, изобретали, приумножая материальные и духовные богатства борющегося и строящего новую жизнь народа и его армии-победительницы.

Мы вручаем букет офицерам и солдатам народных вооруженных сил на Севере и на Юге страны, милым юношам и девушкам, добровольно покинувшим родной дом, родные поля, заводы и фабрики, школы и вузы, чтобы с оружием в руках, преодолевая бесчисленные опасности и лишения, идти в бой с врагом; вручаем букет поколениям бойцов, что, сменяя друг друга, более 30 лет находились в боевом походе, пройдя путь от Танчао через Дьенбьенфу к городу Хошимин и мысу Камау.

Мы вручаем букет нашим братьям и друзьям на всех континентах Земли, всем тем, кто рассматривал борьбу вьетнамского народа против агрессии США как свое кровное дело, стоял в одном ряду с вьетнамскими патриотами, своей моральной и материальной поддержкой облегчал Вьетнаму завоевание победы.

Мы передаем в руки читателей весну великой победы, о которой я здесь рассказал так неполно.

Над горизонтом занялась утренняя заря — светлая, как истина революции, как весна великой победы, в которой наш народ живет.

ПРИМЕЧАНИЯ

{1} Речь на обеде в честь Президента Демократической Республики Мадагаскар Дидье Рацираки. См.: «Правда», 1978, 30 июня. — *Прим. ред.*

{2} Новогодний праздник по лунному календарю. — *Прим. ред.*

{3} Макиавелли Никколо ди Бернардо (1469–1527) — один из виднейших идеологов буржуазии периода зарождения капиталистических отношений. Сформулированные им принципы культа грубой силы, вероломства и цинизма поставили себе на службу реакционные империалистические круги. — *Прим. ред.*

{4} День подписания Парижского соглашения по Вьетнаму. — *Прим. ред.*

{5} Три категории вооруженных сил — регулярная армия, территориальные формирования и формирования партизан и народных ополченцев. — *Прим. ред.*

{6} 232-я группа войск по составу сил и средств приравнивается к армейскому корпусу. — *Прим. ред.*

{7} Речь идет о вторжении войск США и сайгонского режима в Камбоджу (Кампучию) в апреле 1970 года. — *Прим. ред.*

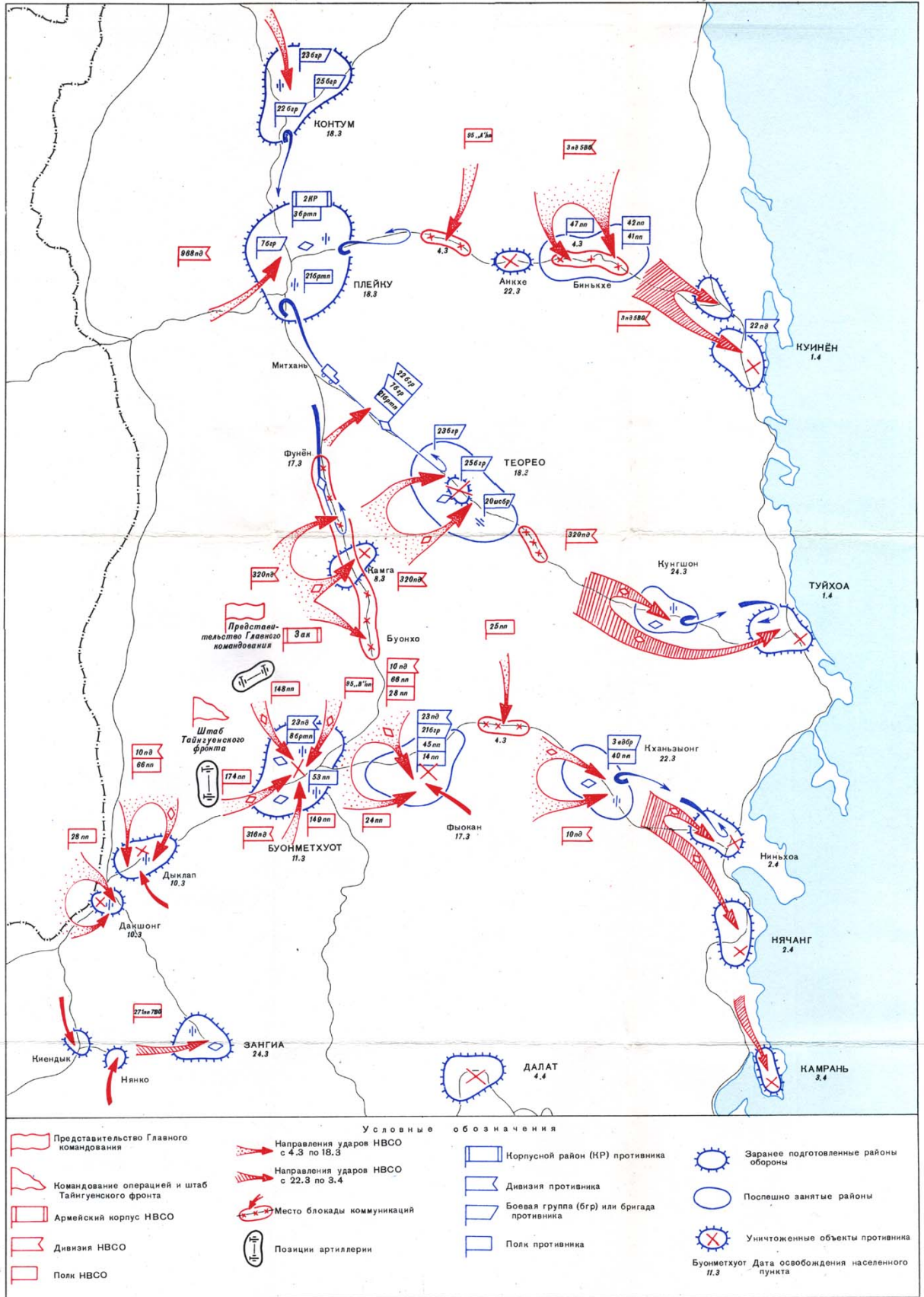


Схема 1. Ход Тайгуэнской операции (4 марта — 3 апреля 1975 года)

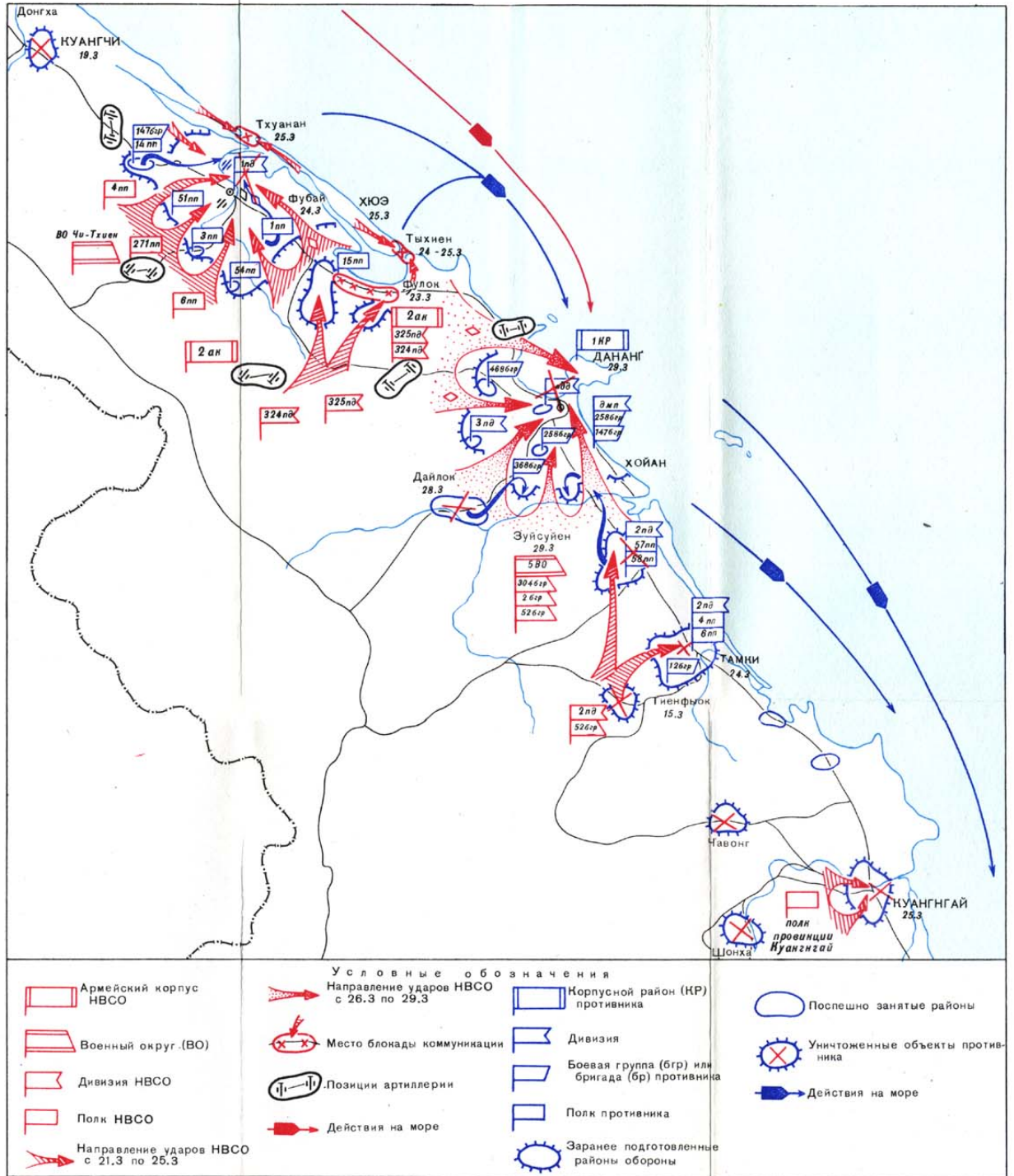


Схема 2. Ход Хюэ-Данангской операции (21 — 29 марта 1975 года)

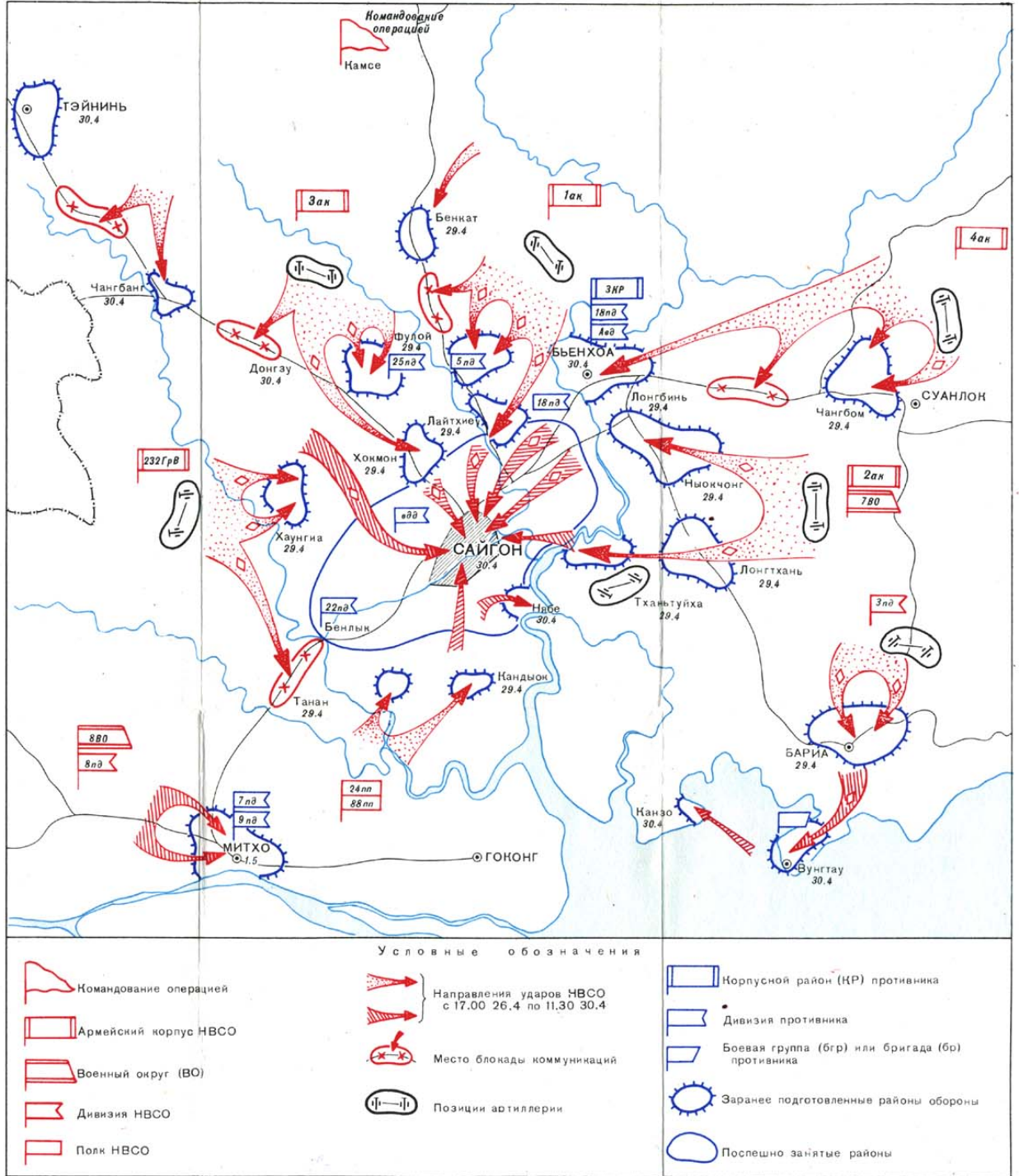


Схема 3. Ход операции „Хо Ши Мин“ (26 — 30 апреля 1975 года)

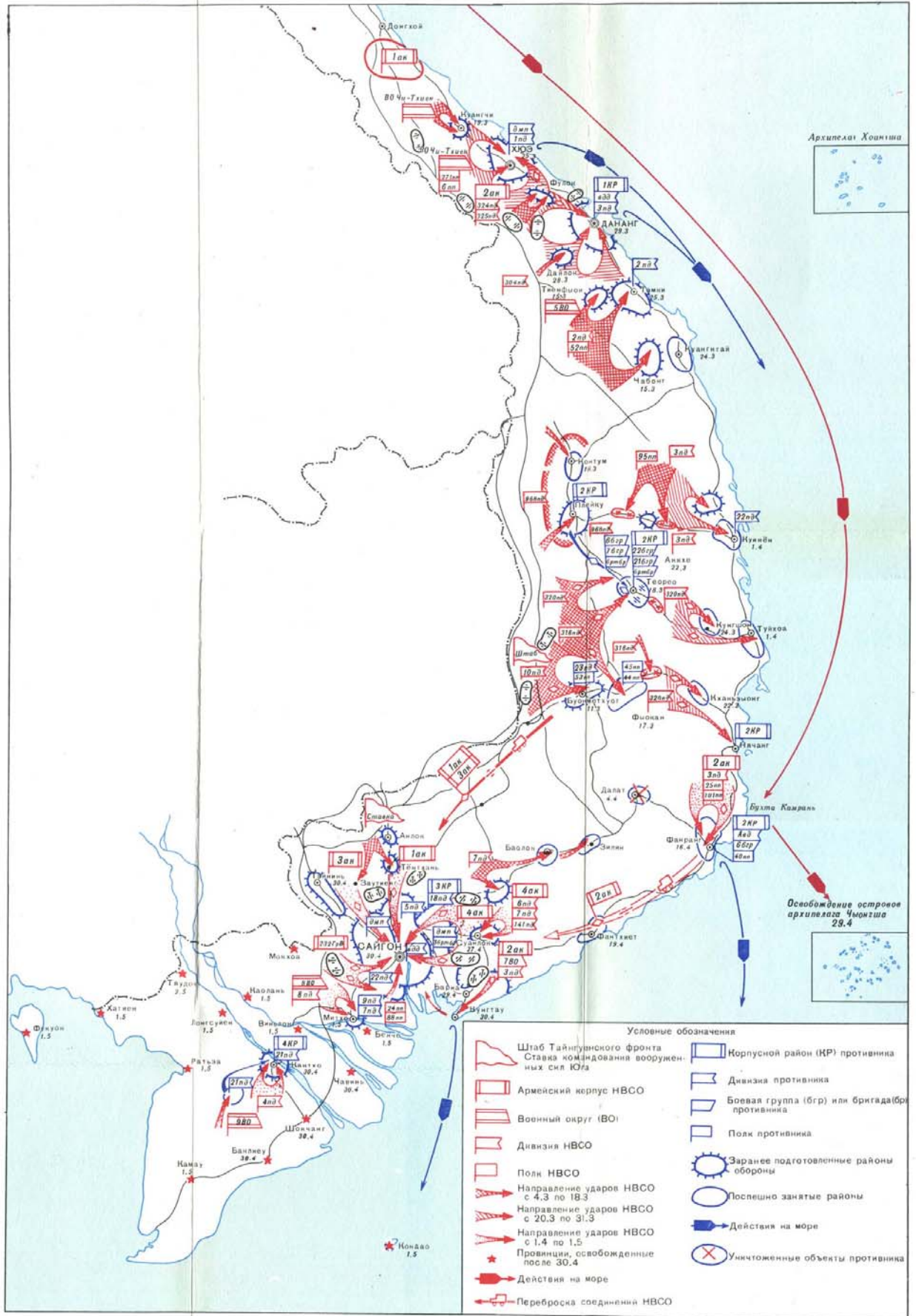


Схема 4. Ход генерального наступления и всеобщего восстания весной 1975 года (4 марта — 1 мая 1975 года)



Генерал армии ВАН ТИЕН ЗУНГ



В дороге на фронт



На путях отступления противника к Тхуанану



В освобожденном Дананге



Проводы молодежи в армию



В последние часы операции «Хо Ши Мин»



Командование операцией «Хо Ши Мин»



Взятие дворца Независимости



Встреча генерала армии Во Нгуен Зиапа и генерала армии Ван Тиен Зунга в освобожденном Сайгоне (Хошимине)